

АРИСТОФАН ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1974

АРИСТОФАН ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
Адр. Пиотровского

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией
*С. Апта, М. Гаспарова, М. Грабарь-Пассек, С. Ошерова,
Ф. Петровского, А. Тахо-Годи и С. Шервинского*

Предисловие

В. Я Р Х О

Комментарии

А в р. П И О Т Р О В С К О Г О и В. Я Р Х О

*Для оформления использованы
эскизы и иллюстрации художника*

Д. МИТРОХИНА

© Издательство «Художественная литература», предисловие, 1974 г.

А $\frac{70304-148}{028(01)-74}$ 171—74

© Сканирование и обработка: glarus63

АРИСТОФАН И ЕГО КОМЕДИИ

Творческая судьба Аристофана и его литературного наследия характеризуется удивительной противоречивостью.

Театральные представления в древних Афинах являлись неременной частью всенародных празднеств в честь Диониса и проходили как художественное состязание между несколькими драматургами. В последней трети V века до нашей эры, к которой относится большая часть творческого пути Аристофана, на праздниках Ленеев и Великих Дионисий выступали по три комических поэта, и специально выбранное жюри из представителей десяти аттических округов делило между ними награды: первая премия означала, естественно, крупную победу автора, вторая — достаточно заметный успех, третья — столь же заметный провал. И вот в 427 году, не достигнув еще девятнадцати лет, Аристофан поставил на Ленеях свою первую комедию, — поставил под чужим именем, опасаясь, что должностное лицо, ведавшее в Афинах театральным делом, будет смущено его возрастом, — и удостоился второго места в соревновании с двумя другими, более опытными соперниками. На следующий год, уже на празднестве Великих Дионисий, когда в Афины, центр могущественной морской державы, съезжались послы из союзных городов-государств, Аристофан предложил вниманию зрителей новую комедию — и завоевал первую премию.

В 425 году — комедия «Ахарняне», в 424-ом — «Всадники», и опять триумф за триумфом, причем Аристофан оба раза оставил позади такого признанного мастера жанра, как «ненстовый» Кратин, уже свыше четверти века выступавший перед афинянами. Правда, в следующем, 423 году наш поэт потерял тяже-

лое поражение, оказавшись на третьем месте с комедией «Облака», которую он считал лучшей из всех; но неудача не обескуражила молодого автора. В 422 году он поставил сразу две комедии: под своим именем «Предварительное состязание» (не сохранилась) и под именем своего друга, актера Флонида, «Осы» — и завоевал два первых места.

Дальнейший творческий путь Аристофана известен нам не столь подробно. Мы знаем, во всяком случае, об успехе комедии «Лягушки», поставленной на Ленеях 405 года и повторенной по требованию публики в том же году, — событие совершенно исключительное в истории афинского театра V века до нашей эры, где для каждого праздника требовались новые произведения. Всего Аристофан за сорок лет своей поэтической деятельности написал не менее сорока комедий. Две последние из них он передал для постановки своему сыну Арароту, желая зарекомендовать его перед афинской публикой; известно, что одна из них, не сохранившаяся до наших дней, принесла Арароту в 387 году до нашей эры желанное первое место — верный показатель не угасших творческих сил стареющего драматурга.

Между тем не прошло и полувека после смерти Аристофана (около 385 г.), как из уст Аристотеля раздалось недвусмысленное осуждение всего жанра древней комедии за свойственную ему идею социального обличения и за беспощадные персональные нападки. Оценка эта стала кочевать из работы в работу античных критиков, найдя свое завершение в известном трактате Плутарха «Сравнение Аристофана с Менаандром». И опять — парадоксальный поворот судьбы. Примерно в то же время, когда Плутарх выносил свой суровый приговор Аристофану, — во II веке нашей эры, — был произведен отбор для нужд школы наиболее интересных, с тогдашней точки зрения, сочинений древнегреческих авторов. Аристофану удивительно повезло — из его сорока комедий сохранилось целиком одиннадцать, то есть больше четверти всего написанного, в то время как из драм популярнейшего в античности Еврипида была отобрана только одна десятая часть (впоследствии к ней случайно прибавились еще девять пьес), Эсхила — примерно одна двенадцатая, а Софокла — вовсе одна семнадцатая. Комедии Менаандра, бывшие идеалом Плутарха, совсем не попали в число отобранных произведений. Комедии же Аристофана, хоть и не все, пережили крушение античной цивилизации и набеги варваров, разрушение

памятников языческой культуры и иконоборчество раннего средневековья, сохранившиеся в рукописях X—XI веков до эпохи Возрождения, когда первое печатное издание венецианца Альда Мануция сделало их доступными широкому кругу гуманистов, а вслед за ними — образованным читателям всей Европы.

Здесь нас снова подстерегают странности. Аристофан стал известен европейскому читателю примерно тогда же, когда были заново открыты Эсхил, Софокл, Еврипид, — в конце XV — начале XVI века. С тех пор такая трагедия, как софокловский «Царь Эдип», стала едва ли не символом всей древнегреческой цивилизации и источником для десятков подражаний, обработок и вариаций. То же самое касается «Электры», «Антигоны», еврипидовской «Меден». Аристофановская комедия не может похвалиться ничем подобным. Философы уже несколько столетий спорят о сходстве и различии комедийного Сократа из «Облаков» и Сократа исторического; реформаторы и моралисты несколько раз пытались приспособить для своих целей аристофановское «Богатство»; время от времени появляются отмеченные большей или меньшей долей фривольности обработки «Лисистраты», — все это, однако, ни в малейшей мере не достигает уровня произведений, созданных Расином и Гете, Шелли и Гауптманом по мотивам трех великих греческих трагиков.

Почему же так странно и противоречиво сложилась судьба литературного наследия Аристофана, единогласно признаваемого «отцом комедии»? Есть по меньшей мере две причины, объясняющие трудность непосредственного усвоения аристофановской комедии культурой нового времени. Это непривычность ее внешней формы и специфичность внутреннего содержания.

1

Необычность формы аристофановской комедии открывается читателю, как только он перелистает первые же страницы любой из них.

Каждая комедия начинается *прологом*, и хотя термин этот достаточно распространен в литературе нового времени, у современного читателя с прологом ассоциируется небольшое вступление, чаще всего — повествовательного характера, вводящее зрителя в сюжетную экспозицию пьесы. У Аристофана про-

лог — совсем иной. Это достаточно обширная и очень оживленная игровая сцена с участием трех-четырех (а то и больше) действующих лиц; уже в прологе завязывается основной драматический конфликт пьесы, обрисовывается место в нем участников и достаточно четко определяется их сценический облик.

Если назначение пролога — при всем различии в его употреблении у Аристофана и у более поздних авторов — все же вполне понятно современному читателю, то функция следующих за ним частей древней комедии нуждается в более подробном объяснении.

После того как в прологе выяснилась расстановка сил, принимающих участие в действии, оркестру (сценическую площадку) заполнял хор, исполнявший свою вступительную песнь, — *парод* («выход»). Хор — традиционный участник древнегреческой драмы классического периода (V в. до н. э.), как трагедии, так и комедии. Однако трагический хор, даже в моменты наивысшего потрясения или величайшей радости, редко принимал непосредственное участие в действии. Иначе в комедии Аристофана: здесь хор часто самым активным образом вмешивался в отношения действующих лиц, поддерживал одного из них, преследовал другого, причем подчас дело доходило до самой откровенной потасовки. К тому же комедийный хор мог изображать вовсе не людей, а животных (например, лягушек), птиц или какие-нибудь фантастические существа (например, облака, спустившиеся на землю). Поскольку в пароде хор присоединялся к одной из сторон в уже наметившемся конфликте, эта часть комедии только усиливала напряжение, возникшее в прологе, и доводила его до высшей точки. Когда же страсти несколько успокаивались, наступало время обосновать наконец позиции враждующих сторон, — этой цели служил *агон* («спор»), в котором каждый из антагонистов развивал аргументы в пользу задуманного или осуществленного им плана.

По своему происхождению комедийный агон восходил к ритуальному состязанию двух хоров. В соответствии с этим и в комедии Аристофана хор выказывал живейшую заинтересованность в исходе спора и иногда даже делился на две партии, причем каждая поддерживала своего «героя». Однако решающая роль в агоне уже перешла к индивидуальным противникам, и чаще хор просто побуждал их к мобилизации всех средств убеждения. Последнее слово в споре принадлежало, как правило,

тому из персонажей, на чьей стороне находились симпатии автора. Естественно, что и хор принимал сторону этого действующего лица, прославляя в нем удачливого соперника.

Победа в агоне главного персонажа, в сущности, исчерпывала чисто логическое содержание спора, составлявшего идейную основу конфликта в данной комедии. Теперь оставалось только подкрепить примерами правоту победителя,— поэтому всю вторую половину пьесы занимала вереница отдельных сценок — *эписодиев* (т. е. «привхождений») с участием различных персонажей, которые пытались извлечь для себя выгоды из создавшейся ситуации. Поскольку, однако, герои обычно не выражали ни малейшего желания делиться плодами одержанной победы, а непрощенные любители таскать каштаны из огня чужими руками проявляли назойливость, в дело приходилось пускать кулаки и палки.

Завершалась комедия *эксодом* («уходом»): герои, в сопровождении ликующего хора, покидал оркестру в веселом праздничном шествии, часто носившем характер свадебной процессии или достаточно откровенно намекавшем на ожидающие победителя радости Афродиты.

Кроме этих, весьма своеобразных композиционных членов аристофановской комедии в ней обычно присутствовала еще одна, наиболее специфическая ее часть, не находящая себе никакого соответствия ни в одном драматическом жанре нового времени. Это была так называемая *парабаса* — прямое обращение хора к зрителям, только очень отдаленно или совсем не связанное с сюжетом комедии,— отсюда и его название (буквально: «отступление»). Кого бы ни изображал хор, в парабасе его участники посвящали свою партию обсуждению злободневных общественно-политических вопросов, осмеивали всяких казнокрадов и обманщиков, неженков и распутников, а попутно вспоминали и о добром старом времени, когда такого рода отступления от моральных норм не позорили своими пороками честь государства. Передко в парабасе устами хора говорил сам автор, делясь со зрителями взглядами на искусство или оценивая свой творческий путь.

Ко всему сказанному следует прибавить, что выступления хора и в пародии, и в парабасе, и в агоне членились на симметричные вокальные и декламационные партии. Хор, состоявший из двадцати четырех человек, делился на два полухорня,

и песне, исполняемой одной его половиной (*ода*), отвечала написанная в том же лирическом размере песня другой половины (*антода*); точно так же одному речитативу (обычно в оживленном ритме восьмистопных хореев) соответствовал другой равновеликий речитатив (*эпиррема*, буквально: «присловье, присказка», и *антэпиррема*).

Описанная здесь в самых общих чертах композиционная схема аристофановской комедии отнюдь не играла роли беспощадно-жесткого прокрустова ложа, а, напротив, достаточно свободно варьировалась автором в зависимости от потребностей сюжета. Во «Всадниках» агон выходит далеко за пределы одной части комедии, пронизывая ее от начала до конца; в «Лисистрате» парабаса включается в развитие действия, утрачивая свое основное назначение публицистического отступления; эпизоды нередко занимают значительное место в первой половине пьесы, до парабасы и даже до агона. В любом случае ясно, что структуру аристофановской комедии до самого конца V века нашей эры составляли два, по-видимому, совершенно разнородных элемента: хор, являвшийся носителем обличительного начала, и разговорная сценка с участием персонажей бытового плана, поданных в традициях древнейшего народного фарса. Эти две стихии, как видно из уцелевших фрагментов других афинских комедиографов того времени, царили и в их произведениях, и, таким образом, Аристофана мы можем рассматривать как единственного и, очевидно, наиболее яркого представителя целого жанра, который современная наука, вслед за античными филологами, обозначает понятием «древняя аттическая комедия»: «аттическая» — по названию греческой области Аттики с центром в Афинах, «древняя» — для различения между исключительно своеобразной комедией V века и ее более поздними этапами: «средней» и «новой» аттической комедией.

Происхождение древней аттической комедии и ранние стадии ее развития прослеживаются при существующем состоянии наших источников только в самых общих чертах. Ее зародышем явились обрядовые песни, входившие в ритуал весенних празднеств плодородия и в силу этого отличавшиеся достаточной откровенностью выражений: по древнейшим представлениям, сквернословие и всякого рода «срамление» являлись средствами, стимулирующими производительные возможности природы. В период разложения первобытно-общинных отношений эти

«срамные» песни оказались очень удобным вместилищем для выражения в них недовольства рядовых общинников произволом родовой знати, которая попирала патриархальные традиции первобытного равенства. И в поддающийся обзорению исторический период существования «древней» комедии (вторая половина V в. до н. э.) «посрамление» вполне конкретных афинских граждан, осмеяние их за корыстолюбие, взяточничество, безнравственное поведение остается одной из существеннейших привилегий комедийных поэтов,— атмосфера праздника в честь бога Диониса освящала самые резкие выражения по адресу неугодных им лиц.

В то же время никакая сила обличения, заключенная в нападках обрядового хора, еще не в состоянии создать драматическое произведение, основу которого всегда составляет действие. Этот элемент древняя комедия должна была искать за пределами хоровой традиции, и она нашла его в фольклорной сценке с участием традиционных героев «народного балагана»: «простака», в действительности более пронизательного, чем он кажется; «хвастуна», сильно преувеличивающего свои истинные или мнимые способности; «обжоры», мечтающего о сытной еде и обильной вышивке, и тому подобное. Процесс слияния двух фольклорных стихий в одно художественное целое шел в Афинах V века на протяжении десятилетий и достиг своего завершения как раз в двадцатые годы, когда и Аристофан внес в него свой, достаточно внушительный вклад. Его сохранившиеся комедии остаются для нас единственным памятником этого своеобразнейшего и неповторимого художественного жанра.

2

Не менее необычно, чем форма аристофановской комедии, ее содержание, которое мы сумеем лучше понять, вспомнив об исторических условиях, сложившихся в Афинах в последней четверти V— начале IV века до нашей эры.

Получилось ли так по замыслу античного редактора, отобравшего одиннадцать комедий Аристофана для «массового издания» тех далеких времен, или по случайному совпадению, только сохранившиеся пьесы охватывают почти все сорок лет

его творчества: от 425 до 388 года. В истории древних Афин это были критические десятилетия, поворотный период от их высшего расцвета к началу глубокого кризиса.

Внешним проявлением кризиса афинской демократии явилась Пелопоннесская война (431—404 гг. до н. э.), когда в борьбе за первенство столкнулись два ведущих государства тогдашней Греции — Афины и Спарта. Ход военных действий в первые же годы и внутренняя обстановка в Афинах выявили целый ряд острых противоречий между отдельными социальными группировками.

Прежде всего война с огромной силой ударила по сельскому населению Аттики: спасаясь от вторжения самой сильной в Греции сухопутной армии спартанцев, аттические земледельцы покидали свои скромные владения и переселялись в Афины, где далеко не всем беженцам хватало места и государственного вспомоществования. Отрезанные вражеской армией от родных мест, они с вершины Афинского акрополя с тоской и горечью наблюдали за тем, как гибнут их маслины и виноградники. В то же время для безземельных городских ремесленников, заинтересованных в вывозе своих изделий за пределы Аттики, господство на море афинского флота открывало все более широкие перспективы, и потому именно на эту часть населения опирались хозяева рабовладельческих мастерских и оптовые торговцы, выдвигавшие из своей среды руководящих деятелей афинской демократии. Так наметилось существенное противоречие между стремлением к миру, исходившим от поселян и незначительной прослойки крупных землевладельцев, и ориентацией городских торгово-ремесленных слоев на войну «до победного конца».

Этот основной общественный конфликт повлек за собой и все остальные.

В мирное время аттические крестьяне жили по своим деревням и сравнительно редко заглядывали в город; даже для решения самых важных государственных дел в народном собрании требовался кворум в шесть тысяч голосов при общем числе полноправных мужчин примерно в тридцать тысяч (женщины и обосновавшиеся в Афинах ремесленники из других государств правом голоса не пользовались). По этой причине сельские жители были мало или вовсе не искушены в ораторском искусстве и принимали за чистую монету все, что им приходи-

лось отныне выслушивать в народном собрании или судебных заседаниях. Поскольку же выступавшие там опытные ораторы, защищая интересы различных общественных слоев, выдвигали и одинаково доказательно обосновывали прямо противоположные точки зрения, у бедного селянина голова шла кругом и он понимал только, что в любом случае его обводят вокруг пальца и оставляют в дураках. Отсюда — недоверие к речистым лидерам демократии («демагогам»), умеющим подбивать народ на рискованные, а то и вовсе безнадежные предприятия. Отсюда же в широких кругах населения открытая враждебность по отношению к науке убеждения (риторика) и ее носителям — разным философам, сливавшимся в сознании простого человека в собирательный образ некоего злоуредного «софиста».

Известно, впрочем, что риторические увлечения софистов были тесно связаны с их представлениями об относительности существующих общественных и нравственных норм. Критическая, а то и откровенно скептическая позиция софистов в отношении традиционной религии и традиционной этики нашла отражение и в самом массовом жанре афинской литературы — в драматическом искусстве. Трагика Еврипида, старшего современника Аристофана, античные филологи называли философом на сцене и считали его даже учеником софистов, — правда, отклик на теории софистов в трагедиях Еврипида достаточно часто носит полемический характер, но интерес драматурга к новым доктринам бесспорен, как не вызывает сомнения новаторство самого Еврипида в содержании и в форме его драм. Поэтому и в наиболее далекой, казалось бы, от насущных забот сфере художественного мышления происходило столкновение различных точек зрения на задачи и границы трагического искусства, на степень его близости к действительности, на способы ее воспроизведения.

Так мы получаем доступ к целому комплексу проблем, волновавших общественное мнение в Афинах в то время, когда Аристофан делал свои первые шаги в драматическом искусстве: война и мир, богатство и бедность, народ и его вожди, сила публичного слова и моральное право оратора, реальная жизнь и ее отображение на сцене. При этом некоторые проблемы занимают Аристофана сравнительно недолго, другие — едва ли не всю жизнь, третьи всплывают только под самый ее конец, — объяснение этому дает общественно-политическая обстановка в Афи-

нах, резко менявшаяся несколько раз на протяжении сознательной жизни нашего поэта.

Все сохранившиеся комедии Аристофана хронологически делятся на три группы, совпадающие по времени с тремя различными этапами в истории Афин и афинской демократии.

К первой группе относятся произведения, датируемые от 425 до 421 года. Последние из них, «Тишина» («Мир»), была поставлена накануне подписания мирного договора между Афинами и Спартой: первое десятилетие Пелопоннесской войны не принесло перевеса ни одной из воюющих сторон. И хотя Афины, и особенно их сельское население, пережили за минувшие годы немало трудностей, афинская демократия чувствовала себя достаточно сильной, и осознание этой силы делало беспощадными нападки Аристофана на те общественные явления, которые представлялись ему несовершенствами существующего строя.

Самый яркий пример такого рода сатиры — комедия «Всадники» (424 г.), где под видом наглого и лстивого Кожевника, обманывающего и обкрадывающего своего дряхлого хозяина Демоса (афинский народ), Аристофан вывел всемогущего лидера радикального крыла афинской демократии Клеона. В остро гротескной форме, не боясь смелых гипербол и фантастических ситуаций, поэт поставил вопрос о самой природе демагогии и о социальных причинах, порождающих наивную доверчивость народа. Разумеется, во «Всадниках» было достаточно комических преувеличений, но основная мысль в комедии — глубоко верная для характеристики всякого эксплуататорского общества: власть имущим свойственно откупаться от широкой массы трудящихся видимостью их участия в управлении государством и в дележе доходов.

Другой важнейший мотив комедий этих лет — требование мира. В комедии «Ахарняне» (425 г.) честный афинский крестьянин Дикееполь, разуверившись в возможностях народного собрания, заключает сепаратный мир со спартапцами и убедительными доводами смирят гнев своих земляков, готовых видеть в нем изменника. Если попутно достается и демагогам, и воинственным «генералам», и всяким послам, прокучивающим государственные деньги, то это только доказывает, что пропаганда мира неотъемлемо связана в сознании Аристофана с критикой недостойных представителей общественной системы.

К этим же годам относится комедия «Облака» (423 г.), как мы помним, провалившаяся. Аристофан попытался ее переделать, но не довел переработку до конца, и в тексте сохранились некоторые неувязки, однако основная цель комедии совершенно ясна: в образе широко известного в тогдашних Афинах Сократа драматург подвергал беспощадному осмеянию всю «новую науку», не делая различия между ее натурфилософскими, грамматическими и этическими течениями. Степень зловредности модных направлений измеряется в «Облаках» глубиной нравственного ущерба, который они наносят воспитанию гражданина, отрывая его от заветов традиционной морали.

Вторая группа сохранившихся комедий Аристофана охватывает 414—405 годы.

После заключения мира Афины не только восстановили разрушенное хозяйство, но и достигли такого процветания, которое сделало возможным зарождение и осуществление самого смелого и самого безрассудного замысла в их истории — Сицилийской экспедиции (415—413 гг.). Огромные средства были затрачены на сооружение невиданного в истории Афин военного флота; отборнейшему войску было доверено покорение Сицилии, с тем чтобы афинская держава обосновалась на западной периферии древнегреческого мира. Кончилось все это осенью 413 года страшным поражением, гибелью всего войска и флота и продажей в рабство уцелевших воинов. К тому же, пользуясь раздроблением сил противника, спартанцы еще весной того же года захватили важное укрепление в самом центре Аттики, используя его как опорный пункт для новых набегов на поля и сады афинских земледельцев. Война возобновилась с еще большим ожесточением, причем на этот раз силы оказались уже неравными, и можно только удивляться тому, что после сицилийской катастрофы афиняне целых девять лет выдерживали натиск противника, а иногда и сами перехватывали инициативу в боевых действиях.

Мы не имеем прямых свидетельств о том, как отнесся Аристофан к идее Сицилийской экспедиции. Неоднократные попытки найти прямую поддержку этого замысла или столь же непосредственное его осуждение в комедии «Штицы» (414 г.) не привели до сих пор к сколько-нибудь убедительному результату. После страшной катастрофы 413 года общественная активность комедий Аристофана значительно снизилась. Из них почти исче-

зают персональные нападки на политических деятелей, конкретные вопросы внешней и внутренней политики. Единственная общественная проблема, по-прежнему находящая отклик в его творчестве, это потребность в мире для исстрадавшихся Афин, но и она предстает в «Лисистрате» (февраль 411 г.) в таком освещении, которое делает достижение мира еще более иллюзорным, чем когда бы то ни было в произведениях первого десятилетия Пелопоннесской войны.

Внимание поэта в эти годы больше привлекают проблемы эстетики и литературной критики. Сатирическое изображение художественных приемов Еврипида имело место уже в «Ахарнянах», а полет Тригел на Олимп («Тишина») являлся гигантской пародией на сюжет трагедии Еврипида о мифологическом герое Беллерофонте. Теперь Аристофан посвящает целую комедию «Женщины на празднике Фесмофорий» (апрель 411 г.) осмеянию Еврипида, пародируя сюжеты и отдельные сцены из его комедий, принципы построения арий и диалогов. Наконец, после того как в течение одного лишь года уходят из жизни Софокл и Еврипид, Аристофан пишет пьесу «Лягушки» (405 г.) — блестящий образец эстетической полемики, выполненной причудливыми средствами аттической комедии. Есть что-то символическое для жизнеутверждающего духа афинской культуры в том, что всего за несколько месяцев до решающего поражения в Пелопоннесской войне афинский поэт был способен на такое глубочайшее проявление чувства комического, а его аудитория — на такое тонкое его восприятие, которое засвидетельствовано успехом аристофановских «Лягушек».

К последнему периоду творчества Аристофана принадлежат две комедии, очень существенно отличающиеся от всех, упомянутых выше. Годы славы Афин — в далеком прошлом. Правда, к 392 году удается восстановить городские укрепления и собрать флот, но возрождение морского союза наталкивается на сопротивление спартанцев и персов. Правда, известная часть крестьян вернулась к своим садам и крошечным полевым наделам, — но земля, многократно вытоптанная поступью войны, оливковые деревья и виноградные лозы, искалеченные или вовсе вырубленные во время вражеских набегов, с трудом заживают раны, так что иной афинянин еще три раза подумает, стоит ли начинать заново сельскую жизнь, или лучше остаться в городе, перебиваясь с семьей на гроши, которые он получает

за посещение народного собрания. Если героем ранних комедий Аристофана был справный хозяин, противопоставляющий разорению военных лет идеал сельского довольства и обеспеченности, то теперь героем комедии «Богатство» («Плутос», 388 г.) становится по-прежнему честный, но бедный крестьянин, гнувший спину в поле от рассвета до позднего вечера, чтобы кое-как прокормить ораву голодных детей. Фантастические планы прекращения войны и возрождения афинского демоса, придававшие столь красочный размах политической сатире Аристофана в комедиях двадцатых годов, в последнем его произведении оборачиваются утопической мечтой об элементарной сытости бедняка-труженика, да и эта надежда оказывается на поверку очень призрачной.

3

Попытаемся теперь выявить те эстетические законы, по которым Аристофан создает в своих комедиях совершенно особый, неповторимый мир, похожий и одновременно не похожий на породивший его реальный мир исторических Афин.

Прежде всего обращает на себя внимание фантастичность сюжетов аристофановских комедий. Один афинский земледелец, недовольный военной политикой государства, заключает для себя сепаратный мир со спартанцами, открывает рынок, доступный для жителей всех соседних областей Греции, и, пока вокруг грохочет война, мирно справляет сельский праздник с обязательным участием соблазнительных девиц («Ахарняне»). Другой афинский крестьянин — Тригсй, раскормив до размеров хорошего жеребца огромного навозного жука, достигает на нем Олимпа и обнаруживает, что желанная для всех эллинов богиня мира находится в заточении у ненавистного бога войны; пользуясь его временным отсутствием, герой сзывает честных земледельцев со всей Греции, которые без малейших затруднений появляются на Олимпе и, приналегши на канаты, отваливают тяжелый камень от пещеры, где давно запрятана богиня мира («Тишина»). Два афинских горожанина бегут из опустыленного им города и, встретившись с птичьим царем Удодом, решают основать птичье государство между небом и землей. И вот журавли приносят в зобу камни из Ливии, гуси грузят глину, ласточки подают раствор, — в мгновение ока неприступная стена

отгораживает небо от земли, и самим богам приходится идти на поклон к новым владыкам вселенной («Птицы»). Бог театра Дионис в поисках истинного трагического поэта спускается в подземное царство, чтобы вернуть на землю недавно умершего Еврипида. Здесь он становится свидетелем страшного спора, происходящего между Еврипидом и давно скончавшимся Эсхилом, избирается судьей в их поэтическом состязании и, изменив первоначальное решение, забирает с собой на землю Эсхила («Лягушки»). Афинский бедняк Хремил встречает в пути оборванного слепого старика, который оказывается самим богом богатства Плутосом; исцеленный от слепоты, Плутос одаряет своими милостями честных земледельцев, навсегда отворачиваясь от всяких авантюристов, доносчиков и казнокрадов («Богатство»).

Даже если аристофановский сюжет исходит из жизненно возможных ситуаций, практически он может быть осуществлен только в условиях комического театра. Женщины всей Греции, возглавляемые Лисистратой, договариваются отказывать мужьям в супружеских ласках, пока те не примут решения прекратить войну и вернуться к семьям («Лисистрата»). Чтобы избавиться от притесняющего их недавно купленного раба-кожевника, двое слуг афинского Демоса выкрадывают у Кожевника прощания, предсказывающие его падение,— ситуация, в принципе вполне возможная в Афинах середины двадцатых годов, где всякие пророчества были в большом ходу. Однако, чтобы изгнать Кожевника, оракул предписывает найти еще большего наглеца и пройдоху, способного превзойти нынешнего фаворита нахальством, беспардонной лезть, необразованностью. Когда же необходимый кандидат находится в лице базарного торговца колбасами и в конце концов одолевает противника, он совершает над своим хозяином волшебную церемонию: Демос превращается в молодого, полного сил красавца, каким был афинский народ в годы славных побед над персами при Марафоне и Саламине («Всадники»).

Таким образом, в комедии Аристофана становится возможным невозможное, осуществляется неосуществимое,— дает ли это нам право считать создаваемый им мир порождением одной лишь поэтической фантазии, находящей обоснование в себе самой? Ни в коем случае. Фантастические средства, к которым прибегают герои, фантастическое разрешение конфликта выра-

стают из конкретных, исторически обусловленных противоречий современной Аристофану действительности. К тому же в его комедиях мы находим множество штрихов и зарисовок из повседневной жизни афинских горожан и земледельцев, богачей и бедняков, судей и военных, жрецов и поэтов, торговцев и ремесленников, стариков и женщин,— собранные вместе, эти детали создают картину афинского быта военных лет, не уступающую по достоверности самым подробным описаниям парижского рынка или банкирской конторы у великих французских реалистов XIX века. Своеобразие мира, создаваемого в комедии Аристофана, состоит не в отрыве от земных конфликтов, а в призрачности предлагаемого для них разрешения. Отсюда не только иллюзорность средств, используемых комедией, не только осознанная утопия, берущая начало в финале «Всадников» и завершающаяся в «Богатстве». Отсюда и глубочайшая противоречивость аристофановской комедии, беспощадно смелой в критике и разоблачении, но беспомощно слабой в утверждении положительного идеала: если в парабасе и финале «Всадников» автор обращается к гражданским чувствам и патриотической гордости зрителей, то «Ахарняне» и «Мир» завершаются прославлением плотских удовольствий, доступных человеку вне всяких общественных установлений и независимо от них. Хотя такой финал и находит объяснение в ритуальных истоках комедии, он, несомненно, уступает разоблачительной силе комедии в целом.

Такой же противоречивостью отличаются образы тех аристофановских героев, которые могут быть — с известной долей условности — названы положительными.

С одной стороны, почти каждый из них выдвигает какую-то новую, неожиданную идею, поражающую своей смелостью: таковы планы Дикеополя, Тригея, Лисистраты. Особенно следует выделить замысел Тригея, ибо его полет на Олимп представляет собой явное нарушение традиционной моральной нормы, давно сформулированной в хоровой лирике. «На небо взлететь, о смертный, не пытайся, не дерзай мечтать о браке с Афродитой»,— пел во второй половине VII века до нашей эры хор в «девичьем гимне» спартанского поэта Алкмана. «Не тщишься быть Зевсом... смертному подобает смертное»,— учил в V веке до нашей эры Шнидар. Мифологических героев, пытавшихся перейти границу между людьми и богами, неумолимо постигало поражение; такова, в частности, была судьба Беллерофонта, который

вздумал подняться на Олимп, оседлав крылатого коня Пегаса. Тригею, в отличие от Беллерофонта, сопутствует успех,— не говорит ли это о том, что комическому герою, в противоположность трагическому, «все дозволено»?

Вместе с тем конечным результатом деятельности комического героя, несмотря на всю ее новизну и неожиданность, является чаще всего не новое или хотя бы преобразованное состояние мира, а возвращение к ранее существовавшему: Дикееполь и Тригей водворяют в Греции мир, Лисистрата присоединяет к этому восстановлению семьи. Когда же герой пытается не вернуться к прежнему состоянию, а учредить некую новую общественную систему, его обычно постигает или явная, или скрытая неудача (исключение составляют только «Птицы»). Так, в «Богатстве», где Аристофан, казалось бы, целиком разделяет мечты обедневших крестьян о воцарении золотого века, главный герой оставляет без ответа каверзный вопрос богини бедности: откуда возьмутся рабы, чтобы обеспечивать благосостояние земледельцев, если никто не захочет подвергать себя опасности ради их приобретения?

Таким образом, положительный герой Аристофана ставит нас перед явным парадоксом: вся его изобретательность, вся новизна его идей направлены на то, чтобы вернуть мир в состояние, однажды нарушенное чьей-либо злой волей, ибо и сама война представляется ему не закономерным следствием общественных противоречий, а случайностью, вызванной к жизни каким-нибудь декретом Перикла («Ахарняне») или алчностью демагогов.

Особое место среди персонажей Аристофана занимает Колбасник во «Всадниках». Являясь по своей функции положительным героем, призванным избавить афинский Демос от всевластия Кожевника-Клеона и возродить его для прежней славы, Колбасник в то же время наделен всеми качествами, свойственными его антагонисту, отрицательному герою. Здесь мы не только снова сталкиваемся с парадоксальной противоречивостью аристофановского героя, достигающего высокой цели низкими средствами, но и получаем представление о том, каким образом создается у Аристофана обобщенный художественный тип.

Характеристика демагога в комедиях Аристофана отличается достаточной устойчивостью на протяжении всего его творчества. Постоянный способ действия демагога — обман народа,

грубая лесть, которыми прикрывается алчность и корыстолюбие, казнокрадство и взяточничество. Этими качествами Аристофан в разной мере наделяет любого лидера радикальной демократии, но концентрацией всех свойств натуры демагога является, конечно, образ Кожевника, за маской которого зрители легко угадывали Клеона: ему принадлежала в Афинах кожевенная мастерская, а «происхождение» нового раба из Пафлагонии ассоциировалось у зрителя с глаголом, означавшим «бурлить, кипеть» и напоминавшим о бурном темпераменте реального исторического лица. В отличие от литературы критического реализма, которая наделяет художественный образ суммой индивидуальных психологических свойств и внешних признаков, сатирическая типизация в аристофановской комедии идет по другому пути: поэт прикрепляет устойчивую характеристику социального типа к конкретному, реально существующему и почти всегда названному по имени афинскому гражданину, мало заботясь о соответствии данной характеристики истинным свойствам этого человека.

Такой способ типизации еще отчетливее проявляется в образе Сократа в «Облаках»: достоверно известно, что исторический Сократ не занимался ни геометрией, ни грамматическими теориями, которые приписываются ему в «Облаках». Но он был очень заметной личностью в Афинах — не в последнюю очередь благодаря своей внешности, далекой от идеала красоты, и одно лишь появление на орехестре актера в маске Сократа сразу делало сценический персонаж знакомым для зрителя. К этой чисто внешней «индивидуальности» Аристофан снова прикрепляет устойчивую фольклорную характеристику, на этот раз — ученого-шарлатана, обогащая ее теми конкретными чертами, которые он заимствует у других современных философов. Поэтому лишен смысла длящийся уже столетия спор о том, насколько правдиво изобразил Аристофан Сократа и имел ли он право на искажение реального прототипа, — драматург создавал не портрет исторического лица, а художественный образ «софиста» вообще, жемудреца, ответственного за порчу добрых старых нравов, и «право» на такую сатирическую типизацию давала ему природа жанра древней комедии.

Интересный пример «индивидуализации» в античном понимании слова дают также в «Лягушках» образы Эсхила и Еврипида, которых трудно с полной уверенностью отнести к катего-

рии положительных или отрицательных героев. Правда, в каждом виде состязания Эсхилу принадлежит заключительное слово, и Дионис в конце концов отдает ему предпочтение перед Еврипидом, но нельзя не заметить, что к архаической литературной технике Эсхила Аристофан относится не без иронии и возвращение его поэзии на афинскую сцену принадлежит к сфере уже знакомых нам иллюзорных решений, присущих древней комедии. При всем том ясна глубокая противоположность двух поэтов друг другу, их очевидная «неповторимость». Чем же она достигается? Как правило, противопоставлением образов их литературного творчества, из которых уже выводятся свойства их характера: замкнутость, напыщенность, «тяжеловесность» Эсхила и доступность, разговорчивость, «демократизм» Еврипида. Как и в явно сатирических фигурах Кожевника и Сократа, Аристофан не стремится воспроизвести психологически индивидуальные черты двух умерших поэтов; материалом для их образов служит то главное свойство, которым они обеспечили себе столь заметное место в гражданском коллективе,— их поэтический дар и формы его проявления.

Было бы, однако, неверным не замечать в комедиях Аристофана определенной тенденции к индивидуализации образов, приближающейся к современному пониманию слова. Ранние комедии этим стремлением совершенно не затронуты: два раба из пролога «Тишины» как две капли воды похожи на рабов из пролога «Всадников» и восходят к одному и тому же фольклорному типу шута. Но в тех же «Лягушках», где Аристофан сурово порицает Еврипида за сочувственное изображение в его трагедиях рабов, появляется яркий образ ловкого, дерзкого и изворотливого раба Ксанфия, способного перехитрить своего хозяина; сквозь традиционную маску клоуна проглядывают черты живого человека. Еще более заметными индивидуальными чертами наделен раб Карион в «Богатстве»: он во много раз активнее и решительнее, чем его хозяин, он проявляет находчивость и проворство, присутствуя в храме при исцелении слепого бога богатства, наконец, он превосходит в величественной наглости, покровительствуя своему бывшему заступнику — богу Гермесу. Фигурой Кариона Аристофан открывает в своей последней комедии путь к тому образу слуги, который станет нормой для римской комедии Плавта, а в новое время — для Мольера и Бомарше.

Впрочем, независимо от того, выводит ли Аристофан положительного героя или отрицательного, торжествующего или побежденного, в изображении его деятельности преобладает ярчайшая конкретность, достигаемая материализацией самых отвлеченных понятий и сведением самых высоких материй к их чувственно осязаемым проявлениям.

Во «Всадниках» Кожевник и Колбасник кидаются в Совет пятисот, чтобы доказать свою неусыпную заботу о благосостоянии народа, но при этом они прибегают не к высоким словам, а к весьма прозаическим доводам, и победу Колбасника обеспечивает его сообщение о том, что на базаре на копейку подешевела соленая рыба. Когда же дело доходит до состязания перед лицом самого Демоса, Колбасник подносит хозяину подушечку для сидения, чтобы отдохнула именно та часть стариковского тела, которая потрудилась в Саламинском бою.

В «Облаках» средствами комической материализации достигается чрезвычайно наглядная характеристика высокопарного мудрствования. Сократ большую часть времени проводит в гамаке, подвешенном высоко над землей,— иначе его возвышенные мысли будут притянуты к земле и утратят свою отвлеченность. Подвижность, изменчивость человеческого мышления, относительность нравственных норм, на чем настаивали софисты, воплощается в облаках, носимых ветром по поднебесью и постоянно меняющих свой вид.

А как постигнуть Дионису, чтобы с достаточной долей объективности оценить качество стихов Эсхила и Еврипида? Очень просто — взвесить их стихи на весах. Тут и выявляется, что сила убеждения, столь высоко ценимая Еврипидом, ничто перед лицом смерти, торжествующей в трагедии Эсхила, и даже богатырская палица, упоминаемая в стихе Еврипида, не может перетянуть кучи трупов, о которых говорится в стихе Эсхила.

Переходя от деталей к целым эпизодам, мы и здесь найдем ту же конкретность аргументации, вызывающей не к уму, а к чувству зрителей. Для Тригея установление мира отождествляется с женитьбой на молодой красавице, полубожественной Жатве, спутнице безоблачных мирных дней. Да и в «Богатстве», безмерно далеком от жизнеутверждающей вольности ранних пьес, справедливость нового порядка вещей подтверждается, между

прочим, еще и тем, что теперь молодой человек может отказаться от хорошо оплачиваемого романа с престарелой прелестницей.

Если доказательства этого рода ориентированы на элементарное восприятие комического, то совсем иную сферу захватывает такой прием, как пародирование трагедии,— здесь предполагается хорошая осведомленность зрителей в трагедиях, поставленных по меньшей мере за пять—семь последних лет. Главным источником для пародий Аристофана служит Еврипид; подсчитано, что в сохранившихся комедиях и фрагментах содержатся цитаты едва ли не из полсотни трагедий Еврипида,— разумеется, в комическом контексте или перетолковании. Но наряду с этим пародируются трагедии Эсхила (притом не только в «Лягушках») и Софокла, стихи старых лирических поэтов и дифирамбы современных Аристофану авторов.

От пародирования трагедии один шаг до пародирования мифологии, включая сюда и столь достойных представителей мира мифов, как олимпийские боги. Может показаться противоестественным, что в рамках религиозного праздника, каким были в Афинах Великие Дионисии и Ленеи, раздавались насмешки над богами. Тем не менее это очевидный факт,— прославление производительных сил природы позволяло делать объектом культового, благодетельного смеха самих богов. Лучший пример тому — Дионис в «Лягушках», выступающий в роли шута-нростака и использующий весь арсенал незатейливых балаганских средств, свойственных этой роли,— прибаутки, колотушки, комический страх, передевания невпопад. Прибавим Гермесавзяточника из «Тихины», и Гермеса-попрошайку из «Богатства», а также делегацию богов, отправленных Зевсом в птичье царство: здесь из трех посланцев только Посейдон принимает всерьез данное ему поручение, в то время как Геракла больше всего привлекает возможность сытно поесть, а лопотанье варварского бога Трибалла каждый может понимать, как хочет («Птицы»).

4

Стилистические особенности аристофановской комедии, вероятно, уже успели вызвать у читателя аналогии с такими типами народного фарса, как старинные скоморошья действия или

театр Петрушки, итальянская *commedia dell'arte*¹ или новогреческий теневой театр Карагюзиса. Одно это сопоставление с достаточной определенностью указывает, на кого ориентировался Аристофан в идеологическом содержании своих комедий. Вопреки усилиям ряда исследователей зачислить Аристофана в союзники афинских олигархов или вовсе лишить его творчество всякой идеологической направленности, анализ комедийного наследия Аристофана приводит к выводу об отражении в его произведениях мировоззрения и художественных вкусов аттического крестьянства. Не следует только сводить широкую общественную перспективу, в которой предстает перед нами творчество поэта, к узкой социологической дефиниции, мало пригодной для оценки большого художника.

Творческому методу Аристофана присуще множество явных противоречий. Его герои и хор прославляют старину, но прибегают к совершенно неизведанным, поражающим своей новизной средствам достижения цели. Они призывают к тихой, мирной жизни, к незатейливому сельскому уюту, не затронутому развращающим влиянием современных нравов, но в своих замыслах выходят за все границы реального и пристойного. Аристофан осуждает Сократа и Еврипида за пристрастие к хитроумным сплетениям слов, но все его герои с блеском используют подобное же словесное искусство для защиты и обоснования своих убеждений и поступков. Аристофан отвергает софистическую апелляцию к природе, оправдывающую в «Облаках» безнравственное поведение молодого Фидиппида, но зову природы подчиняются и Дикеополь и Тригей, и естественное природное влечение порождает и разрешает все конфликты в «Лисистрате». В «Облаках» разоблачается введение новых богов, а в «Птицах» обожествляется не только Писфетер, но и все птичье племя. Аристофан — великолепный лирический поэт, но он не избегает и примитивнейших форм комического, вовлекающих в свою сферу физиологические отправления организма. Не раз в комедиях Аристофана высмеиваются и с негодованием отвергаются дешевые балаганские трюки и пошлые шутки, но они с такой же неизменностью используются едва ли не в каждой комедии.

Ясно, что только часть этих противоречий может быть объ-

¹ Комедия масок (*итал.*).

яснена противоречивостью социальной позиции мелких аттических землевладельцев в годы Пелопоннесской войны. Другие противоречия аристофановской комедии проистекают из столкновения творческой индивидуальности поэта, воспитанного своим временем, с традиционными зрелищными формами, поступившими в его распоряжение.

Без вдохновенного вмешательства художника эти первоначальные формы остались бы на уровне примитивного фарса и ритуального «срамления». Но и без материала, предоставленного ему фольклорными жанрами, не обрел бы такого простора для своего выражения комический гений поэта. Творчество Аристофана достигает вершины художественного в постоянной борьбе и диалектическом единстве новаторства с традиционализмом, индивидуального начала с фольклорным. Стихией, в которой разыгрывается эта борьба, и одновременно материалом, обеспечивающим, несмотря на всю ее противоречивость, единство аристофановской комедии, является ее язык, впитавший в себя самые разнообразные потоки речи: фольклорную обрядовую лирику и протокольные формулы декретов, возвышенность трагических хоров и непритязательность повседневной болтовни, торжественность пророчеств и подражание щебету птиц или лягушечьему кваканью. Найти меру каждого из этих элементов и создать из мельчайшей мозаики цельную картину дано было только Аристофану. В древности недаром говорили, что музы в поисках храма, не подверженного губительной силе времени, остановили свой выбор на душе нашего поэта.

5

Исследователи античной культуры, философы и литературоведы давно спорят о том, чем интересны для современного читателя древнегреческие поэты и писатели: своим отличием от художников нового времени или своей схожестью с ними? Одни полагают, что уже в эпических поэмах Гомера можно найти глубину психологической характеристики, мало чем отличающуюся от искусства Льва Толстого, и видят в Еврипиде прямого предшественника Ибсена. Другие, напротив, стараясь выявить специфику античного общественного и художественного мышления, настаивают на ее неповторимости, «невоспроизводимости» в сознании человека нового времени. Изучение комедиино-

го театра Аристофана показывает непригодность односторонних формул и опасность абсолютизации даже самых верных исходных точек зрения.

В истории европейской культуры форма древней аттической комедии осталась воистину неповторимым явлением, хотя многие приемы комедийного обобщения многократно использовались в новое время и с вполне сознательным усвоением опыта Аристофана (Эразм Роттердамский, Рабле, Расин, Гейне, Ромен Роллан), и, вероятно, без осознанной ориентации на его достижения (Салтыков-Щедрин, Маяковский, Брехт). Но и независимо от близости или различия эстетических принципов и художественных приемов благородство целей Аристофана и беспощадную остроту обличения, присущую его комедиям, признавали Фильдинг и Дидро, Герцен и Гоголь, Добролюбов и Луначарский. Всепобеждающую силу придает смеху Аристофана любовь к человеку, имеющему право наслаждаться всем, что даровано ему природой, и ненависть к власти и богатству имущим, готовым ради своей выгоды ввергать народы в пучину обмана и целые страны — в пожар войны. И эти чувства древнего поэта не могут устареть и не устарели почти за две с половиной тысячи лет, отделяющие наше время от времени Аристофана.

В. Я р х о

ВСАДНИКИ

В С А Д Ш И К И

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Народ афинский — дряхлый старик.

Кожевник (Клеон).

Колбасник (Агораkrit).

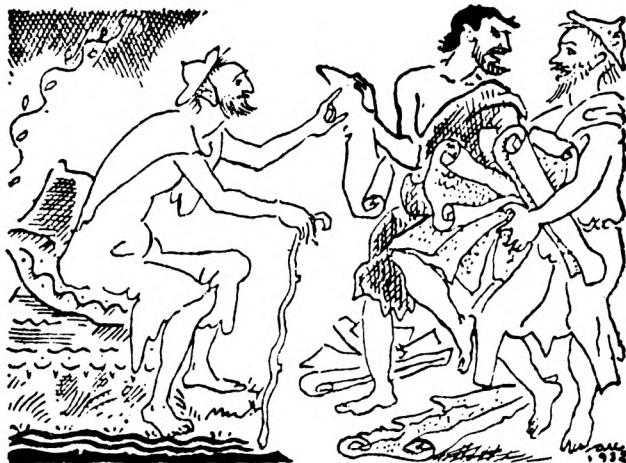
1-й раб (Никий).

2-й раб (Демосфен).

Слуги.

Нимфы мира.

Хор из двадцати четырех всадников — знатных афинских юношей.

ПРОЛОГ

На сцене — жилище Народа. Из двери с плачем выбегает 1-й раб (Никий).

Никий

Иаттатай! Ах, горе мне! Иаттатай!
Пусть пафлагонца, эту язву новую,
С его лукавством сгубят всемогущие!
С тех пор как в дом ворвался он, прохода нет
Нам, домочадцам, от битья и ругани.

Выбегает 2-й раб (Демосфен).

Демосфен

Да, да, пускай погубят горькой гибелью
Распафлагонца подлого!

Никий

(замечая Демосфена)

Ну, как живешь?

Демосфен

Да как и ты, прескверно!

Никий

Подойди сюда!

Затянем вместе плач Олимпа жалостный.

Оба

(делая вид, что играют на флейте)

Миу-миу-миу-миу-миу-миу.

Демосфен

10 Постой, довольно жалоб! Не поищем ли,
Как нам спастись? А в плаче утешенья нет!

Никий

Что ж делать нам?

Демосфен

Скажи-ка ты!

Никий

Нет, ты скажи,

Чтоб мне не спорить!

Демосфен

Ни словечка, видит Зевс!

Никий

В слова, молю, признание облеку мое!

Демосфен

Ну, говори смелее, я потом скажу.

Никий

Нет смелости! И слов мне не найти никак
Искусных, скользких, гладких, еврипидовских.

Демосфен

20 Ах, нет, не падо брюквы еврипидовской!
Как нам уйти, придумай, от хозяинна.

Н и к и й

Так говори «де-рем», слоги подряд связав.

Д е м о с ф е н

Ну вот, сказал: «Де-рем».

Н и к и й

Теперь прибавь еще
«У» перед «де» и «рем».

Д е м о с ф е н

«У».

Н и к и й

Так, пори теперь
«Де-рем», а после «у» скороговоркою!

Д е м о с ф е н

Де-рем, у-де-рем, у-де-рем.

Н и к и й

Ага, ну что?

Понравилось?

Д е м о с ф е н

Конечно, только вот боюсь
За шкуру.

Н и к и й

Почему же?

Д е м о с ф е н

Да у поротых
Линяет шкура, знаешь?

Оба озабоченно молчат.

Н и к и й

Уж не лучше ль нам
30 В беде такой с мольбою к алтарю припасть?

Демосфен

К чьим алтарям? Поди, в богов ты веруешь?

Никий

Ну да!

Демосфен

А почему же?

Никий

Потому, чудак,
Что я богопротивен. Значит, боги есть.

Демосфен

Ты прав! Но все ж иного нет ли выхода?
Не рассказать ли нам о деле зрителям?

Никий

Прекрасно, только об одном попросим их:
Пусть откровенно скажут нам, довольны ли
Они рассказом и игрою нашею?

Демосфен

Итак, начну!

(К зрителям.)

40

Хозяин с ним один у нас,
Бобов грызун, сварливый, приверсдливый,
Народ афинский, старикашка глухонький.
На рынке прошлом он себе раба купил,
Кожевника, рождением пафлагонца. Тот,
Пройдоха страшный, негодяй отъявленный,
Нрав старика тотчас же раскусить сумел,
Кожевник наш, и стал ему поддакивать,
Подкармливать словечками лукавыми,
Подмасливать и льстить: «О государь Народ!
50 Одной довольно тяжбы, отдохни теперь!
Поешь, поней, а вот тебе три грошика!
Сварить прикажешь ужин?» Дерзко выхватив
Еду, что мы хозяину состряпали,
Ему он преподносит. Вот недавно так

Крутую кашу заварил я в Пилосе,
Лакоискую. Негодник подскочил, схватил
И господину всю мою страпню поднес.
Нам не дает прислуживать, всех гонит прочь,
А сам овчину держит над хозяином,
Как опахало, чтобы ей отмахивать
60 Ораторов. И все поет пророчества.
Старик совсем помешан. Отупел совсем.
А тот и рад. Всех нас оклеветал кругом.
Под розги подведет, а после бегаёт
По дворне и орет и взяток требует:
«Видали вы, как Ги́ла нынче высекли
Из-за меня? Послушными не будете —
Помрете все!» И мы даем, и как не дать!
Не то такого влепит подзатыльника
70 Хозяин, что в овчинку свет покажется.
(Никию.)

Ну вот теперь, дружок, вновь подумаем,
Каким путем и где искать убежища.

Н и к и й

Каким? Да тем же, милый, удирать пора!

Д е м о с ф е н

Ничто от пафлагонца не укроется!
«Все видит он, все знает»... Он одной ногой
Унерся в Пилос, а другой — в Собрание,
Расставясь так.

(Широко расставляет ноги.)

Широкий зад — в Раззавине,
В Грабильном — руки, а заботы — в Жуликах.

Н и к и й

Так, видно, лучший выход — умереть!

Д е м о с ф е н

Но как?
80 Мы умереть должны достойным образом.

Н и к и й
(в раздумье)

Но как бы, как бы так, достойным образом?
Напьемся крови бычьей! Мысль прекрасная!
Смерть Фемистокла всех смертей завиднее!

Д е м о с ф е н

Не крови бычьей, нет, винца бы чистого,
Чтоб в голову полезли думы путные!

Н и к и й
Ну вот, винца! Тебе бы все о выпивке!
Какие ж думы путные у пьяницы?

Д е м о с ф е н
(к зрителям)

90 Хорош, глядите, жаба пресноводная!
Вино ты вредным обозвать осмелился?
Да ты найдешь ли что вина полезнее?
Кто пьян, тот и богат и тороват во всем,
И счастлив, и догадлив, и находчив он.
Он в тяжбах побеждает и соседям мил.
Живей, живсе, притащи бутылку мне,
Чтоб вспырсууть мозг и до добра додуматься.

Н и к и й

Да только проку что от этой выпивки?

Д е м о с ф е н

Уж будет прок, ступай!

Ишкий убегает.

А я улягусь здесь.
100 И, выпивши, засыплю все как есть кругом
Затейками, лазейками и планами.

Оглядываясь, возвращается Ишкий с мехом вина и кружкой.

Н и к и й

Стянуть тайком бутылку удалось. Никто
И не заметил.

Демосфен

Что же пафлагонец, что?

Никий

Храпит всю на коже, налившись властью
Да пирожков нажравшись конфискованных.

Демосфен

Тогда налей мне чашу, да чтоб пенилось!

Никий

(наливает)

Но не забудь молитвы добрым демонам!

(Дает чашу Демосфену.)

Тяни, тяни дар демона Прамнийского!

Демосфен

(опрокинув кружку)

О добрый демон! Честь тебе открытия!

Никий

А что, скажи?

Демосфен

Гаданье поскорей стяни

¹¹⁰ У пафлагонца, благо спит он, и сюда
Беги!

Никий

Бегу.

(Про себя.)

Ах, как бы добрый демон твой

Со мной чего недоброго не выкинул.

(Убегает.)

Демосфен

(к зрителям)

А я налью еще глоток тем временем,

Чтоб вспрыснуть мозг и до добра додуматься.

(Пьет.)

Возвращается Никий с табличками.

Н и к и й

Такой там поднял пафлагонец храп и гром,
Что утащил я под шумок гадание,
Что больше всех стерег он.

Д е м о с ф е н

Молодец какой!

Дай, я прочту, а ты вина тем временем
Налей мне кружку.

(Берет табличку.)

Что же здесь написано?

(Читает.)

О мудрость!

(Никию.)

120

Дай же, дай скорее кружку мне!

Н и к и й

(подавая кружку)

Возьми! А что ж гаданье?

Д е м о с ф е н

(опрокинув кружку)

Ну, еще налей!

Н и к и й

Так и стоит в табличке: «Ну, еще налей»?

Д е м о с ф е н

(читает дальше)

Велик Бакид!

Н и к и й

А что?

Д е м о с ф е н

Налей мне кружечку!

Н и к и й

Любил же, видно, кружку поминать Бакид!

Демосфен

А, подлый пафлагонец! Опасался ты
Вот этого гаданья, о себе?

Никий

А ну?

Демосфен

Как он погибнет, вот о чем здесь речь идет.

Никий

А как?

Демосфен
(торжественно)

Да все отчетливо указано:
В начале всех начал пенькой торгующий
130 Придет и встанет у кормила города.

Никий

Один уж есть торговец. Кто ж потом придет?

Демосфен

Другой, и будет торговать он овцами.

Никий

Еще торговец! С этим что же станется?

Демосфен

Пока другого не найдут, мерзейшего,
Он править будет, а потом провалится.
Кожевник-пафлагонец вслед за ним придет,
Буян, горлан, как мельница грохочущий.

Никий

Падет овчатник, значит, от кожевника?
Так суждено?

Демосфен

Как видишь.

Никий

Вот несчастье-то!
140 Ужель другого не найти торговца нам?

Демосфен

Есть и четвертый, с ремеслом изысканным.

Никий

А кто он, кто?

Демосфен

Сказать?

Никий

Скажи, пожалуйста!

Демосфен
(торжественно)

Придет колбасник и сразит кожевника.

Никий

Колбасник? Боги, ремесло чудесное!
Ну где же, где же мы найдем колбасника?

Демосфен

Поищем!

На оркестру входит Колбасник с лотком и колбасами.

Погляди, на рынок входит он.
По воле всемогущих.
(Кричит.)

Эй, любезнейший!
Сюда, сюда, колбасник, подымись скорей!
Стране и нам явился ты спасителем.

Колбасник

Что нужно вам, в чем дело?

Демосфен

150 Друг мой, выслушай
Про счастье, про удачу, про судьбу свою.

Колбасник подходит к сцене.

Н и к и й

Пускай лоток он сложит. Ты прочти ему
Пророчество, чтоб он узнал о будущем,
А я пойду посторожу кожевника.

(Уходит.)

Д е м о с ф е н

(Колбаснику)

Сперва свою поклажу с плеч долойними!

Колбасник снимает поклажу.

Теперь приветствуй землю и богов святых!

К о л б а с н и к

(кланяясь)

Ну вот, что ж дальше?

Д е м о с ф е н

(торжественно)

Здравствуй, муж блаженнейший!

Ничто сегодня, завтра — все! Привет тебе,
Афин властитель, пышных и прославленных!

К о л б а с н и к

160 Ты что ж, голубчик, не даешь кишок промыть?
Колбас не купишь? Что ты издеваешься?

Д е м о с ф е н

Дурак, при чем кишки тут? Погляди сюда!

(Показывает ему зрителей.)

Внизу людей ты видишь сотни, тысячи?

К о л б а с н и к

Конечно, вижу.

Д е м о с ф е н

Всеми будешь ты владеть.

И рынком, и Собранием, и гаванью.

Вертеть Советом будешь и стратегов брить,
Судить, рядить и девок в Пританей водить,

Колбасник

Все я?

Демосфен

170 Все ты! Да видишь ты не все еще!
Сюда, повыше, на лоток вскарабкайся!
Теперь ты видишь море, острова на нем?

Колбасник

Все вижу.

Демосфен

Барки, корабли с товарами?

Колбасник

И барки вижу.

Демосфен

Как же не счастливец ты?
Теперь окинь-ка правым глазом Карию,
А левым — Карфаген.

Колбасник

Глаза я вывихну!
И, верно, уж косое счастье ждет меня.

Демосфен

Тобою будет все это распродано!
Все сбудется, как говорят гадания,
О человек могучий!

Колбасник

Только как же так
Я человеком стану из колбасников?

Демосфен

180 За то велик и будешь, что ты этакий,
Подлец, наглец, буян, горлан проулочный.

Колбасник

Нет, о себе я мненья невысокого!

Демосфен

Ах, боги, почему же невысокого?
Иль за собой ты знаешь что похвальное,
Иль ты из благородных?

Колбасник

Вот уж это — нет!

Скорее из негодных!

Демосфен

Счастлив жребий твой!
С рождением, я вижу, повезло тебе.

Колбасник

Голубчик, да ведь я же малограмотен.
Читать умею, да и то едва-едва.

Демосфен

190 В том и беда, что все же хоть едва-едва!
Ведь демагогом быть — не дело грамотных,
Не дело граждан честных и порядочных,
Но неучей, негодных. Друг мой, выслушай,
Что возвещают прорицанья Фебовы!

Колбасник

А что?

Демосфен

Да все прекрасно, Зевс свидетель мне,
Темно, премудро и уж очень путано.
(Читает табличку торжественным тоном.)
«В день, когда волею рока кожатник — орел

кривокоготый
В схватке смертельной со змеем балдой-
кровопийцей,
Скиснет тогда нафлагонская снесь, а колбасников роду
200 Боги великую власть и бессмертную славу даруют,
Аще они не восхошут, как встарь, торговать
колбасами».

Колбасник

А я-то здесь при чем же? Научи меня!

Демосфен

«Орел-кожатник» — пафлагонца прозвище!

Колбасник

А кривокогтый почему?

Демосфен

Да лапами

Кривыми загребает он добро себе.

Колбасник

А змей при чем тут?

Демосфен

Это уж совсем легко!

Ведь змей же длинен, ну и колбаса длинна,

Змей-«кровопийца» — колбаса кровяная.

Здесь сказано, что змей сразит кожатника

210 И будет править, «аще не впадет в соблазн».

Колбасник

Ну, аще так, доволен я. А все-таки

Дивлюсь, как заправлять я стану городом.

Демосфен

Заправишь славно. Делай то, что делаешь:

Мели, толки, покруче фарш замещивай,

Подперчивай, подсаливай, подмасливай

Да подсласти словечками повкрадчивей.

А в общем, как рожден ты демагогом быть,

С пропойным басом проходимец рыночный,

Всем одарен ты, чтобы стать правителем.

220 И помни: власть сулят тебе пророчества.

Возьми ж венки и бесу помолись Балде,

Чтоб одолеть помог тебе противников.

Колбасник

Постой, а где отыщем мы союзников?

Ведь богачи напуганы кожевником,

А бедноте — его противны выходки.

Демосфен

230 Есть всадников неустрашимых тысяча,
Они-то уж помогут нам наверное;
Да лучшие из граждан — нам союзники,
Да зрители разумные и честные,
Да Аполлон, да я за дело примемся,
Да ты не бойся, не походит маскою
Актер на пафлагонца: испугался он!
Но все равно, узнают все и так его:
Ведь зрители у нас народ понятливый.

Колбасник

Ах, горе! Пафлагонец приближается.
(Бежит по оркестре.)

В ярости вбегает Клеон.

Клеон

Клянусь богами всеми, вы раскаетесь,
Что на Народ умыслили недоброе.
(Замечает чашу, из которой пил Демосфен.)
Ага! А чаша здесь зачем халкидская?
В Халкидике восстанье вы готовите?
240 Долой! Проклятье! Смерть и кровь предателям!
(Старается догнать Колбасника.)

Демосфен

Эй, ты, вернись! Куда бежишь, почтеннейший?
Колбасник, милый! Не губи отечества!
(Кричит.)

Мужи всадники! На помощь! Торопитесь, час настал!
Эй ты, Симон! Эй, Панетий! Правым заходи крылом!
(Колбаснику.)

Уж идут, а ты сражайся, защищайся, в бой вернись!
Вот и пыль столбом клубится. Помощь, помощь нам
близка.

Так смелей, гони, преследуй, в бегство обрати врага!

П А Р О Д

На оркестру входит хор из двадцати четырех всадников,
разделенных на два полухория.

Предводитель первого полухория

250 Бейте, бейте негодя, коневредного слепня,
Ненасытную харибду, живоглота-паука!
Негодяя, негодяя! Дважды, трижды повторю:
Ведь не просто негодяй он, — дважды, трижды негодяй.
Ну, так бей его, преследуй, колоти, гони, лупи!
Плюй, как мы плюем, и с криком нападай на подлеца!
Да смотри, чтоб не удрал он! Он ведь ловок удирать,
Как Евкрат когда-то с Пникса с головой нырнул в лабаз.

Всадники преследуют Клеона.

К л е о н
(бежит)

О старейшины, о судьи! Трехгрошовые друзья!
Я ли правдой и неправдой не растил вас, не кормил?
Помогите, избивают заговорщики меня!

Предводитель второго полухория
(загораживает своим отрядом дорогу Клеону)

260 И за дело! Ты ведь общий жрешь без жеребьевки пай!
Ты ведь шупасешь, как смоквы, у ответчиков бока,
Что, созрели уж для взятки или пусть еще растут.
Ты ведь ищешь среди граждан побогаче дурачков,
Почестнее, поглупее выбираешь простака,
С херсонесского надела вызываешь и в суде
Мигом скрутишь, на лопатки опрокинешь и с сумой
Пустишь по миру скитаться. Всем давно ты омерзел!

К л е о н

Как, и вы меня тесните? Из-за вас меня ведь бьют!
Все за то, что уж давно я собирался предложить
Монументом достославным ваше мужество почитать.

Старший всадник

270 Вот хитрец-то, вот проныра! Видишь, что задумал он?
Стариками нас считает, хочет плутней провести.
Нет, сюда попробуй сунься, здесь же будешь ты избит,
А туда, так посчитаем ребра мы тебе и там.

Клеон
(кричит)

Эй! Народ! Эй! город! Волки раздирают здесь меня!

Демосфен

Ты здоров кричать, мы знаем. Криком город ты мутишь.

Клеон

И тебя я этим криком быстро в бегство обращаю.

Демосфен
(показывает на Колбасника, стоящего в стороне)

Коль его перекричишь ты, пальма первенства тебе!
Но когда тебя бахвальством превзойдет он — нам венок!

Клеон

Этот вот? Да в контрабанде обвиняю я его.
Он колбасы на канаты продает в Пелопоннес.

Колбасник

280 Сам мешочник! С брюхом ходишь ты порожним в Пританей,
Чтоб, набивши всякой снедью, полным вынести его.

Демосфен

Да, и снедью запрещенной, хлебом, салом, колбасой.
Угощения такого сам Перикл не получал.

Клеон
(кричит)

Сдохнешь в миг один от воя.

Колбасник
(кричит)

Зареву я громче вдвое!

К л е о н
(еще громче)

Допнешь ты, как только крикну!

К о л б а с н и к
(еще громче)

Треснешь ты, чуть только пикну!

К л е о н
Уличу тебя в измене!

К о л б а с н и к
Подведу тебя под пеню.

К л е о н
290 Оглушу тебя нахальством!

К о л б а с н и к
Обойду тебя бахвальством!

К л е о н
Посмотри в глаза мне, двинь-ка!

К о л б а с н и к
Что же, вскормлен я на рынке.

К л е о н
Задавлю, чуть залопочешь!

К о л б а с н и к
Заплюю, чуть загогочешь!

К л е о н
Я краду, признаюсь, смело,
Не посмеешь ты признаться.

К о л б а с н и к
Видит бог, могу умело
Воровать и отпираться.

К л е о н

По чужим не шарь карманам!
(Истошным криком.)

300 Донесу, гляди, пританам,
Что священной солониной
Ты торгуешь, десятины
В честь богов не уплатив!

А Г О Н П Е Р В Ы Й

Первое полухорие

Ода Мерзкий, ненавистнейший, бесстыднейший
Крикун! Твоих дерзких дел
Белый свет полон весь, полон Пникс.
Все суды, все ряды,
Лавки все, рынки все.
Пугало горластое!

310 Город возмутил ты наш.
Все перевернул вверх дном.
Ты ведь светлые Афины ревом оглушил своим,
Дань союзников, как рыбу, сторожишь ты со скалы.

К л е о н

Знаю, знаю я подкладку вашей брани и угроз!

К о л б а с н и к

Коль не знать тебе подкладок, значит — фарша мне не
знать.
Мастер ты гнилую кожу за добротную продать
Простакам, крестьянам, срезав вкось ее по-плутовски.
Только суток не проносишь, глядь, разлезся весь сапог.

Д е м о с ф е н

320 И со мной недавно шутку он такую же сыграл.
И друзья и домочадцы на смех подняли меня:
До Пергас я не добрался, а уж в стоптаных поплыл.

Первое полухорие

Разве ты с первых дней
Не был груб, не был глуп.
Нет стыда, чести нет
У таких крикунов.

Грабишь жатву чужеземцев, а в театре первым ты.
Сын же бедный Гипподама жметса, сидя наверху.
Все ж нам на радость нашелся другой теперь,
Много подлей тебя, много хитрее.
330 Он управится с тобою, это ясно, дважды два!
Бесстыден и бесчестен он
И на выдумки силен.

Предводитель первого полухория
Теперь, голубчик, покажи, каким ты уродился.
Пусть знают все, что грош цена наукам и ученью.

Колбасник

Эпир-рема Каков вот этот гражданин, я расскажу вам тотчас.

Клеон

Не дашь мне первым говорить?

Колбасник

К чему? Я вор такой же!

Демосфен

А если недоволен он, прибавь: «отродье вора».

Клеон

Мне говорить не дашь?

Колбасник

Не дам.

Клеон
(бросается на него)

Нет, дашь!

К о л б а с н и к

Так вот не дам же!
За то, чтоб первым говорить, полезу первым в драку.

Драка. Клеона бьют.

К л е о н

Со злости лопнуть я готов.

К о л б а с н и к
(в азарте)

340

Не дам, клянусь богами!

Д е м о с ф е н

Ах, почему? Уж это дай! Пусть на здоровье лопнет.

К л е о н

Кто ты таков, наглец, что в спор со мной вступить решился?

К о л б а с н и к

Таков, что говорить и лгать, как ты, могу не хуже.

К л е о н

Туда же: «Говорить могу!» Я поглядеть хотел бы,
Как принялся бы ты, дружок, за свеженькое дельце?
Да знаешь ты, кто ты таков? Хоть пруд пруди стадами
Таких, как ты, говорунов. Небось процессик выиграл
У чужеземца-простака, бедняги-поселенца.

350

И то ночами прозубрив, на улицах мурлыча,
Друзьям все уши протрубив, сырую воду пивши,
И думает — «оратор я». Дурак, а не оратор!

К о л б а с н и к

А ты какое зелье пил, что город обморочил?
Что все молчат, а ты один кричишь, не уставая?

К л е о н

А где ты ровню мне найдешь, чтобы без долгих споров,
Подзакусивши балычком да опрокинув кружку
Вицца покрепче, прикрутить пилосских полководцев?

К о л б а с н и к

А я натрескаюсь рубцов, налопаюсь печенки,
Похлебки выдую горшок, а там, не умываясь,
Взьерошу всех говорунов и Никия вздохмачу.

Д е м о с ф е н

360 Мне нравятся слова твои, одно лишь не по вкусу,
Что собираешься один похлебку ты прикончить.

К л е о н

Хоть камбалы наешься ты, милетян не осилишь.

К о л б а с н и к

Что? Да нажравшись студня всласть, и рудники куплю я.

К л е о н

Вот погоди, ворвусь в Совет и заору истошно.

К о л б а с н и к

Вот погоди, кишки тебе и потроха я вырву.

К л е о н

За двери выброшу тебя, пинками в зад поддавши.

Д е м о с ф е н

(бросается на него)

Так заодно уж и меня, я с ним, клянусь богами!
(Вступает за Колбасника.)

Драка. Клеона снова бьют.

К л е о н

(кричит)

Тебя в колодки закую!

К о л б а с н и к

(тоже кричит)

Тебя к решетке притяну!

К л е о н

(еще громче)

С тебя покрышку я сдеру!

Колбасник
(еще громче)

370 Тебя в пустышку оберу!

Клеон

На стельки раскрою тебя!

Колбасник

Для фарша раскрошу тебя!

Клеон

Ресницы выщиплю на лоб!

Колбасник

Тебе повыпотрошу зоб!

Демосфен

Ей-богу, да! И пасть потом,
Как повара, колом проткнем,
Язык мясистый оторвем,
Свиную глотку раздерем,
380 Задище толстый развоим,
Да поглядим,
Уж не паршив ли боров!

Второе полухорие

Антода Пламеннее пламени огонь нашелся.

Брани той, что была,
Жарче брань и наглей. Ловок был
Мой расчет, и побед
Близок час. Враг уж слаб.
Спуска не давай ему,
Крепче нападай и бей.
В крепости пробита брешь.

390 Если бросишься на приступ жарче, тверже и смелей,
Будет твой он, вот увидишь, я ведь знаю нрав его.

Колбасник

И таким презренным трусом был всегда он. Молодцом,
Смельчаком казался только. Где не сеял, там он жал.

Вот и те снопы, что в город он недавно приволок,
Он гноит сейчас в темнице, чтобы дорого продать.

К л е о н

Не страшусь твоей угрозы, знай, пока живет Совет
И Народ с дурацким видом на собраниях, сидя, спит.

В т о р о е п о л у х о р и е

Антюда Вот наглец, а с лица,
Как и был, он румян,
Прежних дел и грехов
Не боясь, не стыдясь.

Если ты мне не противен, в драмах Морсима играть
И для пьяницы Кратина стать подстилкой я готов.

«Ты, словно пчелка, высоко взлетевшая,
С каждой былинки собираешь по взятке».

400 Как схватил кусок нахрапом, так и выргни его.
Тогда одно я стану петь:
«В день веселья пей до дна».

П р е д в о д и т е л ь в т о р о г о п о л у х о р и я

И сын Иулов, мой сосед, старик всегда голодный,
И тот, ликуя, завопит: «О Вакх! О Вакх! О Бромий!»

К л е о н

Антэпир-рема Клянусь богами, вам меня не превзойти бахвальством.

410 А нет — пусть потрохов от жертв не получать мне больше.

К о л б а с н и к

Я ж колотушками клянусь и мясников пинками,
Что с детских лет я получал помногу ото многих,
Тебя бесстыдством превзойду. А нет, так, значит, даром,
Кормясь обедками, таким я вырос молодчиной.

К л е о н

Обедками кормился ты, как пес. Да как ты смеешь
Тогда в борьбу вступать со мной, с самим песьеголовцем.

Колбасник

Клянусь вам Зевсом, в детстве знал я и другие плутни.
Так надувал я поваров: «Ребята, поглядите,
420 Нам ласточка весну несет». Они уставят бельма,
А я жаркого утащу с лотка кусок румяный.

Демосфен

И впрямь ты, вижу, молодец. Ловка твоя проделка.
Верна пословица: щипал ты до весны крапиву.

Колбасник

К тому ж я действовал тайком. А если попадался,
Так живо мясо под себя; божусь, что и не видел.
Какой-то с Пникса говорун меня застал за делом.
Так он тогда уж предсказал, что быть мне демагогом.

Демосфен

Он не ошибся, а узнал он по таким приметам:
Украл и отпирался ты и мясо всунул сзади.

Клеон

Я спесь повыбью из тебя. Повыбью из обонх.
430 Я устремлюсь как ураган, грохочущий и грозный,
Что гневно над землей ревет и море потрясает.

Колбасник

Что ж. Я колбасы с мачт спущу и по волнам попутным
Вперед спокойно поплыву. А на тебя плевать мне.
(Садится на лоток, изображая из него корабль.)

Демосфен (с такой же игрой)

С тобой и я. А будет течь, я вычерпаю живо.

Клеон (кричит)

Клянусь Деметрой, не сойдут тебе таланты даром,
Что у афинян ты украл.

Демосфен
(командует)

Эй, паруса на рифы!
Пахнуло штормом от него, доносами и кляузой.

Колбасник

Талантов десять ты стянул из Потидеи, знаю.
Ну, что ж?

(Вполголоса.)

А получив талант, молчать ты согласишься.

Демосфен

Он согласится, он таков.

(Колбаснику.)

440 Поднять ты можешь парус:
Заметно ветер ослабел.

Клеон

Талантов сто, уж подведу,
Заплатишь пени ты суду.

Колбасник

А ты за воровство — пятьсот.
За дезертирство — девятьсот.

Клеон

Да, да, в тебе, скажу я вновь,
Алкмеонидов злая кровь.

Колбасник

А я скажу, что прадед твой
Придворным был.

Клеон

Кого, постой?

Колбасник

«Овчины» — Гиппия жены.

Клеон

Негодник ты.

Колбасник

450

Бесстыдник ты.

Бросаются в драку.

Демосфен

Лупи его!

Клеон

Эй! Эй! Эй! Эй!

Убьют меня, сюда скорей!

Демосфен

Тузи, дери, покрепче бей!

По брюху бей, эгей, смелей!

Кишками бей,

Чтоб в нем кишки трещали!

Клеона избивают.

Старший всадник

(Колбаснику)

О муж великий и святой, герой неустрашимый.

Пришел ты на спасенье нам и городу на благо.

Ты бранью поразил врага отважно и умело.

460

Слов не найти нам, чтоб тебя прославить по

заслугам.

Клеон

(поднимаясь с земли)

Клянусь святой Деметрой, все известно мне:

Все замыслы, что тайно мастерите вы,

И все, что вы стругаете и клеите.

Колбасник

А мы не знаем, что ли, чем ты в Аргосе

Так занят.

(К зрителям.)

Не союз он заключает там,

Тайком с лакедемонцами торгуется.

Демосфен
(Колбаснику, шопотом)

Беда, беда! Ты не умеешь плотничать.

Колбасник

И что вы там паяете, мне ведомо:
О пленниках куется соглашение.

Демосфен

470 Так. Столяру ответим по-кузнечному.

Колбасник

И новые крамолы вы клепаете;
И ты меня ни серебром, ни золотом
Не купишь, и друзей не подсылай ко мне.
Скажу о всех делах твоих афинянам.

Клеон

А я прямой дорогой побегу в Совет
И всех вас обвиню, как заговорщиков.
За покушенья, за ночные сборища,
За заговоры с персами преступные,
За все, что вы в Беотии заквасили.

Колбасник

480 А простокваша дорога в Беотии?

Клеон

Клянусь Гераклом, в порох искрошу тебя.
(В бешенстве убегает.)

Корифей хора
(Колбаснику)

А ты свою отвагу и находчивость
На деле докажи теперь. Увидим мы,
Как под себя ты прятал мясо в юности.
В Совет беги сейчас же за кожевником,—
Нас всех он оклеветает, чуть влетит туда,
И рев и крик подымет оглушительный.

К о л б а с н и к

Бегу, бегу. А колбасу и пожники
И все мои пожитки положу сюда.

Д е м о с ф е н

(подавая ему чашу вина)

490 Но прежде горло этим умасти себе,
Чтобы от сплетен ускользнуть проворнее.

К о л б а с н и к

(пьет)

Совет хорош. Ты — воспитатель опытный.

Д е м о с ф е н

Еще и это проглоти.
(Дает ему чеснок.)

К о л б а с н и к

Зачем?

Д е м о с ф е н

Затем,
Чтоб, чесноку наевшись, быть отважнее.
Теперь беги!

К о л б а с н и к

Уж побежал.

Д е м о с ф е н

Так помни же,
Кусай, царапай, клевещи, когти его
И, гребень отклевавши, возвратись живей.

Колбасник убегает. Демосфен входит в дом.

П А Р А Б А С А

К о р и ф е й х о р а

500 Ну, так с богом иди и свой подвиг сверши
Нам на радость. Пусть Зевс, государь площадей,

Охраняет тебя. И, врага одолев,
Из сраженья скорее к друзьям воротись,
Нагруженный венками победы.
(К зрителям.)

К парабасе теперь, что мы вам пропоем,
Обратите свой слух;
Ведь и раньше уж в стольких искусствах других
Изошрили вы разум и сердце.

Если б в годы минувшие нас кто-нибудь из поэтов комедии
прежних
Пригласить захотел с парабасой его перед вами, о зрители,
выйти,
Мы б с трудом согласились; но этот поэт и любви и услуги
достойн:
Он — друзьям нашим друг и врагам нашим враг, он за правду
510 стоит непреклонно
И отважно и рьяно бросается в бой с огнедышащим зычным
Тифоном.
Удивлялись нередко друзья, почему до сих пор не просил
у архонта
Для себя он актеров и хора; так вот что просил через нас
передать он:
Не без разума так поступает поэт и не в страхе, но так полагая:
Комедийное дело не шутка, но труд. Своеправна комедии муза,
И хоть многие ласк домогались ее, лишь к немногим она
благосклонна.
И любви вашей цену он знает. Она кратковечна, как летние
травы.
И любимцев былых, только старость придет, предаете вы быстро
забвенью.
520 Так и Магнет старинный был вами забыт, с сединами познал
он бесчестье.
Хоть без счета он славных трофеев воздвиг, побеждая
противников хоры,
Хоть на разные пел ради вас голоса, по-лидийски играл и на
лире,
И по-птичьей порхал, и пчелою жужжал, и веселой лягушкой
квакал,
Да себе не помог. Только старость пришла, позабыта бедная
юность,

Затуманился взор, ослабела рука, и старик беспощадно
 освистан.
 А Кратин? Не печальна ли доля его? Ведь, бывало, надувшись
 от славы,
 По полям, по лугам он стремился, бурля, неумным, широким
 потоком,
 Вырывая с корнями платаны, дубы и противников мелкий
 кустарник.
 Только слышно и было, что песни его на пирах, на веселых
 попойках:
 530 Про «Беру на сандалиях смоквы и лжи» да «Искусные зодчие
 гимнов»,—
 Отчего ж вы теперь не щадите его, когда стал он болтливым и
 вздорным,
 Когда выпал янтарь из кифары певца, золотые потрескались
 роги
 И ни строю, ни ладу привычного нет. Стариком он скитается
 жалким
 И, как пьяница Конн, «хоть в увядшем венке», умирает
 бедняга от жажды.
 А ведь он заслужил ради прежних побед в Пританее теперь
 напиваться,
 Чепухи не болтать, но в почете сидеть впереди, у жреца
 Диониса.
 И Кратет ведь не мало от ваших причуд претерпел поношений
 и горя,
 Хоть трапезой не пышной он вас угощал на веселых пирах
 комедийных,
 Но в трезвейших речах до отвала кормил невзыскательной
 мудростью житной.
 540 До конца удержался он все же один, то хвалу, то свистки
 пожиная.
 Вот таких-то примеров страшился поэт. Да к тому ж полагал
 он, что прежде,
 Чем кормило схватить, должен быть он гребцом, а потом уж
 и лоцманом зорким,
 Чтоб природу ветров своевольных понять и уж после умелой
 рукою
 Самому свой корабль направлять и вести. Так за то, что
 разумно и скромно,

Не кичась, без забот, не бросаясь вперед, он выходит
с комедией в море,
Подымите же плеск веселей и дружней, веселее ударьте по
веслам,

Чтоб веселый, ленейский, ликующий шум
Был поэту наградой, чтобы радостным он
И довольным ушел,
550 Лучезарною плешью сверкая.

Первое полухорне

Ода Коней владыка! Люб тебе,
О Посейдон, четверок храп,
Медных копыт тяжелый звон
И под кормюю расписной
Пена триер победных.
И молодежи пышный рой
На колесницах любишь ты,
560 Тяжкой боримых страстью.
Суний свят тебе, свят берег Гереста.
В наш сойди хоровод, с грозным трезубцем,
Крона сын и дельфинов царь,
Формиону любезен ты
И Афинам из всех богов
Ныне свят и почтенен.

Предводитель первого полухория

*Эпир-
рема* Восхвалить хотим мы ныне наших дедов и отцов,
Славы города достойных и покрова Госпожи.
Без числа в сраженьях пеших и борясь на кораблях,
Побеждая, прославляли имя города они.
Силы вражьей не считали наши деды, в бой идя,
570 Но решали в яром сердце отразить и одолеть.
Если ж в битве и склонялись, то, как опытный боец,
Отряхали пыль, как будто и не падали они,
И, сражаясь, побеждали. Полководцы в годы те
Угошенья в Пританее не просили, а теперь
И сражаться без награды полководцы не хотят.
Мы же рады бескорыстно за родимую страну,
За родимые святыни подымать копьё и меч.

А награды не попросим никакой, иль разве вот:
Пусть, когда война минует и от бед мы отдохнем,
580 Хоть и в кудрях непослушных, вам любезны будем мы.

Второе полухорие

Антода О градодержица, тебя,
Дева Паллада, мы зовем.
Свята земля твоя, и нет
В мире кругом меча острей,
Нет и портов слаще.
Ныне приди. И пусть с тобой
Та, что в походах и боях
Спутница наша вечно,—
К нам Победа придет, хоров подруга,
На врагов пусть она с нами восстанет.
590 Ныне, Дева, явись, явись!
В битве мы одолеть должны.
Дай победу сынам твоим
Ныне вновь, как и прежде!

Предводитель второго полухория

Антэпир-рема Восхвалить хотим мы ко́ней, наших преданных друзей.
Похвалы они достойны. Много подвигов и битв,
Много схваток и сражений вместе мы перенесли.
Но не подвиги на суше будем славить мы, а то,
Как, на барки погрузившись, в море выплыли они.
600 Взяли кружок для похода, взяли луку, чесноку,
А потом схватили весла, словно были бы людьми,
И поплыли и заржали: «Иго-го! Берись дружней!
Налегайте, не робейте! Да гребите, гребите, Саврас!»
Вышли на берег в Коринфе. Новобранцы бивуак
Тут копытами вскопали и соломы принесли.
Клевер вовсе позабыли. Ели крабов водяных,
Их по берегу искали и ловили в глубине.
Говорит Феор, воскликнул так тогда коринфский краб:
«Посейдон! Беда! Что делать. Нам от всадников теперь
610 Ни в пучине, ни на море, ни на суше не уйти».

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

С венком на голове входит Колбасник.

Старший всадник

Привет тебе, о муж победоноснейший,
Любезнейший! Немало нас заботила
Судьба твоя. Но раз ты возвратился здрав,
Скажи нам, как в Совете ты сраженья вел.

Колбасник

Да как? Пришел Совета головою я.

Первое полухорие

Строфа Вот теперь для всех настало
Время ликованья.

Славно говоришь ты, но дела твои прекрасней слов.

Ныне же сраженья ход
Жаркого поведай мне.

620 Долгий путь я готов
Перейти, чтоб услышать
Твой рассказ; так поспеши же,
Друг любезный, чтоб победе
Мы порадовались все.

Колбасник

Рассказа стоит, право, происшествие.
Бегом сейчас же я догнал кожевника.
Придя в Совет, лавины слов грохочущих
Метать он стал на всадников, в измене их
Изобличая; скалы выворачивал,
Пугая, громыхая, убеждая всех.

630 Совет, такой кислятины наслушавшись,
Насупил брови грозно, набок рот скривил,
Сидел горчицы горше. Чуть заметил я,
Что речью оп опутан клеветнической
И дерзкими обманут ухищреньями,
Взмолился так: «О, Бесы плутен, Жулки,
Ты, Дуриндас, вы, Надувалы мелкие,
Ты, Рынок, ум и сердце воспитавший мой,—

В меня вселите наглость! Речь проворную
И голос зычный и бесстыдный дайте мне!»
Усердно так молился я, и справа тут
Прогрохотал вдруг некий муж обклавшийся.
640 Я принял добрый знак с благоговением,
Решетку задом выставил и заорал
Что было сил: «О граждане! Я с добрыми
Пришел вестями. Первым рассказать хочу.
С тех пор вот, как война на нас обрушилась,
Сельдей на рынке не видал дешевле я.
Тут лица тотчас же у них разгладились,
И был увенчан я за вести хорошие.
И внес я снова предложенье тайное:
650 «Дабы за грош купить селедок дюжину,—
Конфисковать все миски у горшечников».
Рукоплескать мужи Совета начали
И, рот разинув, на меня уставились.
Кожевник это видит. Тут уж понял он,
Какою речью угодить советникам,
И внес такое предложенье: «Граждане!
Мне справедливым кажется на радостях,
В знак благодарности за вести хорошие
Сто телок в жертву принести владычице».
Тут вновь Совет к нему склонился милостью.
Но одолеть навозом я не дал себя.
Вторую сотней телок обогнал его,
660 Да Артемиде коз к тому же тысячу
Зарезать предложил, когда за грош один
Снеточки продаваться станут сотнями.
И вновь Совет склонился одобрительно
Ко мне. А тот, заслышав это, вздор такой
Загородил, что стражники с пританами
Его стащили силой. А советники
Вскочили с мест и о сельдях заспорили.
А тот их просит подождать немножечко.
«Послушайте посла из Лакедемона,
Принес он снова предложенья мирные».
670 Те заорали как один: «Ну нет, дружок.
Прослышали враги, что нынче дешевы
У нас селедки, мира захотелось им.

Нам мир не нужен. Дальше пусть идет война!
Пританы, распустить Совет!» И в стороны
Через канат попрыгали. На рынок тут
Я побежал и, все, что было, луковиц
И зелени скупил. Когда ж к сельдям они
Приправ искали, даром их попотчевал.
Они тут захлебнулись в благодарностях,
680 Задохлись в лестях, в похвалах рассыпались.
И так-то вот за луку горсть и зелени
Совет принес я скрученным и связанным.

Второе полухорие

Антистрофа Как счастливец, все удачно
Ты свершил и ловко.

Подлинно нашел подлец противника подлейшего.
В каверзах искусен ты,
В плутнях изощрен и смел
И на лесть ты силен.
Но теперь обдумай здраво,
Как сражаться будешь дальше
И союзников надежных
690 В нас по-прежнему найдешь.

Колбасник

А вот и пафлагонец приближается,
Вздымая пену, бешенством клокочущий.
Меня вот-вот проглотит! Вот так пугало!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

В ярости вбегает Клеон.

Клеон

Пусть провалюсь на месте, если хитростью
Моей старинной я не погублю тебя.

Колбасник
(прыгая и кривляясь)

Смеюсь твоим угрозам, похвальбе пустой.
Пляшу, скачу, гляди, на голове хожу.

К л е о н

Пусть больше мне не жить, клянусь Деметрою,
Когда тебя не проглочу, не слопаю.

К о л б а с н и к

700 Не слопаешь. Да сам тебя я выдую.
А там пускай хоть лопну, подавлюсь тобой!

К л е о н

Погибнешь ты, клянусь пилюсской почестью!

К о л б а с н и к

Да, почестью? А вдруг да пересядешь ты
В бесчестье в задний ряд из ряда первого?

К л е о н

Свидетель Зевс, в колодки закую тебя!

К о л б а с н и к
(к зрителям)

Как он свиреп! Ну, что же, покормить тебя?
Но чем его потешить, не мощною ли?

К л е о н

Гляди, ногтями вырву потроха твои!

К о л б а с н и к

А я тот корм, что в Пританее слопал ты!

К л е о н

710 Народ пусть судит, там я обличу тебя!

К о л б а с н и к

А я — тебя, и наплету с три короба.

К л е о н

Ну, нет, щенок! Тебя он не послушает!
А я его морочу, как захочется.

К о л б а с н и к

Уж очень на Народ ты полагаешься!

К л е о н

Его кормлю я, нянчу и баюкаю.

К о л б а с н и к

И, точно нянька, кормишь отвратительно.
Пока жуешь кусок, три добрых четверти
Проглотишь сам,— ребенку лишь объедки дашь.

К л е о н

720 Клянусь богами, в этом так искусен я,
Что вверх и вниз Народом, как хочу, верчу.

К о л б а с н и к

Так что ж? Знаком и я с таким искусником.

К л е о н

Забудешь, что в Совете оболгал меня.
Идем к Народу тотчас!

К о л б а с н и к

Что ж, согласен я.
Идем, чего же стал ты? Нет помехи нам!

Э П И С О Д И Й Т Р Е Т И Й

Оба подходят к жилищу Народа.

К л е о н
(стучит)

Народ, о, выйди!

К о л б а с н и к

Выйди, господин Народ!
Скорей сюда, Народушка, голубчик мой!

В окне показывается Народ, дряхлый и седой старик.

Н а р о д

Кто тут кричит? От двери не уйдете вы —
Мою пресиюну вы растреплете.

К л е о н

Сойди сюда, увидишь, как обижен я.

Н а р о д

(появляется в средних дверях дома)

Кто ж бьет тебя, мой пафлагонец!

К л е о н

(показывает на Колбасника и на хор)

730

И молодежь, и все из-за тебя.

Этот вот

Н а р о д

За что?

К л е о н

За то, что я ласкаю и люблю тебя.

Н а р о д

(Колбаснику)

Ты кто такой?

К о л б а с н и к

Кто я? Его соперник я.

Тебя давно люблю я и давно хочу
Тебе служить, как много граждан доблестных
И благородных. Только он мешает нам.
Ведь ты похож на мальчиков балованных.
Ты благородных гонишь прочь поклонников,
А свечникам, кожевникам, дубильщикам
740 И шкуродерам отдаешься с радостью.

К л е о н

Народу я полезен.

К о л б а с н и к

Ты? А чем, скажи!

К л е о н

Как чем? Когда стратеги перетрусили,
Поплывши в Пилос, приволок я пленников.

К о л б а с н и к

А я, шатаюсь этак же, из лавочки
Стянул похлебку, что другой замешивал.

К л е о н

(Народу)

Так объяви немедленно собрание,
Народ мой, и увидишь, кто сильнее тебя
И пламеннее любит, а потом суди!

К о л б а с н и к

Да, да, суди, прекрасно, не на Пниксе лишь!

Н а р о д

Ну нет, не стану заседать я иначе.
750 Пойдем на Пникс, как исстари заведено.

К о л б а с н и к

(про себя)

Пропал, пропал я, бедный! Ведь старик таков,
Что дома он куда как рассудителен.
Но чуть на этих камешках усядется,
Зевать он начинает и ворон считать.

Идут к оркестре. Народ располагается на ступеньках Пникса.

А Г О Н В Т О Р О Й

Первое полухорие

Ода Теперь на полных парусах ты в море выйти должен.
Воинственным и грозным будь,
В речи неотступным,
Чтобы противника разбить.
Он хитер и ловок.

Непроходимую тропой пройти он умудрится.
760 Так налети же на него стремительно и рьяно!

Предводитель первого полухория
Только будь осторожен! И, прежде чем он на тебя нападет,
И багры, и крюки, и дельфины держи, и спасательный бот
наготове
на канатах.

К л е о н

Эпир-рема Я владычицу Деву-Афину молю, что хранит этот город и
землю,
Если верно заслуги мои велики пред народом афинским
(Лисиклу,
Салабакхо и Кинне равняюсь я в них), пусть меня, как
сейчас, в Пританее
Будут зря угощать. Если ж я тебе враг, если ж я за тебя
не сражюсь
Против многих — один, пусть меня раскроют на ремни, на
подвязки разрежут.

К о л б а с н и к

О Народ мой! Меня ж, если я тебе враг и тебя не люблю,
на кусочки
Пусть покрошат, сварят и в колбасы набьют. А когда ты
мне все же не веришь,
770 Пусть на этом лотке изотрут в порошок и, как сыром,
приправят оладьи
И, мясницким крюком вот сюда подцепив, хоронить
в Керамик поволочат.

К л е о н

О Народ! Как же может другой гражданин тебя жарче
любить и сильнее?
Ведь с тех пор, как сижу я в Совете, казну я деньгами
наполнил доверху.
Я одних заморил, а других задушил, запугал, обобрал
и опутал,
Никого не жалел я из граждан, тебе одному угодить
помышляя.

К о л б а с н и к

О Народ! В этом подвига нету ничуть. Что ж, и я услужу
тебе так же

И, стащив у других из-под носа кусок, поднесу тебе:
«Милый, покушай!»
А что враг он тебе и не предан совсем, это тотчас тебе
докажу я:
780 У твоих уголочков погреться он рад, на тебя ж наплевать
ему вовсе!
А что ты, кто когда-то мидийскую рать отразил на полях
Марафона
И, победой прославившись, нам завещал похвальбу и
трескучие речи,
Что на голых камнях тебе жестко сидеть, это вовсе его не
заботит.
Ну, а я не таков! Я подушку набил и тебе подношу ее!
Встань же!
Будешь мягко сидеть ты, и то отдохнет, что страдало
в бою Саламинском.

(Подносит Народу подушку.)

Н а р о д

(садится на подушку)

Кто такой ты, о муж? Не Гармония ль ты, демократа,
достойный потомок?
Ведь и вправду деянье твое велико, благородно,
народолюбиво.

К л е о н

(Народу)

За какую пустую и жалкую лесть полюбил ты пройдоху и
плута?

К о л б а с н и к

(Клеону)

Что же в том? На приманки похуже ловить ты его до сих
пор ухитрялся.

К л е о н

Повторяю я все ж: коль найдется другой, кто б Народу
был пламенней предан,

790 Кто б страстнее и жарче тебя обожал, так меня с головой
ему выдай!

К о л б а с н и к

Хороша же любовь! Ты ведь видишь его, ведь восьмую он
зиму ютится
В подземельях, и в бочках, и в башнях сырых, в погребках,
в ястребиных гнездовьях.
И не жалко тебе! Лишь сильнее еще ты его потрошишь,
притесняешь.
Архиптолем к нам с миром пришел, так его ты прогнал,
да и всех, кто приносит
Договоры и мир, подзатыльника дав, за ворота ты гонишь
бесчестно.

К л е о н

Все затем, чтоб владыкой Эллады он стал. Суждено ему,
знай, в прорицаньях
Стать в Аркадии дивной присяжным судьей, пять грошей
всякий день получая,
Если вытерпит он. А пока я его и поить и кормить не
устану
800 И не правдой, так кривдой добуду ему трехгрошовый наек
ежедневный.

К о л б а с н и к

Не о том, чтоб в Аркадии стал он судьей, ты заботишься,
Зевс мне свидетель!
Но чтоб грабить ты мог, города прижимать, вымогать
приношенья и взятки.
Чтоб Народ в суете и в угаре войны не видал твоих
подлых продолок
И глядел тебе в рот, в нищете и беде, и подачек просил,
голодая.
Но когда он вернется в деревню домой, и по-старому вновь
запирует,
И на каше отъестся, и в силу придет, на бобы и на брюкву
наляжет,—
Вот тогда он увидит, какое добро за твои отдавал он
подачки.
По-мужицки сердит он придет и тебя провалить, голосуя,
сумест.
Это знаешь ты сам, и затем-то его надуваешь и снами
морочишь.

К л е о н

810 Не обидно ль мне слышать, как грязью чернишь и меня
обльгаешь бесстыдно
Пред Народом и всеми Афинами ты? А ведь я перед
городом больше
Заслужил, госпожою Деметрой клянусь, чем и сам
Фемистокл ваш любезный!

К о л б а с н и к

О Аргивяне! Слово внимайте его. С Фемистоклом себя ты
равняешь?
С Фемистоклом самим, что наш город нашел отошальм и
сытым оставил,
Да вдобавок к тому и приморский Пирей примесил, как
закуску на завтрак.
И, из прежних богатств не отняв ничего, угостил нас
невиданным блюдом.
Ну, а ты,— ты афинян в мещан обратить, в торгашей
мелочных замышляешь,
Прорицанья шепча и валы города. Вот каков Фемистокла
соперник!
Помни также, в изгнанье погиб Фемистокл, ты же руки
о пряники чистишь!

К л е о н

Мой Народ! Не вдвойне ль мне обидно терпеть от него
поношенья такие?
Все за то, что тебя я люблю?

Н а р о д

820 Перестань! Тошнотворны
твои причитанья.
Вижу, вижу, давно ты меня надувал и теперь норовишь
обморочить.

К о л б а с н и к

Да, Народушка, подло тебя надувал, изошрялся
в бесчисленных плутнях.
Чуть задремлешь ты, глядь, он уж удит себе

Корешочки ревизий и в глотку сует.
Так и шарит руками обеими он
Без стыда и без страха в казенном горшке.

К л е о н

Пожалеешь, гляди, обличу я обман!
Тысяч пять, десять, сто положил ты в карман.

К о л б а с н и к

830 Что ты даром ревешь, что ты воду толчешь?
Пребесстыдны, преподлы проделки твои
Пред народом афинян. И я докажу,
Вот Деметрой клянусь, пусть мне дня не прожить,
В Митиленах сумел, вымогая, добыть
Ты не меньше чем сорок талантов!

В т о р о е п о л у х о р и е

Антода Ты человечеству всему спасенье и отрада.
Легкоязычие твое
Зависти достойно.
Свершивши подвиг, станешь ты
Первым на Элладе.
840 В Афинах и на островах, трезубцем потрясая,
Царить ты будешь, всем вертеть и гнать деньгу без
счета.

П р е д в о д и т е л ь в т о р о г о п о л у х о р и я

Но только спуска не давай, ведь он уж поддается!
С такую глоткой, как твоя, его легко осилить.

К л е о н

Антэпир-рема Ну нет, голубчики, ну нет! До этого далеко.
За мною подвиг есть такой, что всем сумею глотку
Что ни на есть врагам заткнуть. Спокоен я, покуда
Остался цел хотя б один из тех щитов пилюсских.

К о л б а с н и к

850 Эй, на щитах остановись! Вот тут ты промахнулся!
Когда бы ты Народ любил, щитам бы не оставил
Ты рукояток.

(К Народу.)

Это все лукавая проделка,
Народ мой, чтоб, когда его ты наказать захочешь,
Тебе остаться ни при чем. Ты видишь, что за толпы
Кожевников вокруг него. Тут сбитенщики рядом,
Творожники и скорняки. Все — одного полета.
Едва нахмуришь брови ты и черепок ухватишь,
В полночный час сорвут щиты и бросятся на приступ
К рядам, да так, что к хлебу нам потом не приступиться.

Н а р о д

Уж вот беда! Ты прав, ты прав! Ведь целы рукоятки!
(Клеону.)

Негодник! Сколько лет уж так Народ ты за нос водишь?

К л е о н

860 Чудак, не слушай ты его! Нигде ты не отыщешь
Поклонника верней, чем я. Ведь заговоров сколько
Один сумел я сокрушить. Ничто не ускользнуло.
Чуть затевались мятежи, крик подымал я живо.

К о л б а с н и к

Не так ли точно рыбаки угрей гоняют в сети?
Пока залив спокоен, тих, им не поймать ни рыбки!
Но чуть подымут ил столбом и воду взбаламутят,
Так ловля прибыльней идет. Ты тоже в мутном ловишь!
Тревога на руку тебе! Но вот на что ответь мне:
870 Немало кож ты продаешь, а подарил хоть стельку
Для теплых туфель старику? Ведь так его ты любишь?

Н а р о д

Ей-богу, нет! Ей-богу, нет! Не подарил ни стельки!

К о л б а с н и к

Теперь его ты раскусил? А я вот туфель пару
Тебе купил и подношу! Носи их на здоровье!
(Надевает на старика туфли.)

К л е о н

Ну, не несносно ли, скажи, что так всеильны туфли?
А я уж вовсе позабыт? Забыто, как недавно
Я блуд повывел из Афин, предав бесчестью Гритта.

К о л б а с н и к

А не несносен разве ты, постельный надзиратель?
Что, блуд ты вывел? Ну, так что ж? Из страха, не иначе!
880 Боялся, чтоб из блудников не вышли словоблуды.
Но погляди, ведь он уж стар, а ходит без хитона
В такой мороз! А ты ему и телогрейки не дал.
Гляди ж, я плащ тебе дарю. Народушка, согрейся!
(*Дает ему плащ.*)

Н а р о д

Такой премудрости, клянусь, и Фемистокл не ведал,
Хоть и неплох его Пирей. По-моему, так, право,
Вот эта выдумка с плащом Пирею не уступит!

К л е о н

Беда! И обойдешь меня ты плутнями такими?

К о л б а с н и к

Твоими ж плутнями, дружок! И на попойке так же,
Нужда погонит, побежишь, не разбирая туфель.

К л е о н

890 И все же лестью ты меня не превзойдешь. Народ мой!
Тебе к плащу тулуп дарю!
(*Снимает с себя овчину и дает старику. Колбаснику.*)
Что, взял, подлец?

Н а р о д

Фу, пропасть!
Проваливай! Да твой тулуп насквозь воняет кожей!

К о л б а с н и к

Нарочно так подстроил он, чтоб в смраде ты задохся.
И раньше погубить тебя старался он. Ты помнишь,
Как сильфий вдруг подшевел?

Н а р о д

А что? Конечно, помню.

К о л б а с н и к

Умышленно на сильфий он тогда понизил цены,
Чтоб вдоволь лакомились им, а после в гелиее
Друг друга в смраде, в духоте поотравляли судьи.

Н а р о д

Клянусь богами, говорил уж мне об этом Смердий.

К о л б а с н и к

900 Ну да, и вы в конце концов в зловонье порыжели.

Н а р о д

И это, верно, изобрел вот этот рыжий-красный?

К л е о н
(Колбаснику)

Подлец, каким же плутовством меня поддеть ты хочешь?

К о л б а с н и к
(торжественно)

Богиня приказала мне тебя убить бахвальством.

К л е о н

Так не убьешь же! Мой Народ! Тебя я обещаю
Кормить, поить и угощать задаром по-пустому.

К о л б а с н и к

А вот в бутылочке дарю тебе я притиранье,
Чтоб мазать мог ты лишай и язвы на коленях.
(Дает ему склянку.)

К л е о н

Седины выщиплю тебе, и станешь вновь ты молод.

К о л б а с н и к

Вот заячий пушистый хвост, чтоб прочищал ты глазки.
(*Дает ему.*)

К л е о н

910 О волосы мои, Народ, суши, сморкаясь, пальцы!

К о л б а с н и к

И о мои! И о мои!

Оба лезут вперед, толкаются.

К л е о н

(*Колбаснику*)

Вот в триерархи попадешь,
Казны без счета изведешь!
Корабль достанется гнилой,
Его чинить, его крепить
Не хватит денег никаких.
Уж я добыюсь, уж разорвусь,
Чтоб с браком снасть ты получил!

К о л б а с н и к

920 Кипит, бурлит! Уймись, уймись!
Прольет, уйдет! Беги, держи!
Вот ложка, плошка, эй, сними
С похлебки пену похвальбы!
(*Дает Клеону ложку из своего мешка.*)

К л е о н

Еще заплатишься, гляди!
Пройму до пота податьми.
Уж я устрою, чтоб попал
Ты в список первых богачей.

К о л б а с н и к

А я не стану угрожать.
Одно хочу лишь пожелать:
Пусть рыба варится в горшке,
930 А ты в Собрание спешишь

Дела милетские решать,
Талантов дюжину сорвать.
Да чтоб на Пникс не опоздать —
Суешь живее рыбу в рот,
А тут посыльный подойдет,
Тебя торопит и зовет.
Талант боишься упустить,
Спешишь жаркое проглотить
И на ходу —

940 Подавишься и лопнешь!

Х о р

Прекрасно! Клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой!

Н а р о д

Мне кажется, теперь уж нет сомнения:
Ты — гражданин отменный. Не видал еще
Подобных я среди трехгрошовой братии.
(Клеону.)

Ты ж со своей любовью лишь сердил меня.
Отдай назад мой перстень! И отныне ты
Не ключник мне!

К л е о н

(отдает перстень)

Ну что ж, бери! Одно лишь знай:

950 Ты мне не веришь больше, но другой придет
Подлей меня, гнуснее и негоднее.

Н а р о д

(разглядывая перстень)

Не мой, не мой как будто это перстень! Нет!
Печать совсем другая. Иль не вижу я?

К о л б а с н и к

Дай, я взгляну.

(Берет перстень.)

А какова печать твоя?

Н а р о д

В оливках поросенок доморощенный.

К о л б а с н и к

Совсем не то.

Н а р о д

Не поросенок? Что ж тогда?

К о л б а с н и к

Обжора чайка, с кафедры кричащая.

Н а р о д

Беда, беда!

К о л б а с н и к

А что?

Н а р о д

Подальше брось его!

Совсем не мой то перстень, а Клеонима.

Возьми ж вот этот и моим будь ключником.

(Дает ему перстень со своего пальца.)

К л е о н

960 Нет, нет, о господин мой! Подожди еще!
Пророчества мои сначала выслушай!

К о л б а с н и к

Так и мои послушай!

К л е о н

Чуть доверишься

Вот этому — тебя обрест догола.

К о л б а с н и к

А тот тебя обрест и не так еще!

К л е о н

В моих гаданьях, знай, тебе предсказано
Вселенной править, розами венчанному.

К о л б а с н и к

Мои ж тебе сулят в порфире вышней
На колеснице золотой преследовать...
Агприня и Смикифа процессами.

К л е о н

970 Тащи уж все гадания, чтоб выслушал
Хозяин их.

К о л б а с н и к

Отлично!

Н а р о д
(Клеону)

Ты ж свои тащи!

К л е о н

Тотчас!

К о л б а с н и к

Тотчас!

Н а р о д

Беги же!

К л е о н и К о л б а с н и к

Нет помехи нам!

Бегут в разные стороны.

Первое полухорне

Строфа Солнца ясного сладкий луч
Воссияет для граждан всех,
Воссияет для всех гостей
В день паденья Клеона.

Слышать, правда, и мне пришлось,
Как толкуют, наморщив лбы,
Старики-ворчуны порой
980 На толкучке судебной:

«Если б в силе не был Клеон,
Не видать бы по всей земле
Двух полезных вещей у нас:
Ни пехтила, ни ступки».

Второе полухорие

Антистрофа Но чему я еще дивлюсь,—
Это ловкости рук его.
Говорили мне молодцы,
Что с Клеоном учились:

Он на лире один лишь лад —
«По-дарийски» легко постиг,
990 А других не хотел учить,
Рассердил кифариста.

Тот велел увести его:
«Мальчик вовсе и туп и глуп,
Затвердил на один лишь лад:
«Подари, да подай мне!»

Э П И С О Д И Й Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

Клеон и Колбасник вбегают, нагруженные свитками.

Клеон

Ну, видишь сколько? А несу не все еще!

Колбасник

Ах, надорвусь! А захватил не все еще!

Народ

Да что же тут?

Клеон

Гаданья.

Народ

Всё гаданья?

К л е о н

Что?

1000 Дивишься? Полный у меня сундук стоит.

К о л б а с н и к

А у меня чердак с двумя сараями.

Н а р о д

Дай поглядеть мне, чьи же тут вещания?

К л е о н

Мои — Бакида!

Н а р о д
(почтительно)

Вот как!
(Колбаснику.)

А твои кого?

К о л б а с н и к
(не моргнув глазом)

Гланида, брата старшего Бакидова.

Н а р о д

О чем же прорицанья?

К л е о н

Да о Городе,
О Пилосе, о нас с тобой, о всем другом.

Н а р о д
(Колбаснику)

Ну, а твои о чем же?

К о л б а с н и к

Да о городе,
О каше, да о Спарте, да о скумбриях,
О рынке, о мошенниках-лабазниках,

О нас с тобой.

(Клеону.)

1010

Что, слышишь? Накось выкуси!

Н а р о д

Начнемте ж! Прочитайте мне гадания!
И то, что обо мне (оно мне нравится),—
Как воспарю орлом я по поднёбесью.

К л е о н

Так выслушай меня и будь внимателен.

(Разворачивает свиток и читает торжественно.)

«Ныне внемли, Эреxfид, прорицаний тропе, что из

кельн

Храма, с треножника дивного Феб возвестил

многомудрый.

Чтить он тебе заповедал священного пса-скалозуба,
Пса, что рычит за тебя, за тебя огрызается борзо,
Корм добывая тебе, а когда не добудет — издохнет.

1020

Галок немало над ним, ненавдя, кричат и кружатся».

Н а р о д

Клянусь Деметрой, не понять мне этого.
При чем же пес, и Эреxfид, и галки тут?

К л е о н

Я — этот пес! Ведь за тебя горланю я.
Меня-то, пса, тебе хранить приказано.

К о л б а с н и к

Совсем не в этом дело. Словно кости хрящ,
Вот этот пес отгрыз кусок пророчества.
Но от меня про пса узнаешь истину.

Н а р о д

Прочти! Но прежде подниму я камешек,
Не то укусит прорицанье псиное.

К о л б а с н и к

(читает по списку)

1030

«Богу внемли, Эреxfид! Душегуб, омерзительный

Кербер,

Льстиво виляя хвостом, за обедом глядит тебе
в миску.
Ждет, чтобы цапнуть кусочек, едва ты заснешь иль
задремлешь.
В кухню собачьей повадкой тишком прокрадется он
ночью,
Вылизет все, и горшки, и судки, и суда, и Киклады».

Н а р о д

Главид, ты много лучше! Зевс свидетель мне!

К л е о н

Сперва послушай, сударь, а потом суди!

(Читает.)

«Будет жена, и родит она льва в богозданных
Афинах!

Станет сей лев за Народ с мириадами мошек
сражаться,

Словно за племя свое. Ты хранить его должен
надежно

1040 За деревянной стеной и за башнями кованой меди».

(Народу.)

Ты это понял?

Н а р о д

Я? Да ничегошеньки!

К л е о н

Велит вам Фэб меня хранить заботливо,
Ведь, словно лев рычащий, я служу тебе.

Н а р о д

Да как же львом исподтишка ты сделался?

К о л б а с н и к

Одно нарочно скрыл он из пророчества,
Что за стена такая с башней медною,
Где повелел нам Локсий охранять его?

Н а р о д

А что же разумел он?

Н а р о д

Внимать внимаю, только научи меня,
Откуда взять мне деньги корабельщикам?

К о л б а с н и к
(*читает*)

«О Эгеид! Псолисицы обманов и ков опасайся,
В кознях искусной, к добыче проворной, коварной и
борзой».

(*Народу.*)

Ты понял?

Н а р о д
(*радостно*)

Псолисица — Филострат, ведь так?

К о л б а с н и к

1070 Не в нем тут суть. Когда триеру быстрю
За податями у тебя потребует
Вот этот,— не давай ты, запрещает Феб.

Н а р о д

Зачем же псолисой триера названа?

К о л б а с н и к

Зачем? Быстра триера,— ну а пес не быстр?

Н а р о д

Зачем же к псу лиса еще прибавлена?

К о л б а с н и к

Солдат тут называет бог лисицами
За то, что рвут по селам виноград они.

Н а р о д

Ну, пусть!

А чем платить таким лисицам все-таки?

К о л б а с н и к

В три дня тебе и деньги раздобуду я.

1080 Выслушай это еще прорицанье Летонна сына:
«Кряжистой бойся Киллены, да зла избежишь и
соблазна».

Н а р о д

Какой Киллены?

К о л б а с н и к

Кряжистой назвал Феб

Вот эту лапу,

(показывает на Клеона)

что о краже думает.

К л е о н

Не так толкуешь! Феб Килленой кряжистой

Назвал, конечно, руку Диопифову.

Но у меня и другие крылатые есть прорицанья,

Как воспарить ты орлом и владеть будешь всею

землю.

К о л б а с н и к

(перебивая его)

Есть у меня оно также: землю и морем пурпурным.

Будешь судить в Акбатанах, кормиться коврижкой и

медом.

К л е о н

(перебивая)

Мне же видение было. Воочию зрел я богиню,

Лила она на Народ из лохани богатство и счастье.

К о л б а с н и к

(перебивая)

1090 Зевсом клянусь я, мне тоже. Воочию зрел я богиню.

Вышла из храма она, а сова на плече восседала.

После облила тебя, мой Народ, из огромного таза

Влагой амвросии дивной, его же — чесночным

помоем.

Н а р о д

(в восторге)

Ого, ого!

Нет в свете мудреца, Гланиду равного.

(Колбаснику.)

Тебе себя вверяю я. Ты старому
Поводырем отныне будь и нянькою.

К л е о н

1100 Нет, умоляю! Погоди немножечко!
Тебе зерно добуду, твой засушенный хлеб.

Н а р о д
(затыкая уши)

Чтоб о зерне не слышать мне! Довольно уж
Вы с Феофаном так меня морочили!

К л е о н

Так я мукой тебе отдам помолотой.

К о л б а с н и к

Я дам тебе лепешек подрумяненных,
Тушенных почек. Поспевай лишь в рот совать.

Н а р о д

Поторопитесь принести, что можете.
И кто теперь сытнее угостит меня,
Тому я тотчас Пникса передам бразды.

К л е о н

Так побегу ж я первым!

К о л б а с н и к

1110 Нет уж, первым я!

Оба убегают.

Первое полухорие

Строфа 1 Народ мой, красна твоя
Держава. По всей земле
И страшен, и славен ты —
Хозяин могучий!
Но слаб и послушен ты,
Но, лестью окутанный,
Но, ложью опутанный,
Чьи б речи ни слышал ты,

1120 С разинутым ртом сидишь,
Твой разум не дома.

Н а р о д

Строфа 2 Нет разума в вас самих,
Что я вам глупцом кажусь.
Ведь я простаком таким,
Ей-ей, притворяюсь.
Я так забавляться рад,
За соской гоняться рад
И вора чиновника
На Пниксе кормить-растить,
Чтоб, брюхо набив ему,
1130 Поднять и прихлопнуть.

Второе полухорие

Антистрофа 1 Придумал неплохо ты,
И, видно, разумен ты.
Хитро и затейливо
Казнишь негодяев!
С расчетом на Пниксе их,
Как скот на убой, растишь,
Чтоб там, как нужда придет
И нет под рукой мяса,
Схватить каплуна жирней —
1140 Заклать и зажарить.

Н а р о д

Антистрофа 2 Смотрите, как ловко я
Врагов в западню ловлю,
Ученых и умников,
Искусных и хитрых.
Ворам я слепцом кажусь,
Сквозь пальцы на все смотрю.
А сам не спускаю глаз
И все, что украли, вмиг
Добуду из глотки их,
1150 Нажав черепочком.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Клеон и Колбасник вбегают с полными корзинами, ругаясь и в драке.

Клеон

Эй, провались, негодный!

Колбасник

Провались, подлец!
(Толкает его.)

Клеон

(садится со своей корзиной)

Народ мой, я давно уж приготовил все.
Давным-давно сижу, чтоб угодить тебе.

Колбасник

(так же садится)

А я давным-давным-давно. В сто раз давней.
И в тысячу. Давным-давным-давным-давно.

Народ

А я вас жду давнее в мириады раз.
Плюю на вас давным-давным-давным-давно.

Колбасник

(Народу)

Теперь что делать, знаешь?

Народ

Скажешь, буду знать.

Колбасник

1160 Бежать наперегонки нас двоих пусти,
Чтоб взапуски тебя могли мы потчевать.

Народ

Что ж, дело! Эй!
(Хлопает в ладоши.)

Клеон и Колбасник
(толкаются)

Вот тотчас!

Народ

Эй!

Колбасник

Не лезь вперед!

Бегут и дерутся.

Народ

Ну, вижу, угостят меня поклонники
Сегодня всласть, чуть поломаться вздумая.

Клеон
(вбегают с креслом)

Гляди же, кресло первым я несу тебе.

Колбасник
(принося свой лоток)

Да все ж не стол, а со столом перее я.

Клеон и Колбасник попеременно подбегают к своим корзинам и приносят то одно, то другое угощение.

Клеон
(подбежал с лепешкой)

А вот тебе лепешку я принес, гляди,
Испеченную из зерна пилосского.

Колбасник
(с коркой хлеба)

Вот корка для похлебки, а долбил ее
Самой богини палец беломраморной.

Народ
(благоговейно)

1170 Хозяюшка! Велик же, видно, палец твой!

Клеон
(приносит миску с бобами)

А вот бобы, горячие, румяные —
Паллады дар — Воительницы в Пилосе.

К о л б а с н и к
(*принося миску с кашей*)

Тебя богиня охраняет явственно
И над тобой простерла миску с кашею.

Н а р о д
(*еще с большим благоговением*)

А город наш еще б стоял, ты думаешь,
Когда б над ним господней миски не было?

К л е о н
(*с жарким*)

Вот вырезку прислала В Сечах Грозная.

К о л б а с н и к
(*с куском грубого мяса*)

Вот из похлебки мясо, и рубца кусок,
И требуху подносит Совоокая.

Н а р о д

1180 Спасибо ей, что вспомнила о пеплосе.

К л е о н
(*подносит пирог*)

Вот испекла пирог Эгидодержица,
Чтоб вы пеклись о кораблях без отдыха.

К о л б а с н и к
(*с обглоданными костями*)

Возьми ж и это.

Н а р о д

Да на что же ребра мне?

К о л б а с н и к

На что они? Богиня с добрым умыслом
Тебе прислала ребра корабельные:

О флоте явно Дивная заботится.

(*Подносит Народу вина.*)

А вот вино, прекрасной смеси, выкушай.

Н а р о д

Как сладко, боги! И отменной крепости.

К о л б а с н и к

Его В Боях Губящая пригубила.

К л е о н

(с куском расстегая)

1190 Вот расстегая жирного ломоть тебе.

К о л б а с н и к

А от меня и целый расстегай возьми.

К л е о н

Но зайца-то тебе уж не достать никак.

(Бежит за зайцем.)

К о л б а с н и к

(в сторону)

Беда, пропал! Откуда ж мне зайчины взять?

О разум мой, теперь лазейку выдумай!

К л е о н

(приносит зайца и торжественно показывает Колбаснику)

А это видишь, мерзкий?

К о л б а с н и к

Мне и горя нет!

(С жестом вдаль.)

Вот там послы идут ко мне откуда-то

И кошельки с казной несут тяжелые.

К л е о н

Да где же, где?

К о л б а с н и к

1200

Тебе-то что? Не тронь гостей!

(Клеон убегает, Колбасник хватает зайца.)

О мой Народ, вот зайца от меня прими!

(Дает старику зайца.)

К л е о н
(возвращается с пустыми руками)

Ох, горе, ты бесчестно обокрал меня!

К о л б а с н и к
Так что же? А не крал ты, скажешь, в Пилосе?

Н а р о д
(Колбаснику)
Скажи мне, как до кражи ты додумался?

К о л б а с н и к
(торжественно)
От Девы — мысль, а кража — дело рук моих.

К л е о н
Его я изловил, его изжарил я!

Н а р о д
Отстань! Награда не тебе — поднесшему.

К л е о н
Беда, беда! В бесстыдстве превзошли меня!

К о л б а с н и к
(Народу)
Ну, что ж ты не решаешь, кто из нас двоих
Тебе и брюху твоему полезнее?

Н а р о д
1210 Но по каким приметам рассужу я вас,
Чтоб правосудным показаться зрителям?

К о л б а с н и к
(Народу)
Вот мой совет: к корзине подойди моей
Тишком и загляни, что там положено.
Потом к его корзине. Будет правильно!

Н а р о д

Взгляну!

(Подходит к корзине Колбасника.)

Что ж тут?

К о л б а с н и к

Пуста корзина, бабушка!

Пуста, вот видишь, все тебе я выложил.

Н а р о д

(в восторге)

Сама корзина — демократка чистая!

К о л б а с н и к

Ну, подойди же к коробу кожевника!

Народ подходит к другой корзине.

Что, видишь?

Н а р о д

И добра же здесь наложено!

И расстегая уймаишу припрятал он!

1220 А мне ведь дал кусок такой вот маленький!

К о л б а с н и к

Вот так же он и прежде поступал с тобой.

Из прибыли тебе частицу малую

Давал, а больше для себя откладывал.

Н а р о д

Негодник, ты и крал, и надувал меня!

К чему ж мои венки и приношения?

К л е о н

О да, я крал, но во спасенье Городу!

Н а р о д

Снимай венок живее! Я отдам его

Вот этому.

К о л б а с н и к

Снимай живее, висельник!

К л е о н

1230 А вот и нет! Дано мне прорицание.
В нем сказано о том, кто победит меня.

К о л б а с н и к

Да обо мне и сказано, тут спору нет!

К л е о н

И все ж я по приметам испытать хочу,
Подходит ли богиней предреченное.
И вот о чем сперва я вопрошу тебя:
Ходил к какому в детстве ты учителю?

К о л б а с н и к

На бойне вразумлен я колотушками.

К л е о н

Что ты сказал? Мутится ум от знаменья.
Ну пусть!
Чему ж, скажи, в палестре обучался ты?

К о л б а с н и к

Укравши, отпираться с дерзкой рожею.

К л е о н

1240 О Феб Ликийский! Что ты совершил со мной?
А чем же промыслять ты начал, выросши?

К о л б а с н и к

И передом, и задом, и колбасами.

К л е о н

Ох, я несчастный! Горе! Я — ничто уже!
Одной держусь надежды, как соломинки.
Одно скажи: а торговал колбасами
Ты у ворот или на рынке, в лавочке?

К о л б а с н и к

Нет, у ворот, где торг идет селедками.

К л е о н

Увы! Свершилось богом предреченное!

Катите в дом, катите злополучного!

(Бросает венок на землю.)

1250 Прощай, венок! В печали расстаюсь с тобой!

Другой тебя возьмет, тобой украсится,

Не больше вор, а разве что счастливее.

(Вбегает в дом.)

К о л б а с н и к

(торжественно надевает венок)

Зевс Эллинов! Тебе, тебе победы честь!

С т а р ш и й в с а д н и к

Привет тебе, победоносный. Помни же:

Тебя я в люди вывел. Дай за то теперь

Твоим мне Фаном стать, судейским писарем.

Н а р о д

А мне скажи, как звать тебя?

К о л б а с н и к

Агоракрит.

За брань на рынке получил я прозвище.

Н а р о д

Агоракриту ныне предаю себя.

1260 А пафлагонец пусть себе провалится.

К о л б а с н и к

Теперь увидишь, мой Народ, так тщательно

Тебе служить я стану, что признаешься,

Среди разинян никого нет в ровню мне.

Народ и Колбасник входят в дом.

Первое полухорие

Ода Что краше, чем песнь начиная,
 Чем при конце песнопенья,
 Петь хвалу
 Ристателям коней ретивых?
 Полно о Лисистрате!
 Полно нам Фуманта бездомного песней
 Ядовитой огорчать.

1270 *Милый* Феб, ведь он голодает всегда,
 В горячих слезах изливаясь,
 И, к луку припав твоему,
 От глаза спасения просит.

Предводитель первого полухория

Эпир-рема Издеваться над негодным — в этом вовсе нет греха.
 В этом честь тому, кто честен, так рассудят мудрецы.
 Все же, если тот, кто брани и насмешек заслужил,
 Дружен с вами, ради дружбы я не тронул бы его.
 Аригнота знает всякий, кто сумеет отличить
 Белый день от черной ночи и на лире чистый лад.

1280 У него есть братец, брату нравом вовсе не сродни.
 Арифрад — подлец. Да, впрочем, брани сам он захотел.
 Не простой подлец он (так бы не заметил я его!)
 И не расподлец. Придумать и похуже он сумел.
 Безобразною забавой губы опозорил он.
 Увоенный, увлеченный, все на свете позабыв,
 В грязных уличных притонах скверных девок лижет он.
 Там же спереди — Эоних, там же сзади — Полимнест.
 А кому такой красавец не противен, так уж с тем
 Я не стану на попойке пить из кубка одного.

Второе полухорие

1290 *Актода* Давно уж в безмолвни ночи
 Думой одной я терзаюсь,
 Размышляя,
 Как ухитрится лопать
 Так безбожно Клеоним.

Слух идет, что, в дом богача затесавшись
И налегши на обед,
Он от миски не оторвется никак,
Напрасно хозяева просят:
«У ног твоих молим, уйди,
Почтенный, хоть столу-то дай пощаду».

Предводитель второго полухория

Ант-

1300 Как-то, слух идет, триеры собралися на совет;

эпиррема И одна, других постарше, речь такую повела:

«Не слыхали вы, сестрицы, новых сплетен
городских?»

Для похода к Карфагену сотню требует из нас
Злополучный полководец, кислый укус, Гипербол».
Нестерпимым и ужасным показалось это всем.

Говорит одна (с мужчиной не пришлось еще ей
быть):
«Отвратите, боги, нет же! Мной не будет он владеть.
Лучше праздной мне остаться и состариться и
сгнить».

1310 «Мною тоже, Волнорезой, что Летаем рождена.
Той сосной клянусь, что доски мне для остова дала.
Если ж так Народ захочет, мой совет, в Тесеев храм
Плыть и в храм богинь почтенных и с мольбой
обнять алтарь.

Нет, не будет, нами правя, город наш морочить он!
Пусть плывет, куда захочет, хоть к собакам, да один,
Пусть лотки свои свечные в море спустит
ламповщик!»

Э К С О Д

Входит Колбасник, празднично одетый.

К о л б а с н и к

В благоречье священном замкните уста, прекратите допросы
и тяжбы!

Пусть закروют суды, что Народ возлюбил, и счастливые новые
вести

1320 Пусть приветствует ныне веселый театр, и поет, и ликует,
и славит!

Старший всадник

О, привет тебе, светоч священных Афин! Остров
покровитель могучий!
Что за добрую весть ты приносишь? Зачем ликовать нам на
рынках и славить?

Колбасник

Я Народ вам сварил в кипятке и его превратил из уroda
в красавца.

Старший всадник

Где ж теперь он? Скажи! О колдун, о ведун, в изумительных
чарах искусный!

Колбасник

Он в фиалковенчаных Афинах живет, в первозданных
священных Афинах.

Старший всадник

Как увидеть его? Он в уборе каком? И каким ныне стал он,
поведай!

Колбасник

Да таким же, как некогда трапезу он с Мильтиадом делил,
с Аристидом.
Вы увидите все. Вот уж слышится шум, отворились, скрипя,
Пропилен.
Возликуйте ж! Афины являются вам в незабвенной,
невянущей славе.
Красота многопетых, чудесных Афин! Золотая столица
Народа!

Открываются двери дома. Виден Народ в праздничном уборе.

Старший всадник

«О Афины, Афины, краса городов! О Афины, в венке из
фиалок!»
1330 Покажите же нам господина страны, самодержца счастливой
Эллады!

К о л б а с н и к

Вот и он! С золотою цикадой в кудрях, в облачении прадедов
древнем.
Уж не тяжёбным смрадом несёт от него, умащён он елем и
миром.

С т а р ш и й в с а д н и к

О, хвала! О, привет тебе, эллинов царь! А для нас —
ликованье и радость!
Вот теперь ты достоин отчизны своей и святых марафонских
трофеев.

Н а р о д

Агоракрит! Приди сюда, возлюбленный!
Как счастлив я, что юность возвратил ты мне.

К о л б а с н и к

Да, друг мой! Позабыл ты, чем недавно был.
И делал что? Не то меня бы богом счел.

Н а р о д

Что ж делал, расскажи мне, и каким я был?

К о л б а с н и к

1340 Да если речь кто заводил в Собрании:
«Тебе я — друг, Народ мой, и люблю тебя,
И о тебе забочусь, и тружусь один».
Едва такие слышал ты речения,
Сейчас же таял, гордо вскинув голову.

Н а р о д

Как, я?

К о л б а с н и к

А тот обманывал и был таков.

Н а р о д

Что ты сказал?

К о л б а с н и к

Да, видит Зевс. И тотчас уши зонтиком
Ты расправлял, а после снова складывал.

Н а р о д

Каким же был глупцом я, стариком каким!

К о л б а с н и к

1350 Ей-богу, да! Когда б из двух ораторов
Один триер постройки новых требовал,
Другой казну на плату расточить хотел,
Так верх бы одержал он над триерами.
Да что с тобой, что голову к земле склонил?

Н а р о д

Ах, прегрешений мне прошедших совестно!

К о л б а с н и к

Твоей вины и нет тут, не печалься, друг!
Повинны те, кто лгал и соблазнял тебя.
1360 Скажи ж теперь: когда пиसेц негоднейший
Грозить начнет: «Не будет, судьи, хлеба вам,
Коль обвиненьем дела не закончите!» —
С таким, скажи, что сделаешь оратором?

Н а р о д

Подняв на воздух, брошу со скалы его,
На шею подвязав ему Гипербола.

К о л б а с н и к

Вот это славно сказано и правильно.
А вообще, скажи, как станешь править ты?

Н а р о д

Сперва гребцам отдам я содержание
На кораблях военных,— все сполна отдам.

К о л б а с н и к

Задов потешишь много ты мозолистых.

Н а р о д

1370 Теперь гоплита, в списки занесенного,
Никто но дружбе не сумеет выручить.
Нет, где записан, там и остается пусть.

К о л б а с н и к

А, зачесалось под щитом Клеонима.

Н а р о д

Пускай молчат в Собрание безбородые!

К о л б а с н и к

А где ж Клисфену речь держать и Стратону?

Н а р о д

Я говорю о мальчиках покрашенных,
Что так себе стрекочут, сидя рядышком:
«Феак велик, он спас себя умением,
Искусен, смел в суждениях силлогических,
Отличен риторически, типически,
1380 Критически остер и полемически».

К о л б а с н и к

Ты малому насыплешь *позадически*?

Н а р о д

Нет, в поле погоню его охотиться,
Чтобы и думать позабыл о прениях.

К о л б а с н и к

Прими ж за это от меня скамеечку.

Входит мальчик со скамеечкой.

И мальчика, чтоб за тобой носил ее.
А пожелай, так встанет сам скамеечкой.

Н а р о д

Счастливец я, бывшее возвращается.

К о л б а с н и к

Что скажешь ты, как мир я поднесу тебе
На тридцать лет? Эй, нимфы мира, выгляньте!

Выбегают танцовщицы, нимфы мира.

Н а р о д

1390 О Зевс святой и чтимый, вот красавицы!
А можно мне их поприжать, скажи, дружок?
И где ты взял их только?

К о л б а с н и к

Пафлагонец, знай,
Скрывал их в доме, чтоб тебе не видеть их.
Так от меня прими их и ступай теперь
В поля и села с ними.

Н а р о д

Пафлагонца как
Накажешь ты за все, что он проделывал?

К о л б а с н и к

Да пустяки, мое пусть ремесло возьмет,
И у ворот пусть торг ведет колбасами,
Мешая власть ослитину с собачиной,
1400 Напившись пьяным, с девками ругается
И воду из-под бань хлебает мыльную!

Н а р о д

Придуманно прекрасно! Заслужил подлец
Меж банщиков и девок руготню вести.
Тебя же я за это в Пританей зову
На место, где негодник до сих пор сидел.
Иди ж, наряд одев зеленый, праздничный!

Колбасника наряжают в праздничный зеленый хитон.

Того ж пусть тащат на работу новую,
Союзникам, гостям на посмеяние.

Актеры и хор покидают оркестру.

ОБЛАКА

О Б Л А К А

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Стрепсиад — старик.

Фидиппид — сын его.

Ксанфий — слуга.

Сократ — мудрец.

Ученики Сократа.

Правда } спорщики.

Кривда }

Пасий } заимодавцы Стрепсиада.

Аминий }

Хор из двадцати четырех женщин — облаков.

На сцене два дома: один — Стрепсиада, другой — Сократа.

ПРОЛОГ

Стрепснад дремлет на крыльце. Ворочается. Встает.

Стрепснад

Ай, ай, ай, ай!
Владыка Зевс, какая ночь ужасная!
Конец ей нет! Когда же рассветет заря?
Давно уже слышал я, как петух пропел.
Храпят рабы. Ах, прежде было иначе!
Война, чтоб ты пропала! Много зла в тебе!
Из-за тебя и слуг не смеем высечь мы.
(Указывая на сына, спящего рядом.)
А этот вот молодчик, ладно скроенный,
Всю ночь без передышки спит, без просыпа,
10 Свистит, трещит, в двенадцать шуб закутавшись.
Ну, что ж, и я закутаюсь, и я вздремну.
(Ворочается.)
Беда мне: не могу уснуть! Грызут меня
Корма, овсы, расходы и долги мои.
Всему виною — сын мой. Закрутив вихор,

В седле гарцует, правит он четверкою,
Во сне конями бредит. Я же мру живьем,
Считая, как подходят сроки месяцев
И долг растет.

(К слуге.)

Эй, мальчик, огонек подай!

И книгу принеси мне! Перечесть хочу,
20 Кому и сколько должен, сосчитать лихву.

Слуга приносит светильню и книгу. Держит светильню над господином.

Кому ж я должен?

(Читает.)

«Пасии двенадцать мин».

Как, мин двенадцать? Пасии? За что это?

«За жеребца гнедого». Горе, горе мне!

Пусть сам бы *сгнил* я! Глаз бы вышиб *жеребьем!*

Ф и д и п п и д

(бормочет во сне)

Плутуешь, Филон! Не вилай! Прямей держи!

С т р е п с и а д

Вот, вот оно, несчастье! Вот в чем зло мое!

Сын и во сне мечтает о ристаниях.

Ф и д и п п и д

(так же)

На сколько едешь ты кругов на празднике?

С т р е п с и а д

Отца вконец *заездил!* Ощипал кругом!

30 Кому ж еще я должен, кроме Пасии?

«Три мины, за хомут и хлыст, Аминии».

Ф и д и п п и д

(во сне)

Проезди и в конюшню пригони коня!

Стрепсиад

Меня из дому скоро вовсе выгонишь!
И тяжбу проиграю, и лихва меня
Сживет со света.

Фидиппид
(просыпается)

Эй, родитель, что с тобой?
Чего ворчишь? Ворочаешься до утра?

Стрепсиад

Грызет меня из-под перины староста.

Фидиппид

Старик, оставь причуды, не мешай мне спать!

Стрепсиад

40 Спи, если хочешь! Только знай: долги мои
Когда-нибудь падут тебе на голову.
Ох, ох!
Пускай бы удавилась сваха подлая,
На матери твоей меня женившая.
Чудесной, тихой жил я жизнью сельскою,
В уюте, и в достатке, и в спокойствии
Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.
Тут в жены взял племянницу Мегаклову,
Родию Кисиры, важную, падую.
50 Женился, спать пошел с ней, от меня землей
Воияло, сеном, стойлом и достатками.
От барышни — помадой, поцелуями,
И Афродитой пахло, и расходами.
Но не была лентяйкой, ткала в две руки.
Свой рваный плащ тогда я ей показывал
И говорил: «Супруга, слишком тонко ткешь!»

Слуга

Нет масла в ночнике у нас ни капельки.

Стрепсиад

Проклятье, твой ночник — негодный пьяница!
Ступай и лопни!

С л у г а

Для чего же лопаться?

Стрепсиад

Фитиль купил ты толстый и прожорливый.
(Сам с собой.)

60 Позднее сын вот этот родился у нас,
Ох, у меня и у любезной женушки.
Тут начались раздоры из-за имени.
Жене хотелось конно-ипподромное
Придумать имя: Каллипид, Харипп, Ксантипп.
Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
Так спорили мы долго; согласясь потом,
Совместно Фидиппидом сына назвали.
Ласкала мать мальчишку и баюкала:
70 «Вот вырастешь, и на четверке, в пурпуре,
Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька».
Я ж говорил: «Вот вырастешь, и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев».
Но слов моих сыночек не послушался,
В мой дом занес он лихорадку конскую.
Всю ночь я нынче думал, не смыкая глаз.
Одно придумал средство, но надежное.
Когда сынка уговорю, спасемся мы.
Но прежде разбудить его мне надобно.
Как разбудить поласковой, подумаю.
Мой Фидиппид, сыночек, Фидиппид!

80 Фидиппид

Чего?

Стрепсиад

Дай руку мне и поцелуй родителя!

Фидиппид

Ну вот! А что?

Стрепсиад

Скажи, меня ты любишь? Да?

Ф и д и п п и д

Да, Посейдоном-Конником клянусь тебе!

С т р е п с и а д

Ой, ой, ой, ой! Нет, нет, не надо Конника!
Всем огорченьям нашим этот бог виной.
Когда меня от сердца любишь, искренне,
Послушайся, мой мальчик!

Ф и д и п п и д

В чем же слушаться?

С т р е п с и а д

Переменись, привычки позабудь свои!
И поучись, сходи, куда скажу тебе!

Ф и д и п п и д

Чего ж ты хочешь?

С т р е п с и а д

А исполнишь?

Ф и д и п п и д

90

Выполню!

Мне Дионис свидетель!

С т р е п с и а д

Погляди сюда!

Калиточку ты видишь, домик маленький?

Ф и д и п п и д

Конечно, вижу, но, отец, зачем он нам?

С т р е п с и а д

Мыслильня это для умов возвышенных.
Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо — это просто печь железная,
А люди в этой печке — словно уголья.
Того, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правую.

Ф и д и п п и д

Но кто ж они?

С т р е п с и а д

100

Не знаю точно имени,—
Мудрило-заводилы благородные.

Ф и д и п п и д

А, знаю, негодяи бледнорожие,
Бахвалы, плуты, нечисть босоногая,
Дурак Сократ и Херефонт помешанный.

С т р е п с и а д

Цыц, цыц, молчи, не говори бессмыслицы!
Когда тебя заботит дом родительский,
Послушайся, от конной откажись езды!

Ф и д и п п и д

Мне Дионис свидетель, нет! Хотя бы ты
Фазанов подарил мне леагоровых!

С т р е п с и а д

110

Прошу тебя! Мой миленький, любименький,
Ступай и поучись!

Ф и д и п п и д

Чему ж учиться мне?

С т р е п с и а д

Рассказывают, там, у этих умников,
Две речи есть. Кривая речь и правая.
С кривою этой речью всяк, всегда, везде
Одержит верх, хотя бы был кругом неправ.
Так, если ты кривым речам научишься,
Из всех долгов, которым ты один виной,
Не заплачу я и полушки ломаной.

Ф и д и п п и д

Нет, не согласен! Как же показаться мне
Пред всадниками выцветшим и высохшим?

Стрепсиад

120 Клянусь Деметрой, знай же: ничего теперь
Не дам тебе, ни жеребцам, ни меринам!
К чертям, к воронам, вон из дома выгоню!

Фидиппид

Что ж, не потерпит дядя мой Мегакл, чтоб я
Без лошадей остался! Я к нему пойду.
(Уходит.)

Стрепсиад

Что ж, кто упал, тому подняться надобно.
Отправлюсь сам в мыслильню, помолясь богам,
И сам начну учиться. Горе, горе мне!
Как голове тупой, седой, забывчивой
130 В лапше словес тончайших разобраться, ох!
(Переходит к соседнему дому.)
Но все ж пойду! Чего мне копошиться здесь
И в дверь не постучаться? Эй, привратник, эй!
(Стучит.)

Выходит Ученик.

Ученик

Пошел к воронам! Кто здесь в двери ломится?

Стрепсиад

Я, из Кикинны Стрепсиад, сын Фидона.

Ученик

Невежда, Зевс свидетель! Несознательно
Стучишься в дверь и выкидышем пагубным
Рождаемому угрожаешь замыслу!

Стрепсиад

140 Прости меня! Я — темный, из деревни я.
Так объясни, какой же это выкидыш?

Ученик

Ученикам лишь слушать дозволяется.

Стрепсиад

Не бойся, друг любезный, я пришел сюда
Как ученик. В мыслильню поступаю я.

Ученик

Так слушай и считай за тайну страшную!
Недавно Херефонта спросил Сократ:
На сколько ног блошинных блохи прыгают?
Пред тем блоха куснула Херефонта в бровь
И ускользнула на главу Сократову.

Стрепсиад

И как же сосчитал он?

Ученик

Преискуснейше!
Воск растопивши, взял блоху и ножками
150 В топленный воск легонько окунул блоху.
Воск остудивши, получил блошинные
Сапожки, ими расстоянье вымерил.

Стрепсиад

Великий Зевс! Не ум, а бритва острая!

Ученик

Что ж скажешь ты о новом изобретенье
Сократа?

Стрепсиад

О каком, скажи, прошу тебя?

Ученик

Мудрец сфетийский Херефонт спросил его,
Как мыслит он о комарином пении:
Трубит комар гортанью или задницей?

Стрепсиад

И что ж сказал о комарах почтеннейший?

Ученик

160 Сказал он, что утроба комариная
Узка. Через эту узость воздух сдавленный
Стремится с силой к заднему отверстию.
Войдя за узким ходом в расширение,
Из задницы он вылетает с присвистом.

Стрепсиад

Тромбоном оказался комариный зад!
Мудрец кишечный, дважды, трижды счастлив ты!
Избавиться от тяжбы — дело плевое
Для вас, разъявших чрево комариное!

Ученик

На той неделе истина великая
Погибла из-за ящерицы.

Стрепсиад

170 Как же так?

Ученик

В полночный час, исследуя движение
И бег луны, стоял он, рот разинувши.
Тут с крыши в рот ему наклала ящерка.

Стрепсиад

Смешно, Сократу в рот наклала ящерка!

Ученик

Вчера ж у нас еды на ужин не было.

Стрепсиад

Ну! ну! И пропитанье как промыслил он?

Ученик

Зашел в палестру, стол слегка золой покрыл,
Взял в руки вертел, циркулем согнул его
И осторожно... из палестры плащ стянул.

Стрепсиад

180 К чему ж еще Фалета прославляем мы!
Открой, открой скорее мне в мыслильню дверь,
Сократа видеть я хочу великого!
К нему иду в науку. Дверь открой скорей!

Дверь открывается, показываются ученики.

Геракл великий, это что за чудища?

Ученик

Чему дивишься. За кого ты принял их?

Стрепсиад

За спартиатов тощих, взятых в Пилосе.
Но в землю почему они уставились?

Ученик

Разыскивают то, что под землей.

Стрепсиад

Ага,

190 Чеснок! Не надо, не трудитесь, милые,
Я знаю место, там растет отличнейший.
А те, что в кучу сучились, чем заняты?

Ученик

Они глубины Тартара исследуют.

Стрепсиад

Зачем же в небо этот поднял задницу?

Ученик

Считает звезды собственными средствами!
(К мыслителям.)

Идите в дом, чтоб здесь он не застигнул вас.

Стрепсиад

Нет, нет, не надо! Пусть они останутся!
Поговорю я с ними о делах моих.

Ученик

Никак нельзя! Им строго запрещается
Дышать так долго чистым, свежим воздухом.

Стрепсиад

(оглядывается, рассматривает диковинные предметы в мыслительне)

200 Богами заклинаю, это что ж, скажи?

Ученик

Вот это — астрономия!

Стрепсиад

(с тою же игрой)

А это, здесь?

Ученик

А это — геометрия.

Стрепсиад

К чему она?

Ученик

Чтоб мерить землю.

Стрепсиад

Понял я. Надельную?

Ученик

Ничуть, всю землю.

Стрепсиад

Очень хорошо, дружок!

Народная наука и полезная.

Ученик

А здесь — изображение всей вселенной. Вот
Афины. Видишь?

Стрепсиад

Пустяки, не верю я:

Присяжных здесь не видно заседателей.

Ученик

А дальше, будь уверен, это — Аттика.

Стрепсиад

210 Кикинна где ж, село мое родимое?

Ученик

Там, позади. А вот — Эвбея, видишь ты,
Как вытянулась узкая и длинная.

Стрепсиад

Да, растянули мы с Периклом бедную.
Но где же Лакедэмон?

Ученик

Где он? Вот он где!

Стрепсиад

Бок о бок с нами? Позаботьтесь, милые,
От наших мест убрать его подалье.

Ученик

Никак нельзя!

Стрепсиад

Час не ровён, поплатитесь!

(Замечает в вышине Сократа.)

А это кто же в гамаке качается?

Ученик

Он сам.

Стрепсиад

Что значит «сам»?

Ученик

Сократ.

Стрепсиад

Привет, Сократ!

220 Послушай, друг, погромче покричи ему.

Ученик

Нет, сам кричи, а у меня нет времени.

Стрепсиад
(кричит)

Сократ!

Сократушка!

Сократ

Чего ты хочешь, праха сын?

Стрепсиад

Скажи сначала, чем ты занимаешься?

Сократ

Паря в пространствах, мыслью о судьбе светил.

Стрепсиад

В гамак забравшись, о богах гадаешь ты.
Но почему ж не на земле?

Сократ

(важно и торжественно)

Бессильна мысль

Проникнуть в тайны мира запредельного,
В пространствах не повиснув и не будучи
Соединенной с однородным воздухом.
Нет, обретаясь в прахе, взоры ввысь вперив,
Я ничего б не узрел. Сила земная
Притягивает влагу размышления.
Не то же ли случается с капустою?

Стрепсиад

Ай, ай,
В капусту влагу тянет размышление!
Сойди же наземь, милый мой Сократ, сойди,
Тому, зачем пришел я, обучи меня!

Сократ

Зачем же ты явился?

Стрепсиад

Красноречию
240 Хочу я обучиться. Жмут долги меня.
Худею, чахну, сохну, изведусь вконец.

Сократ

Но как в долги попал ты так нечаянно?

Стрепсиад

Болезнь меня заела, язва конская,
Прошу тебя, той речи научи меня,
С которою долгов не платят. Я ж тебя,
Клянусь богами, награжу сторицею.

Сократ

Каких богов ты разумеешь? Боги здесь
Особого чекана.

Стрепсиад

Чем же клясться вам?
Железными грошами, как в Византии?

Сократ

250 Желал бы ты природу божества узнать
На деле?

Стрепсиад

Зевс свидетель, если есть он, Зевс!

Сократ

Вступить в беседу с облаками хочешь ты,
Которых почитаем за богов?

Стрепсиад

Ну да.

Сократ

На эти козлы сядь тогда священные.

Стрепсиад
(садится)

Вот видишь, сел.

Сократ

Прими теперь из рук моих

Венок.

Стрепсиад

Зачем венок мне? Ой, боюсь, Сократ!
Как Афананта, вы меня зарежете!

Сократ

Нимало. То же с каждым посвящаемым
Мы делаем.

Стрепсиад

А что я получу за то?

Сократ

260 В речах мучнистым станешь, тертым, крупчатым.
Так смиренно стой!
(Обсыпает его мукой.)

Стрепсиад

И правда, Зевс свидетель мне,
Обсыпанный, я стану тертым, крупчатым.

Сократ

Не кричи, замолчи, покорись, старичок, и внимай
терпеливо молитве.

(Молится.)

Господин и владыка, о Воздух святой, обступивший,
объемлющий Землю,
О сверкающий, ясный Эфир, Облака громоносные,
матери молний!
Поднимитесь, взлетите, царицы, свой лик мудролюбцу
седому явите!

Стрепсиад

Погоди, не спеши, дай закутаться мне, а не то до
костей я промокну.
Ах, глупец, ах, несчастный! Сегодня как раз без
накидки я из дому вышел!
(*Закутывается.*)

Сократ

Облака многотимые! Слушайте зов, где б вы ни
были, ныне явитесь!
На Олимпе ль, на снежной, священной горе залегли
вы семьею лучистой,
270 Или с нимфами в быстрый сплелись хоровод в темных
кущах Отца-Океана,
Или в Нильских далеких верховьях дожди в золотые
черпаете ведра,
Залетели ли в топь меотийских болот иль на льдистые
гребни Миманта,
Нас услышьте и жертву примите от нас и порадитесь
нашей молитве.

П А Р О Д

Издали доносится пение Облаков.

Первое полухорие

Строфа

Вечные Облака!
Встаньте, явитесь, росистые, мгlistые, в легких
одеждах!
Бездны Отца-Океана гудящие
Кинем, на горные выси подыдемся,
280 Лесом покрытые,
С вышек дозорных на сторону дальнюю
Взглянем на пашни, на пышные пажити!
Взглянем на реки, бурливо-журчащие,
Взглянем на море, седое, гремящее!
Око эфирное неутомимо сверкает.
Даль в ослепительном блеске.
Двинемся ж, сбросим туманы волнистые

290 С тел непорочных и взглядом всевидящим
Землю святую окинем!

Сократ

О священные жены, богини мои, Облака, вы молению
вняли!

(Стрепсиаду.)

Ты ведь слышал их песни и пенью вослед грохотанье
тяжелое грома?

Стрепсиад

Да, слышал и молюсь вам, мои госпожи, и хотел бы
на гром ваш ответить
Грохотаньем из брюха: так сильно дрожу, так
жестоко я вас испугался!
Вот уже, вот оно, пусть прилично, пусть нет, не могу
удержать! Осрамился!

Сократ

Эти шуточки брось и не смей подражать паяцам —
гаерам балаганным!
Благочестья исполнись! Божественный рой
продолжает священную песню.

Второе полухорие

Антистрофа

Девы, несущие дождь!

300

Город Кекропа богатый, блистательный, землю
Паллады,

Родину храбрых хотим мы приветствовать.

Там — несказанные таинства правятся,

Там открываются

Пред посвященными двери святилища.

В честь небодержцев-богов приношения

Там возвышаются, храмы с кумирами.

Шествия движутся там богомольные.

Жертвы приносятся пышные, в зиму и

лето —

310

Праздники, игры и пляски.

Вот наступила весна, и в честь Бромия

Песни несутся, хоры состязаются,

Флейты призывно рокочут.

Стрепсиад

Объясни мне, Сократ, заклинаю тебя, это кто же поет так
прекрасно,
Так торжественно, чинно и важно? Скажи, иль слетелись сюда
героини?

Сократ

Да ничуть! Это — дети небес, Облака, а для нас, для
мыслителей — боги
Величайшие, разум дающие нам, мысли острые, силу сужденья,
Красноречия жар, убеждения дар, говорливость и в речи
споровку.

Стрепсиад

Понимаю. Так вот почему, услышав их напевы, душой я
воспрянул
320 И к сплетениям слов потянуло меня и к суждениям о дыме
летучем,
Захотелось на слово ответить тремя и мыслишкою в споре
ужалить!
Если можно, прошу, дай воочию мне, дай вблизи величавых
увидеть!

Сократ

Погляди же сюда, на Парнет! Началось! Вижу, вижу, спокойно
и плавно
К вам нисходят они.

Стрепсиад

Где же, где? Покажи!

Сократ

Вот подходят густыми рядами
По расщелинам горным, по склонам лесным. Прямоком.

Стрепсиад

Удивительно, право!

Ничего я не вижу!

Сократ

У входа они.

Стрепсиад

Вот теперь различаю немножко.

Сократ

Хоть теперь-то ты видишь их, глупый старик, иль ты слеп, или
бѣльма на веках?

Стрепсиад

Вижу, вижу! Почтенные! Зевс мне судья! Вся площадка полна
облаками.

Сократ

Что ж, а раньше не знал ты, что боги они? Как богов их не
чтил и не славил?

Стрепсиад

330 Видит Зевс, и не думал. Считал их росой и туманом и
слякотью мокрой.

Сократ

Видит Зевс, ошибался ты. Знай же теперь: это вот кто питает
ученых,
И врачей, и гадалелей, франтов в кудрях, с перстеньками на
крашенных пальцах,
Голосистых искусников в круглых хорах, описателей высей
надзвездных,
Вот кто кормит бездельников праздных, а те прославляют их
в песнях надутых.

Стрепсиад

Вот зачем воспевают они облака, буревые, несущие грозы,
«Стоголового смерча летучую прядь», «завывание вихрей
ревущих»,
И еще «кривокогтых кочующих птиц заблудившиеся
караваны»,
И еще «облаков волокнистых росу», а за это питаются сами
Камбалою копченой, «прозрачной, как сон», и жарким «из
дроздов сладкогласных».

Сократ

Незаслуженно разве?

Стрепсиад

Скажи мне теперь, умоляю тебя, если
вправду
Облака — эти твари, зачем же тогда на земных они женщин
похожи?
Ведь иначе совсем они выглядят.

Сократ

Как? Расскажи мне, как выглядят тучи.

Стрепсиад

Хорошенько сказать не могу. Например, как летящие шерсти
волокна.
Но совсем не как женщины, Зевс мне судья! А у этих носы,
и большие.

Сократ

А теперь на вопросы мои отвечай!

Стрепсиад

Говори! Что угодно отвечу.

Сократ

Никогда ты не видел, скажи, в небесах облаков, на кентавра
похожих,
На быка, на пантеру, на волка?

Стрепсиад

Видал, Зевс свидетель! Видал! Ну так что же?

Сократ

Как хотят, обернуться умеют они. Завитого увидят красавца,
Вот из этих кудрявых, распутных гуляк, из породы козла-
Ксенофанта,

350 И тотчас, издеваясь над бешенством их, превратятся
в блудливых кентавров.

Стрепсиад

Если ж Симон, грабитель народной казны, попадется им, чем
они станут?

Сократ

Подражая разбойной природе его, уподобятся хищному волку.

Стрепсиад

Понимаю. Недавно толстяк Клеоним повстречался им, щит
потерявший,
Увидали трусишку они и тотчас обратились в пугливых оленей.

Сократ

А теперь повстречали Клисфена они и на женщин похожими
стали.

Хор — женщины-Облака — входит на оркестру.

Стрепсиад
(к Облакам)

Ну так здравствуйте, слава вам, грозные! Речь обратите ко мне
благосклонно!
Если голос ваш прежде слышал кто-нибудь, пусть его я услышу,
богини!

Предводительница Облаков

Наш привет тебе, старец с седой головой, за наукой и правдой
пришедший!

(Сократу.)

Ты ж, священнослужитель речей плутовских, объясни нам,
чего ты желаешь.
360 Никого так охотно не слушаем мы из искусников, ныне
живущих.

Одного разве Продика: мудрость его нас пленяет и гордые
мысли.

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь направо,
налево,
Ходишь чванно и важно, в лохмотьях, дрожа, вскинув голову,
нас обожая.

Стрепсиад

О Земля, что за голос! Торжественно как он звучит!
Объявилось нам чудо!

Сократ

Так пойми же: богини они лишь одни, остальное — нелепые
бредни!

Стрепсиад

Ну а Зевс? Объясни, заклинаю Землей, нам не бог разве Зевс
Олимпийский?

Сократ

Что за Зевс? Перестань городить пустяки! Зевса нет!

Стрепсиад

Вот так так! Объясни мне,
Кто же дождь посылает нам? Это сперва расскажи мне
подробно и ясно.

Сократ

(показывая на Облака)

Вот они. Кто ж еще? Целый ворох тебе приведу я сейчас
доказательств.
Что, видал ты хоть раз, чтоб без помощи туч Зевс устранивал
дождь? Отвечай мне!

370 А ведь мог бы он, кажется, хлынуть дождем из безоблачной,
ясной лазури.

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, отличная речь! Ты меня убедил.
Соглашаюсь.
А ведь раньше, и верно, я думал, что Зевс сквозь небесное
мочится сито.
Но теперь объясни мне, кто ж делает гром? Я всегда замираю
от грома.

Сократ

Вот они громяют, вращаясь.

Стрепсиад

Но как? Объясни мне, скажи мне, кудесник!

Сократ

До краев, до отказа наполнясь водой и от тяжести книзу
провиснув
И набухнув дождем, друг на друга они набегают и давят друг
друга.
И взрываются с треском, как бычий пузырь, и гремят
перекатами грома.

Стрепсиад

Кто ж навстречу друг другу их гонит, скажи? Ну не Зевс ли,
колеблющий тучи?

Сократ

Да нимало, не Зевс. Это — Вихрь.

Стрепсиад

380 Ну и ну! Значит, Вихрь! И не знал я, деревня,
Что в отставке уж Зевс и на месте его нынче Вихрь управляет
вселенной.
Только все ж ничего ты еще не сказал о грозе и громах
грохотанье.

Сократ

Ты ведь слышал. Набухнув водой дождевой, облака друг на
друга стремятся,
И, как сказано, лопнув, как полный пузырь, громяхают и
гулко грохочут.

Стрепсиад

Как поверить тебе?

Сократ

Объясню тебе все на примере тебя самого же.
До отвала наевшись рубцов отварных на гулянии
панафинейском,
Ты не чувствовал шума и гуда в кишках и бурчания
в стесненном желудке?

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, ужасный отвар! Все внутри
баламутится сразу
И гудит, словно гром, и ужасно урчит, и шумит, и свистит,
и клокочет.
Для начала легонько, вот этак: бурр-бурр, а потом уж
погромче: бурр-бурр-бурр.
390 Тут нельзя удержаться, до ветра бегу, а в утробе как гром:
бурр-бурр-бурр-бурр.

Сократ

Ну, прикинь: если столько грозы и громов в животишке твоём,
так подумай,
Как чудовищно воздух безмерно большой и бурчит, и гремит,
и грохочет.

Стрепсиад

Все понятно теперь; так от ветра, от туч говорят у нас: ходим
до ветра.
Ну, а молнии ярко горящий огонь, объясни мне, откуда
берется?
Попадет и живого до смерти спалит или кожу, одежду обуглит.
Ну, не ясно ль, что молнии мечет в нас Зевс в наказание за
живые клятвы.

Сократ

Об одном бы подумал, глупец, стародум, стародедовским
верящий басням!
Если мстит за присягу подложную Зевс, почему ж не сожжен
еще Симон?
Почему не сожжен Клеоним и Феор? Ведь они ж — из
лгунишек лгунишки!
Почему он сжигает свой собственный храм, и предгорье
афинское — Суний,
И вершины высоких дубов? Для чего? Ведь лгунов средь
дубов не бывает.

Стрепсиад

Что ответить, не знаю. Пожалуй, ты прав. Расскажи же, в чем
молнии тайна!

Сократ

Если воздух горячий, поднявшись с земли, залетает
к заоблачным высям,
Изнутри он вздувает огромный пузырь, а затем, под давлением
силы,
Разорвавши пузырь, клокоча и свистя, вылетает и в тренье
сгорает,
От полета, от стрепета в пламенный столб обращаясь и в пыль
разрушаясь.

Стрепсиад

Зевс свидетель мне, то же случилось со мной на Диасиях
нынешних. Помню,
Колбасу кровяную я жарить взялся для родных, да забыл ее
взрезать.
Тут надулась она, стала круглой, как шар, и внезапно возьми
да и лопни!
410 Все глаза залепила начинкою мне и сожгла, словно молнией,
щеки.

Сократ

(торжественно поднимается)

Человек! Пожелал ты достигнуть у нас озарения мудрости
вышей.
О, как счастлив, как славен ты станешь тогда среди эллинов
всех и афинян,
Если тщателен будешь, прилежен в труде, если есть в тебе
сила терпенья,
И, не зная усталости, зная в себя ты вбирать будешь, стоя
и лежа,
Холодая, не будешь стонать и дрожать, голодая, еды не
попросишь,
От пирушек уйдешь, от гимнасий сбежишь, не пойдешь по
пути безрассудства;
И за высшее счастье одно будешь чтить, как и следует людям
разумным:
Силой речи своей побеждать на судах, на собраниях, в советах
и в спорах.

Стрепсиад

420 Что терпенья касается, твердой души и бессонных раздумий
в постели,
Воздержанья во всем, в животе пустоты, на воде и на хлебе
сиденья,—
Будь уверен во мне! Чтоб до цели дойти, на себя дам ковать
я подковы.

Сократ

И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами мы
славим?
Безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык — вот священная
тройца!

Стрепсиад

И словечка другим я теперь не скажу, не признаю, на улице
встретив.
Им молиться не буду, вина не пролью, фимиама ни крошки не
кину.

Предводительница Облаков

Говори же скорее, что надо от нас! Не робей, не получит
отказа
Тот, кто нас почитает и молится нам и мыслителем сделаться
хочет.

Стрепсиад

О почтенные женщины! Надо от вас мне немного, чуточку,
крошку!
Стадий на десять всех, кто в Элладе живет, превзойти я хочу
в разговоре.

430

Предводительница Облаков

Мы исполнить согласны желанье твое. С этих пор на собраниях
народных
Чаще всех ты сумеешь решенья свои проводить, побеждая
речами.

Стрепсиад

Я решений больших проводить не хочу, и совсем мне не этого
надо.
Я закон обернуть вокруг пальца хочу, обмануть одолживших
мне деньги.

Предводительница Облаков

Исполненья дождешься стремлений своих. Старичок, ты
немногого просишь.
Передай же себя, ничего не страшась, нашим верным,
испытанным слугам.

Стрепсиад

Так и сделаю. Вам доверяюсь во всем. Не охота, нужда меня
гонит;
Жеребцы вороные, кобылы с клеймом и женитьба меня
разорили.

Как хотите, со мной поступайте теперь.

Я согласен на все.

440 Вам вверю я тело и душу свою.
Колотите, дерите, держите без сна,
Рвите заживо, трите, морите меня!
Мне бы только словчить и долгов не платить.
А потом пусть народ называет меня
Негодяем, нахалом, шутком, наглецом,
Шарлатаном, буяном, судейским крючком,
Надувалой, громилой, бузилой, шпиком,
Срамником, скопидомом, сутягой, лгуном,
Забиякой, задирой, бахвалом, клещом,
450 Подлипалой, прожженным, паршой, подлецом,
Приживалом, плутом!
Пусть прохожие так окликают меня,
Как хотят, так пускай и поносят меня,
Пусть меня, если надо, Деметрой клянусь,
Изотрут в колбасу
И на ужин дадут мудролюбцам!

Сократ

Что решил, решил он крепко,
Не робея, пламенея.
Твердо знай:
460 Нашу науку осилив, до неба прославлен
Меж людей ты будешь.

Стрепснад

Что ж делать мне?

Сократ

Со мной проводи свои дни!
Завиднейшей жизнью
Жить начнешь отныне.

Стрепснад

Будет успех?
Счастье, удачу увижу?

Сократ

Будут теперь тесниться у двери твоей
Пришельцев толпы,
470 Мудрость твою вопрошая, дружбы с тобой ожидая,
В путаных тяжбах своих, в делах опасных
Лишь от тебя добываясь помощь добыть и совет.

Предводительница Облаков

Так начни ж, как обычно: возьми старика в предварительное
обученье,
Испытай его разум, сноровку узнай, остроумие, память
изведай!

Сократ

Начнем же! Опиши мне самого себя,
Чтоб, нрав твой изучивши, мог надежнее
480 Уловками поближе приступить к тебе.

Стрепсиад

Ты на меня готовишь приступ! Зевс-отец!

Сократ

Ничуть! Порасспросить тебя мне хочется.
Ты памятлив, скажи?

Стрепсиад

С двойною памятью,
Когда должны мне, помню замечательно,
А должен я — разиня, забываю вмиг.

Сократ

Есть у тебя склонность к красноречию?

Стрепсиад

К двуречию скорей, чем к красноречию.

Сократ

Как станешь ты учиться?

Стрепсиад

Ничего, сойдет!

Сократ

400 **Теперь вопрос из области возвышенной
Тебе поставлю. На лету хватай его!**

Стрепсиад

Хватать? Как пса, ты хочешь натаскать меня!

Сократ

**Тяжелый случай! Глуп он и невежествен.
Боюсь, старик, понадобятся розги нам!
Чем на побои ты ответишь?**

Стрепсиад

**Дамся бить.
Немного жду, друзей зову в свидетели,
Еще немного — в суд тащу обидчика.**

Сократ

Снимай накидку!

Стрепсиад

Разве провинился я?

Сократ

Нет. Голыми заведено входить сюда.

Стрепсиад

Но я же не для обыска в твой дом иду.

Сократ

Снимай! Болтать довольно!

Стрепсиад

500 **Мне одно скажи:
Когда прилежен и усерден буду я,
Кому я уподоблюсь из учащихся?**

Сократ

На Херефонта будешь ты во всем похож.

Стрепсиад

Беда, беда мне! Полутрупом сделаюсь!

Сократ

Не смей болтать! За мной иди и слушайся!
Сюда скорее!

Стрепсиад

В руки мне вложи сперва
Медовую коврижку. Замираю я.
Мой бог! В пещеру я схожу Трофония.

Сократ

Входи, входи! Чего у двери ежишься?
Сократ и Стрепсиад входят в мыслильню.

ПАРАБАСА

Предводитель хора Облаков

510 Так иди же на радость! Есть воля в тебе
И отважная мысль.
Будет пускай удача с ним!
Он, не глядя на старость,
Не побоясь плечи своей, тяжелый груз новых наук
Вздумал вместить в череп седой,
Хочет постигнуть мудрость.
Зрители, хочу говорить с вами откровенно я,
Искренне. Свидетелем мне — мой кормилец Дионис!
520 Так же как к победе стремлюсь, к славе и к удаче я,
Так же вас считаю, друзья, за людей понятливых
И игру вот эту мою лучшей среди всех других.
Вам уж я однажды ее предложил. Трудней всего
Мне она досталась, и что ж? Пред толпою грубою
Незаслуженный потерпел я провал. Виной тому
Вы, толковые, знатоки! Ради вас старался я!

- Все ж предать я вас не хочу, люди с пониманием.
 Ведь и прежде много похвал, зрители разумные,
 «Добрый» мой и «ветренный брат» слышали из ваших уст.
 530 Был тогда как девушка я, не пристало мне рожать
 И пришлось подкинуть дитя, увидеть в чужих руках.
 Вы его вскормили тогда бережно и ласково.
 С этих пор надежда на вас выросла в груди моей.
 Как Электра, мчится сейчас к вам моя комедия,
 Ждет и ищет: зрителей тех нет ли здесь, понятливых?
 Вмиг узнает, — только б найти, — брата кудри милые.
 Как пристойны нравы ее, сами поглядите вы:
 Твердой кожи плотный кусок не подвешен спереди,
 Сверху — красный, толстый, большой, детям на
 посмешище.
- 540 Шуток здесь над лысыми нет, плясок нету кордака,
 Здесь старик, стихи бормоча, палкой собеседника
 Не колотит, чтоб прикрыть соль острот подмоченных.
 Не кричат здесь: «Горе, беда!», с факелом не бегают.
 Верит в силу песен своих и в себя комедия.
 Вот и я, хоть славен везде, длинных не рошу волос.
 За повинку выдав старье, надувать не стану вас.
 Только с новым вымыслом к вам прихожу я каждый год.
 Был когда-то грозен Клеон, я по брюху бил его.
 550 Но когда упал он ничком, я не тронул навшего.
 Эти ж, только раз сплеховать стоило Гиперболу,
 Затолкали насмерть плута, да в придачу мать его.
 Первым Евполид забежал, «Мариканта» вывел он,
 Подлый, подло он обокрал наших славных «Всадников»,
 Пьяную старуху приплел, вот и все, для кордака.
 А старуху Фриних давно на съедение рыбам дал.
 Тут к нему Гермипп подскочил, облевал Гипербола.
 Подбежали прочие все, чтоб лягнуть Гипербола.
 В мутных водах ловят они, словом говоря моим;
 Тот, кто любит шуточки их, на мои не смотрит пусть!
 560 Если ж я и речи мои вам теперь понравятся,
 Прослывете вы навсегда судьями разумными.

Первое полухорие

Ода В небе высоком грозного
 Зевса, богов властителя,

В хор наш зовем мы первым.
С ним и тебя, трезубца царь,
Бог — великан,
Синего моря и земли
Яростный колыбель!
Славного кличем родителя нашего,
570 Вечный Эфир, тебя, жизнь сохраняющий в мире!
С ним и тебя, пламенный бог,
В белых лучах мчащий коней
Над простором земли! Велик
Меж богов ты и смертных.

Предводитель первого полухория

Эпир-рема Рассудительные люди, нас послушайте теперь!
На тяжелую обиду мы пожалуемся вам.
Всех богов опережая, мы лелеем город ваш,
Вы ж из всех богов бессмертных нам не молитесь одним,
Сторожам своим надежным. Если сдуру вы поход
580 Затеваете, грохочем мы и посылаем дождь.
Помните, когда Клеона-скорняка, врага богов,
Вы избрали полководцем, грозно брови мы свели,
Нанугали вас, «из тучи с громом молнии неслись»,
И Селена путь привычный позабыла, свой фонарь
Спрятал Гелиос, исчезнув с небосклона и грозя,
Что светить не станет, если будет властвовать Клеон.
Все же вы его избрали: легкомыслие давно
В этом городе оседло; не впервые божествам
Вашу глушость и беспечность вам на пользу обращать.
А что это справедливо, мы докажем без труда.
590 Если вы Клеона-вора в лихоимстве, в грабеже
Обличите и в колодки закуете наглеца,
Все бывшее вам простится, позабудутся грехи,
Обернется все на благо, счастлив город будет вновь.

Второе полухорие

Актода Феб-господин, приди и ты,
Делоса царь, владыка круч
Высокогорных Кинфа!
Ты, что в Эфесе, в золотом
Доме живешь,

600 Горняя, с нами будь! Тебе
Девы лидийцев служат.
С нами будь, наша родная, владычица,
Горододержица, с грозной Эгидой, Афина,
Ты, что хранишь горный Парнас,
В блеске пляши смольных костров,
О Дионис, веселый бог,
Вождь вакханок дельфийских!

Предводитель второго полухория

*Антэпир-
рема*

610

620

К вам идти мы собирались, да Селена на пути
Повстречалась нам и вот что вам велела передать.
И Афинам, и друзьям их низкий шлет она поклон.
Сердится на вас богиня: вы обидели ее.
Хоть не на словах, на деле помогает вам она.
Мало ль драхм вам каждый месяц сберегает лунный свет?
Из дому идя под вечер, говорите вы не зря:
«Факелов не покупай мне! Светит месяц в вышине».
И других услуг немало вам оказывает. Вы ж
Дней ее ничуть не чтите, повернули все вверх дном.
Боги злобно ей грозятся (жалуется нам она)
Всякий раз, когда вернутся, жертву прозевав, домой.
Счет они ведут привычный срокам праздников своих.
Вы же в дни для жертв и песен занимаетесь судом.
А случается, что в сроки наших божеских постов,
В день кончины Сарпедона, в Мемнона печальный день
Вы приносите нам жертвы и смеетесь. Вот за то
Гипербол, когда священным выбрали его послом,
Год назад, по воле божьей потерял венок. Теперь
Знать он будет, что по лунам надо году счет вести.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Выходит Сократ. За ним Стрепсиад.

Сократ

Клянусь Хаосом, Испареньем, Воздухом,
Глупца такого я еще не видывал,
Такого простофилю, никудышника.

630 Зубря несчастных рассуждений несколько,
Все позабыл он, не успевши вызубрить.
Сейчас сюда, за дверь его я вызову.
Эй, Стрепсиад, иди и выноси постель!

Стрепсиад
(показывается голый)

Ой, не могу! Клопы не отпускают. Ой!

Сократ

Неси скорей и будь прилежен.

Стрепсиад
(выходит)

Вот, принес.

Сократ

С чего же мы приступим к изучению
Тех тайн, которых раньше ты совсем не знал?
С размеров, с диалогов иль с ладов — скажи?

Стрепсиад

640 По мне, начнем с размеров. Вот недавно лишь
Надул меня торговец на две меры ржи.

Сократ

Не в этом дело: отвечай, какой размер,
Трехмерный иль четырехмерный, любишь ты.

Стрепсиад

Я — четверик. Четыре меры полные.

Сократ

Болтаешь вздор.

Стрепсиад

Уж в этом извини меня!
В четверике четыре меры. Кончено!

Сократ

Пошел к воронам, груб и не отесан ты!
Ладами мы займемся, их усвой сперва!

Стрепсиад

На хлеб насущный чем лады помогут мне?

Сократ

650 Ты ладным быть научишься в сношениях,
Лады сумеешь различать: военный лад,
И плясовой, и конный, и на пальчиках.

Стрепсиад

На пальчиках?

Сократ

Ну да.

Стрепсиад

Отлично знаю.

Сократ

Ну!

Стрепсиад

Вот — пальчик. Этот лад давно я выучил.
Забыл когда, еще мальчишкой маленьким.

Сократ

Мужик, невежда!

Стрепсиад

Бросим это, миленький!

Таким вещам учиться не хочу!

Сократ

Чему ж?

Стрепсиад

Скорее кривде, кривде научи меня!

Сократ

Сперва другому научиться должен ты.
Кто из животных мужеского пола? А?

Стрепсиад

660 Кто мужского? Знаю, не сошел с ума.
Козел, кобель, жеребчик, хряк, баран, фазан.

Сократ

Вот видишь, вздор несешь ты. Ведь и самочку,
Как и самца, фазаном называешь ты?

Стрепсиад

Да, Посейдон свидетель, как же иначе?

Сократ

Зови «фазыней». А самца — «фазелезнем».

Стрепсиад

«Фазыня»? Превосходно. Испареньями
Клянусь, за это лишь одно учение
Тебе мукой наполню я корзину.

Сократ

Стой!

670 Ты говоришь «корзина» — рода женского.
Не крепче ль по-мужски сказать: «корзан»?

Стрепсиад

Корзан?

Но почему ж «корзан»?

Сократ

Ну, как «фазан». А то,
Как «Клеоним».

Стрепсиад

Как Клеоним? При чем это?

Сократ

Фазан, корзан и Клеоним — все родственно.

Стрепсиад

Ну, нет, корзины мало для Клеонима.

В корыте, в бочке месит он жратву себе.
Но как же говорить теперь мне?

Сократ

Сказано.

Корзан — фазан. Корзина и фазыня. Вот!

Стрепсиад

Корзан — фазыня.

Сократ

Будет это правильно.

Стрепсиад

680 Корзина, Клеонима — рода женского.

Сократ

Теперь об именах закончим собственных.
Мужские имена пройдем и женские.

Стрепсиад

Да знаю я про женские.

Сократ

А ну, скажи.

Стрепсиад

Геро, Лизилла, Миррия, Деметрия.

Сократ

Теперь мужские назови мне.

Стрепсиад

Сотни их.

Ну, Филоксен, Милесия, Амния.

Сократ

Да это ж не мужские имена совсем.

Стрепсиад

Как не мужские? Вот ты как!

Сократ

Конечно, так.
Ну, как ты скажешь, чтоб пришел Аминия.

Стрепсиад

690 «Сюда, сюда», — я позову Аминию.

Сократ

Вот видишь, кличешь женщину — Аминию.

Стрепсиад

И верно: трус он, потому и женщина.
Тому, что всем известно, не учи меня.

Сократ

Так ляг сюда и растянись!

Стрепсиад

Зачем это?

Сократ

В природу погружайся самого себя.

Стрепсиад

Не здесь прошу, не на лежанке, миленький,
Уж на земле я лучше погружусь.

Сократ

Нет, нет!

Нельзя иначе!

Стрепсиад

Горе мне! Несчастный я!
Клопам сегодня заплачу я пошлину.

Сократ уходит в мысливню. Стрепсиад ложится.

Первое полухорие

Строфа Будь молодцом, будь остряком,

700 Вывернись весь наружу!

Грызи науку!

Когда же будет побеждать отчаяние,
Скачи отважно
К другим размышленьям; пусть глаз
твоих
Сон-утешитель бежит!

Стрепсиад
Ай, ай, ай, ай, ай, ай-ай-ай!

Предводительница Облаков
Чем болен, что мучит?

Стрепсиад
(катается, закутавшись в плащ)

710 Погиб, погиб я, бедный! Вот впились в меня
Из-под лежанки выползшие конники.
И бока раздирают, и гложут нутро,
И сосут мою душу, и пьют мою кровь,
И нежнейшие скрытые части грызут,
И по теплым потайным проходам ползут,
И живьем меня жрут.

Предводительница Облаков

Не вопи через меру, без меры не вой!

Стрепсиад

Как же быть? Как же жить?
Где именье — ау! Где здоровье — ау!
Где покой мой — ау! Где подметки —
ау!

720 В довершение всего, в заключение бед,
Погибаю без сна,
Скоро буду и сам я — аушки!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Сократ
(выходит из мыслильни)

Эй-эй, старик. Ты размышляешь?

Стрепсиад

Я? Ну да,

Свидетель Зевс!

Сократ

О чем же поразмыслил ты?

Стрепсиад

О том, спасу ли от клопов хоть что-нибудь.

Сократ

Чтоб ты пропал!

Стрепсиад

Голубчик, я уже пропал!

Сократ

Не унывай! Залезь в накидку по уши.

Прием измысли мне опровергающий

И опорочь улики.

Стрепсиад

(про себя)

Как измыслить мне

730 Из этих дыр порок опровергающий?

Пауза.

Сократ

Теперь посмотрим, что бедняга делает.

(Раскрывает плащ над Стрепсиадом.)

Эй, эй, ты спишь?

Стрепсиад

Свидетель Феб, не думаю.

Сократ

Ну, что, поймал?

Стрепсиад

Ах, нет еще!

Сократ

Как нет еще?

Стрепсиад

Поймал вот этот хвостик в руку правую!

Сократ

Закройся вновь, продолжи размышления!

Стрепсиад

О чем же размышлять мне, расскажи, Сократ?

Сократ

Чего желаешь, для начала сам скажи!

Стрепсиад

Чего хочу, ты слышал сотню тысяч раз.

740 Вся суть в долгах: платить долгов не хочется.

Сократ

Плащом закройся! Основную мысль найди,
Развей ее и расчлени по косточкам,
Определи и сопряги!

Стрепсиад

Несчастный я!

Сократ

Не шевелись. Когда же в рассуждениях
Заблудишься, оставь их, после вновь вернись,
Накинься, ухвати и осторожно взвесь!

Стрепсиад

Сократушка, голубчик!

Сократ

Что тебе, старик?

Стрепсиад

Нашел я мысль насчет долгов обманную!

Сократ
Развей ее!

Стрепсиад
Скажи, что, если...

Сократ
Если что?

Стрепсиад
750 Что, если я колдунью фессалиянку
Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,
И в круглом сундуке запрячу накрепко.
Как зеркало, и буду сторожить его?

Сократ
А польза в чем от этого?

Стрепсиад
А польза в чем?
Пока всходить не будет месяц на небо,
Лихвы, долгов не стану я платить.

Сократ
Да ну?

Стрепсиад
Ну да. По месяцам растет лихва моя.

Сократ
Отлично! Вот другое предложу тебе:
Когда предъявят иск к тебе в талантов пять,
Его ты как сумеешь устранить, скажи?

Стрепсиад
760 Не знаю как! Не знаю! Поищу, найду!
(Размышляет.)

Сократ
Сжимать чрезмерно разум ты не должен свой,
Направь свободно мысль свою по воздуху,
Как стрекозу, привязанную за ногу.

Стрепсиад

Нашел, нашел, как хитро уничтожить иск!
Меня ты сам похвалишь!

Сократ

Что ж придумал ты?

Стрепсиад

У лекарей такой видал ты камешек,
Красивый и прозрачный, добывают им
Огонь они.

Сократ

Ты говоришь о стеклышке?

Стрепсиад

770 Ну да! Что, если я добуду стеклышко
И, подождя, пока напишет иск писец,
В сторонке стану, солнечный поймаю луч
И растоплю в руках писца ходатайство?

Сократ

Харитами клянусь я, ловко!

Стрепсиад

Счастлив я,
Что в пять талантов уничтожил жалобу.

Сократ

Возьмись теперь проворней за другое!

Стрепсиад

Ну?

Сократ

Как от истца ты будешь защищать себя,
Ни права не имея, ни свидетелей?

Стрепсиад

Пустое, только плюнуть!

Сократ

Так скажи!

Стрепсиад

Скажу.

780 Когда до дела моего останется
Один лишь иск, пойду и удавлюсь.

Сократ

Дурак!

Стрепсиад

Клянусь богами всеми, так и сделаю!
К давленнику кто ж предъявит жалобу?

Сократ

Все вздор! Иди! Тебя учить не стану я.

Стрепсиад

За что ж? Сократ! Ради богов, прости меня!

Сократ

Что выучил, сейчас же забываешь ты.
Ну вот, скажи, что первым проходили мы?

Стрепсиад

Что первым? Ах, припомнить! Что же первым? Что?
Как звать ее, в чем хлеб пекут, ту самую...
Ой-ой! Ну как же звать ее?

Сократ

Пошел к чертям!

790 Глупейший старикашка и забывчивый!

Стрепсиад

Беда, беда мне! Что со мною станется?
Погиб я, не умею языком молоть!
Вы, Облака, богини, помогите мне!

Предводительница Облаков
Старик, тебе мы вот что посоветуем:

Когда толковый, взрослый у тебя есть сын,
Взамен себя пошли его в учение.

Стрепсиад

Есть у меня сыночек, ладно скроенный,
Да не желает он учиться. Горе мне!

Предводительница Облаков
И все ж ты терпишь?

Стрепсиад

Крепок и отважен он.

800 По матери из рода легкомысленных.
Пойду за ним, а если не послушает,
Так выгоню из дома обязательно.

(Сократу.)

Зайди в свой дом и подожди немножечко!
(Уходит.)

Второе полухорие

(Сократу)

Антистрофа Видишь теперь, сколько от нас блага тебе. Другие
Бессильны боги!

На все он согласен. Тебе во всем

Теперь послушен.

Свихнулся он, закружился он,

Разум теряет явственно.

810 Рви же его, крепче щипли, шкуру дери,

Не зевай! Спешите! В деле таком

Все изменяет случай.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Стрепсиад и Фидиппид выходят из дома.

Стрепсиад

Клянусь туманом, в доме не останешься!
Ступай! Столбы грызи Мегакла-дядюшки!

Фидиппид

Чудак! Отец! Каким шмелем ужален ты?
Ты не в себе. Свидетель — Олимпийский Зевс!

Стрепсиад

«Зевс Олимпийский»? Ой-ой-ой! Вот глупости!
Такой большой детина в бога верует!

Фидиппид

Чего же ты смеешься?

Стрепсиад

820

Над тобой смеюсь:
Младенчик ты, и веришь басням нянькиным.
Но подойди. Сейчас узнаешь важное;
Скажу тебе я что-то — сразу вырастешь.
Зато другим об этом ни гугу, ни-ни!

Фидиппид

Ну, говори! В чем дело?

Стрепсиад

Зевсом клялся ты?

Фидиппид

Да, клялся.

Стрепсиад

Видишь, как важно учение:
Нет никакого Зевса, мой сынок. Царит
Какой-то Вихрь. А Зевса он давно прогнал.

Фидиппид

Ай-ай! Вот вздор!

Стрепсиад

Поверь мне, это правильно.

Фидиппид

Да кто сказал?

Стрепсиад

830 И Херэфонт, прыжок блохи исчисливший.
Сократ, безбожник с Мелоса,

Фидиппид

Так далеко зашел ты в помешательстве,
Что веришь людям, бешеным от желчи?

Стрепсиад

Цыц!

Не смей бранить людей достойных, доблестных,
Умнейших. Из-за строгой бережливости
Никто из них не мажется, не бреется,
Не ходит в баню мыться. Ты ж добро мое
Собрался смылить, словно б я в гробу лежал.
Иди ж туда и за меня урок возьми!

Фидиппид

840 Чему ж там можно научиться доброму?

Стрепсиад

Ах, так! Всему, что называют мудростью.
Поймешь, как неучен, как неотесан ты!
Но погоди немного. Я тотчас вернусь.
(Входит в дом.)

Фидиппид

(один)

Что делать мне? Родитель мой с ума сошел.
Суду ли заявлю о слабоумии,
Гробовщику ль скажу, что уж готов старик?

Стрепсиад

(выходит из дома с птицами под мышкою)

Вот эту птицу как ты назовешь, скажи?

Фидиппид

Фазан.

Стрепсиад

Отлично. Ну, а эту птицу как?

Фидиппид

Фазан.

Стрепсиад

Смешно! Обоих одинаково?

850 Впредь говори иначе. Называй его
Фазаном. А ее зови фазынею.

Фидиппид

Фазынею? Так вот каким премудростям
У этих великанов обучался ты!

Стрепсиад

И многому другому. Но одна беда:
По дряхлости все забываю тотчас же.

Фидиппид

Вот почему и плащ свой там посеял ты?

Стрепсиад

Нет, не посеял — прогадал, промудрствовал.

Фидиппид

А туфли! Горемыка! Их куда ты дел?

Стрепсиад

860 Да как Перикл, «на надобности важные».
Идем, спешим, скорее! После прихотям
Дашь волю, а сейчас отца послушайся!
(Уговаривает.)

Младенцем был ты, лет шести, лепечущим,
А я тебя послушался. За первый грош
Купил тебе тележку на Диасиях.

Фидиппид

(уступая)

Пускай! Но после тяжело раскаешься!

Стрепсиад

Спасибо, что послушался.

(Стучит в дверь мыслительно.)

Сюда, сюда!

Сократ! К нам выйди! Сына я веду к тебе,
Хотя и против воли.

Сократ
(выходит)

Он совсем дитя,
Он не вращался в областях возвышенных.

Фидиппид

870 Ты сам в петле возвышенной повертись!

Стрепсиад
(сыну)

Пошел в болото! Проклинать наставника?..

Сократ
(поучительно)

Вот, вот, «петля». Как грубо произнес он: «тля» —
Язык прижат к гортани. Зубы стиснуты.
Как изучить ему опровержения,
Введенья, заключенья, обобщения?
(А впрочем, за сто мин Гипербол выучил!)

Стрепсиад

880 Смелей! Учи! Он у меня понятливый.
Ребеночком еще таким вот крохотным
Кораблики лепил он, клеил домики,
Из дерева вырезывал повозочки,
А из кожурок — лягушат. Что думаешь?
Смотри ж, речам обеим обучи его,
Правдивой, честной речи и кривым речам,
Которыми одолевают правые,
Ах нет, одной лишь кривде научи его!

Сократ

Пусть Правда с Кривдой сами объяснят ему.
А я пойду.

Стрепсиад

Так помни, знать обязан он,
Как побеждают кривдой правду всякую.

Хор поет и пляшет.

ЭПИСОДИИ ЧЕТВЕРТЫЙ

В корзинах, как боевых петухов, вносят Правду и Кривду.

П р а в д а

890 Появись, покажись! На народ погляди!
Пусть увидят тебя, как ты дерзок и нагл!

К р и в д а

Я готов, выхожу. На глазах у людей
Вдвое легче тебя я в речах погублю.

П р а в д а

Ты погубишь? Ты кто?

К р и в д а

Речь.

П р а в д а

Кривая, прибавь.

К р и в д а

Но тебя разобью. Хоть и Правдой себя
Ты зовешь.

П р а в д а

Разобьешь? Ухищреньем каким?

К р и в д а

Разыщу, изыщу новых мыслей поток.

П р а в д а

Процветают теперь эти мысли у них,
У безумных людей.

К р и в д а

У разумных людей.

П р а в д а

Уничтожу тебя!

К р и в д а

Это чем, объясни?

П р а в д а

Слово правды скажу.

К р и в д а

900

Опровергну тебя.

Возражу, докажу, что по сути вещей

Правды нет никакой.

П р а в д а

Правды нет, говоришь?

К р и в д а

Где ж она, расскажи!

П р а в д а

У всевышних богов.

К р и в д а

Если правда не вздор, почему тогда Зевс

Не наказан? Ведь в цепи родного отца

Заковал он.

П р а в д а

Вот, вот, началась чепуха!

Распирает, тошнит! Дайте тазик скорей!

К р и в д а

Ах, дубина, чурбан, стародавний чудака!

П р а в д а

Обнаглевший болван! Развращенный дурак!

К р и в д а

Сыплешь розы на грудь.

П р а в д а

910

Площадной скоморох!

К р и в д а

Фимиам мне куришь.

П р а в д а

Оскорбитель отца!

К р и в д а

Сам не зная, покрыл меня золотом ты.

П р а в д а

Это золото прежде мы звали дерьмом.

К р и в д а

Я ж зову украшеньем, ценнейшим венцом.

П р а в д а

Чтоб ты влип, медный лоб!

К р и в д а

Старый гриб, старый гроб!

П р а в д а

Ты виною тому,

Что учиться подростки не ходят совсем.

Но узнают афиняне все же, чему

Наставляешь и учишь ты глупый народ.

К р и в д а

Как ты грязен и груб!

П р а в д а

Ты ж — наряжен, ты — люб!

920

А недавно еще побирался с сумой

И мисийцем Телефом себя называл

И уныло жевал
Панделетовой мудрости крохи.

К р и в д а

О разумная речь!

П р а в д а

О безумная речь!

К р и в д а

Ты припомнил о ней.

П р а в д а

О твоей и о том,
Что народ тебя чтит,
Развратителя юношей, язву страны.

К р и в д а

(указывая на Фидиппида)

Ты, беззубый, вот этого хочешь учить?

П р а в д а

⁹³⁰ Да, затем, чтоб спасти и от зла сохранить,
Чтоб в пустой болтовне не погряз он совсем.

К р и в д а

(Фидиппиду)

Подойди ко мне, мальчик, на вздорного плюнь!

П р а в д а

Берегись! Руки дальше от юноши! Прочь!

Драка.

Предводительница Облаков

Перестаньте браниться! Довольно кричать!
Покажи ему ты, как учил молодежь
В дни былые; ты ж прелести новых наук
Перед юным раскрой, чтоб, послушавши вас,
Он наставника выбрал по сердцу себе.

П р а в д а

Я с охотой готов.

К р и в д а

Я не меньше готов.

Предводительница Облаков

⁹⁴⁰ Хорошо! Кто же первым начнет говорить?

К р и в д а

Пусть начнет старичок!

Очень скоро запнется он в речи своей
И под градом новейших словечек и слов,
Рассуждений, сомнений без сил упадет.
Напоследок, едва заикнется бедняк,
Налетят на него и вопьются в лицо,
И в глаза, и во всё, словно рой шершеней,
Мои мысли и на смерть зажалят!

А Г О Н П Е Р В Ы Й

Первое полухорие

Ода ⁹⁵⁰ Теперь должны вы доказать
Ловких речей орудьем,
Игрой ума, мыслей дождем,
Блеском суждений острых,
Кто из двоих вправе прослыть
Красноречья мастером.
Мудрость, сейчас вовлечена
В яростный ты, в тягостный бой.
Из-за тебя друзья мои
На поединок вышли.

Предводительница Облаков

(Правде)

*Эпир-
рема*
⁹⁶⁰

Ты, обычаи дедов и нравы отцов увенчавший блестящей хвалою,
Начинай, свой раскатистый голос возвысь, изъясни свои мысли и душу.

П р а в д а

Расскажу вам о том, что когда-то у нас воспитаньем
звалось молодежи,
В те года, когда я, справедливости страж, процветал,
когда скромность царила.
Вот вам первое: плача и визга детей было в городе вовсе
не слышно.
Нет! Учтивою кучкой по улице шли ребяташки села
к кифаристу
В самых легких одеждах, хотя бы мукой с неба падали
снежные хлопья.
Приходили, садились, колен не скрестив, а почтенный
наставник учил их
Стародедовским песням: «Паллада в бою воевода» иль
«Меди бряцанье»,
Запевая размеренно, строго и в лад, как отцы и как деды
певали.
Если б баловать кто-нибудь вздумал, дурить, выводить
переливы и свисты,
Как теперь это любят, Фринида лады, безобразные трели,
коленца,
970 Запищал бы под палкою шут. Поделом! Не бесчести
святого искусства!
А в гимнасии, сидя на солище, в песке, чинно-важно
вытягивать ноги
Полагалось ребятам, чтобы глазу зевак срамоты не
открыть непристойно.
А вставали, и след свой тотчас же в песке замечали, чтоб
взглядам влюбленных
Очертание прелестей юных своих на нечистый соблазн не
оставить.
В дни минувшие маслом пониже пула ни один себя
мальчик не мазал,
И курчавилась шерстка меж бедер у них, словно первый
пушок на гранате.
Не теснились к влюбленным мальчишки тогда, лепеча,
сладострастно воркуя,
980 Отдавая себя и улыбкою губ, и игрой похотливою
взглядов.

За обедом без спроса не смели они положить себе редьки
кусочек,
Сельдерея до старших стянуть со стола не решались, ни
лука головку.
В кулачок не смеялись, не крали сластей, ногу за ногу
накрест не клали...

К р и в д а

Стариковская чушь! Диполидова рвань! Золотые
кузнечики дедов!
Завыванья Кикида, Буфоний базар!

П р а в д а

Да, конечно. Но это та сила,
Из которой растила наука моя поколенья бойцов
марафонских.
Ты ж, негодник, теперешних учишь юнцов до ушей
закрывать в хитоны.
Удавиться готов я, когда погляжу, как на празднике
Панафинейском,
990 Щит на брюхе держа, выступают они, не краснея пред
Тритогенией.
А поэтому, сын мой, мужайся: меня избери себе
в спутники, Правду!
Презирать ты научишься рыночный шум, ненавидеть
цырюльни и бани,
Безобразных поступков стыдиться, краснеть, от
насмешек — грозой загораться.
Перед старшими с места учтиво вставать, уступая сиденье
и кресло.
И почтительным сыном родителю быть, не роптать, не
ворчать и не вздорить.
Безрассудств избегать и стыдливости честь не пятнать, не
позорить развратом.
Перед дверью танцовщицы зря не стоять, рот разинув,
моля о вниманье,
Чтобы, яблока ласки добившись у ней, не лишиться
почета и славы.
И отцу-ворчуну не перечить ни в чем, не ругать его
рухлядью старой

И за долгие годы забот и трудов не платить ему черствую
злостью.

К р и в д а

Дионисом клянусь, если вздорной его болтовне ты
поверишь, дружок мой,
1000 Поросят Гиппократу напомнишь собой. Назовут тебя
соней и мямлей.

П р а в д а

Да нисколько! Цветущим, блистающим жизнь проводить
ты в гимнасии будешь,
А не то чтоб на рынке, как нынче народ, кувыряться
в словах и кривляться
И мытариться зря, извиваясь крючком в пересудах
грошовых и тяжбах.
Нет! В тени Академии, в мирной тиши, в тихо веющих
рощах маслинных,
С камышовой зеленью в смуглых кудрях ты гулять
будешь с другом разумным.
Там цветет повилика, и мапит досуг, и трепещет
серебряный тополь,
Там услышишь, как ясень весенней порой
перешептывается с платаном.

1010 Если добрые примешь советы мои
И свой слух обратишь к наставленьям моим,
Будет, друг, у тебя —
Грудь сильна, как меха. Щеки — мака алей.
Три аршина в плечах, за зубами — язык.
Зад — могуч и велик. Перед — мал да удал.
Если ж будешь по новым обычаям жить,
Заведешь ты себе восковое лицо,
Плечи щуплые, щучьи, тщедушную грудь,
Язычок без костей, зад — цыплячий, больной,
Перед — вялый, большой; болтовню без конца.
Ты приучишь себя

Безобразно-постыдное — добрым считать,
1020 А добро — пустяком.
В заключение всех бед преисполнишься весь
Антимаховым грязным паскудством.

Второе полухорие

Антода Привет тебе, мудрых речей,
Славных святынь хранитель!
В словах твоих сладким цветком скромность и честь
снимают.

Счастливы, да, счастливы те, кто тебя знал и ведал.

(Кривде.)

Ты же теперь,
1030 Сложенных ловко мастер слов,
Будь изошрен: противник твой
Спор свой провел на славу!

Предводительница Облаков

Антэпир-рема Чудовищно искусным быть теперь в речах ты должен,
Чтоб переспорить старика, себя не обесчестить.

Кривда

Давно уж жжет меня в груди, я весь — как на иголках,
Все рассуждения врага я разом опрокину.
Средь образованных затем меня прозвали Кривдой,
1040 Что прежде всех придумал я оспаривать законы,
И правду криво толковать, и побеждать неправдой.
А бочек с золотом литым не стоит это разве:
Кривой дорогой приводить к победе дело слабых?

(Фидиппиду.)

Смотри, как опровергну вмиг я все его советы!
Водой горячею тебе он запрещает мыться?

(Иправде.)

В горячих банях что, скажи, запретного находишь?

Правда

Я говорю, что бани — зло и для мужчин — отравя.

Кривда

Остановись! Готов! Тебя уже держу я крепко.
Скажи: из Зевсовых детей кого считаешь лучшим,
Кто всех храбрей и всех сильнее и больше всех трудился?

Правда

Славней героя, чем Геракл, нет никого на свете.

К р и в д а

1050 Но ведь «Геракловой» зовем горячую мы воду!
А кто ж храбрее, чем Геракл?

П р а в д а

Вот, вот они, увертки!
Вот то, что делает у нас подростков болтунами,
Гимнасий делает пустым и наполняет бани!

К р и в д а

На рынке говорящих речь хулишь ты, я хвалю их.
Когда бы рынки были злом, тогда б Гомер не вывел
Витией — Нестора царя и остальных героев.
Перехожу теперь к речам. Велишь ты молодежи
Не упражняться в них совсем. Я ж говорю другое.
1060 Велишь подростку скромным быть. Две грубые ошибки!
Где ж видано, чтоб кто-нибудь стал через скромность
славен,
Силен, могуч? Ну докажи, ну научи иному!

П р а в д а

И докажу. За скромный нрав Пелею меч достался.

К р и в д а

Что? Меч? Великое добро бедняга заработал!
Не то Гипербол-ламповщик. Талантов сто и больше
Обманом, ложью он добыл. Меча ж не заработал.

П р а в д а

За скромный нрав свой получил Пелей Фетиду в жены.

К р и в д а

Она ж и бросила его. Сбежала. Был он скромник.
1070 Был увалень. И не умел играть с ней ночью темной.
По сердцу женщине — наглец. А ты — беззубый мерин!
Смотри ж теперь, мой юный друг, к чему приводит
скромность

И сколько радостей себя из-за нее лишишь ты:
Жаркого, мальчиков, сластей, вина, костяшек, женщин!

Без этих сладостей, скажи, зачем и жить на свете?
Пусть! Перейду теперь к тому, к чему влечет природа.
Влюблен ты, соблазнил жену, поспал, попался мужу —
Погиб ты насмерть, — говорить ведь не умеешь. Если ж
Со мной пойдешь — играй, целуй, блуди, природе следуй!
1080 Спокоен будь! Найдут тебя в постели, ты ответишь,
Что ничего не согрешил. В пример возьмешь тут Зевса:
И тот ведь уступал любви и обаянью женщин.
Так как же, чадо праха, ты сильнее быть можешь бога?

П р а в д а

Когда ж ошплют там его и сзади редьку вставят,
Питомец твой докажет чем, что он не из задастых?

К р и в д а

Когда б и был задастым, что плохого в том.

П р а в д а

А я спрошу, что может быть постыднее?

К р и в д а

Что скажешь, если докажу обратное?

П р а в д а

Что мне сказать? Все кончено!

К р и в д а

В Собрание судьи из каких? Ответь же мне,

П р а в д а

Из толстозадых.

К р и в д а

Правильно!

1090 Порты в театре из каких?

П р а в д а

Из толстозадых.

К р и в д а

Именно!

Народоправды из каких?

П р а в д а

Из толстозадых.

К р и в д а

Видишь ли,

Свою нелепость понял ты.

Теперь из зрителей сочти,

Кто — большинство?

(Показывает на зрителей в амфитеатре.)

П р а в д а

Сейчас сочту.

К р и в д а

Что ж видишь ты?

П р а в д а

Клянусь богами, понял все.

Из толстозадых большинство.

Того я знаю, и того,

¹¹⁰⁰ И этого, вот там в кудрях.

К р и в д а

Что ж скажешь ты?

П р а в д а

Я побежден, распутники!

Ради богов,

Примите плащ мой, я бегу,

Я к вам перебегаю.

(Убегает.)

С о к р а т

Ну, что ж, теперь обратно увести сына

Желаешь иль в науку мне отдашь его?

С т р е п с и а д

Учи его, пори его! Старайся, друг,

Мальчишку наострить на обе челюсти,

Чтобы одною грыз он тяжбы мелкие,
Другую ж на большие наточил дела.

Сократ

Спокоен будь! Искусником вернется он.

Фидиппид (в сторону)

1110 Ах, нет! Несчастливым, тощим, бледным, высохшим.

Сократ уводит юношу в дом.

Предводительница Облаков

Ступай домой, но мнится мне,

После пожалеешь!

Судьи! Если по заслугам отличите вы наш хор,

Выгод тысячу найдете. Выслушайте нашу речь.

Первое: когда начнете вы поля свои пахать,

Первым вам мы дождь подарим, а соседям уж потом.

Будем сад ваш и зеленый виноградник охранять,

1120 Чтобы зноем их не выжгло, градобоем не смело.

Тот же смертный, кто в безумье не уважит нас, богов,

Вот послушайте, узнайте, сколько бед претерпит он.

Пить вина уж он не будет, есть не будет овощей,

Чуть в саду его маслины зацветут и виноград,

Все завянет, тяжелой дробью из пращей собьем мы цвет.

Кирпичи сушить захочет, хлынем на землю дождем,

Все на кровле черепицы летним градом расшибем.

Если ж свадьбу он затеет, или родич, или друг,

До утра разверзнем хляби, так, что взмолится бедняк,

1130 Лучше б мне в Египте дохнуть, чем судить кривым судом.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Стрепсиад

(с мешком выходит из дома)

До новолунья пятый, и четвертый день,

И третий, и второй, и тот, которого

Боюсь и ненавижу и пугаюсь я:

За ним последний — «молодой и старый день».
Займодавцы клязут о взыскании
Пританам подадут, чтоб погубить меня.
Я ж буду их просить о снисхождении:
«Дружок, с долгишком этим не тесни меня,
Тот — отложи, а тот — прости!» — «Ни в жизнь тогда
1140 Не получу их», — скажут, заругаются,
Судом пугая, обзовут мошенником!
Судите, сколько влезет! Мне и дела нет!
Кривым речам, наверно, обучен мой сын.
Сейчас узнаю. Постучусь в мыслильню.
(*Стучит.*)

Эй!

Эй-эй, откройте!

Сократ
(*появляется в дверях*)

Стрепсиад, привет тебе!

Стрепсиад
(*отдает ему мешок*)

Тебе привет! Подарок от меня прими!
Уважить мы обязаны наставника.
Скажи мне, сына обучил ты речи той,
Которую недавно здесь показывал?

Сократ

Да, обучил.

1150 Стрепсиад
Хвала тебе, мать Каверза!

Сократ

Теперь любую выиграешь тяжбу ты.

Стрепсиад

А если в долг просил я при свидетелях?

Сократ

Еще и лучше! Хоть при ста свидетелях!

Стрепсиад
(поет и пляшет)

Кричать, кричать буду я на радостях.
Го-го-го-го-го-го! Смерть, заимодавцы, вам,
Полушкам вашим, и лихве, и прибылям!
Теперь меня ничем вы не ужалите!
Такой в моем доме растет
Чудный сын, диковинный сын!
1160 На два он языка остер!
Хранитель мой, отца оплот, врагов чума!
Дома спаситель он от бесконечных бед!
(Сократу.)
Так поспеши ж за ним и приведи сюда!
Дитя, сыночек!
Из дома выйди!
Здесь ждет родитель.

Фидиппид, высохший и бледный, выходит в сопровождении Сократа.

Сократ

Вот он, вот он, твой сын!

Стрепсиад

Мой дружок, голубок!

Сократ

Уведи его с собою.

(Уходит.)

Стрепсиад

А-я-я! Мой родной!
1170 Ию! Ию!
Как рад я видеть эту кожу желтую.
Донос, крючок на ней так и написаны.
А на губах так и цветет родимое:
«Ты что сказал?» Обиженного горький вид,
Хоть сам обидчик, добродетель кляузы,
И взгляд при этом истинно аттический!
Спаси теперь, как прежде погубил меня!

Фидиппид

Пред чем же страх?

Стрепсиад

Пред «молодым и старым днем».

Фидиппид

1180 А что такое «молодой и старый день»?

Стрепсиад

К суду меня потянут в этот самый день.

Фидиппид

Истцы отчалят с носом. Как же мыслимо,
Чтоб день один двумя бы днями сделался?

Стрепсиад

Немыслимо?

Фидиппид

Конечно. Разве может быть
Старуха разом молодой девчонкою?

Стрепсиад

Но так закон определил.

Фидиппид

Уверен я,
Закона дух остался скрыт.

Стрепсиад

А дух каков?

Фидиппид

Старик Солон любил народ поистине.

Стрепсиад

1190 Но здесь при чем же «молодой и старый день»?

Ф и д и п п и д

Определил для жалоб двое суток он;
День старый, а за ним день молодой, чтоб суд
На новолунье начал разбирательство.

С т р е п с и а д

А для чего ж тут старый день?

Ф и д и п п и д

Затем, чудак,

Чтоб накануне доброю охотою
Договориться мог истец с ответчиком.
А нет, так в суд подать на новолунье.

С т р е п с и а д

Так почему ж и в новолунье денежки
Берет притан, и в «молодой и старый день».

Ф и д и п п и д

1200 Как пробник поступает он, по-моему.
Чтоб поскорее прикарманить денежки,
Он накануне их, как жертву, пробует.

С т р е п с и а д

Отлично.

(К зрителям.)

Вы, глупцы, чего уставились?
Добыча для ученых, стадо темное,
Толпа — не больше, камни, кружки битые!
За здоровье мое и сына-умника
Сейчас спую я праздничную песенку.

(Поет.)

«Счастливец ты, Стрепсиад!
И сам хитро, ловко жил,—
Сыночка-хитреца родил»,—
Так будут мне петь друзья,
Соседи петь,

1210 Завидуя, что в тяжбах всех
Побеждает твой язык.

Войдем же в дом. Тебя я угостить хочу.

Входят в дом.

ЭПИСОДИИ ШЕСТОЙ

П а с и й - с о с е д
(*входит со свидетелем*)

1220 Добро свое годится ли растрачивать?
Да ни за что! А, право, лучше было бы
Прогнать его тогда, чем в тяжбу впутаться.
А что теперь? Из-за своих же денег
Тебя тащу свидетелем, к тому ж еще
Врагом соседу стану стародавнему.
И все-таки не посрамлю отечества,
Покуда жив.

(*Кричит.*)
Эй, Стрепсиад в суд зову.

С т р е п с и а д
(*выходит навеселе*)

Тебе чего?

П а с и й
На «молодой и старый день».

С т р е п с и а д
(*к свидетелю*)

Свидетель будь: два дня назвал он. Суд зачем?

П а с и й
Двенадцать мин ты должен за саврасого
Коня.

С т р е п с и а д
Коня? Чудесно! Ясно слышали?
Ведь знают все, что коней ненавижу я.

П а с и й
Долг возратить клялся ты Зевса именем.

С т р е п с и а д
Свидетель Зевс, в то время ведь не знал еще
Сынок мой кривды, все опровергающей.

П а с и й

1230 Теперь от долга отпираться думаешь?

Стрепсиад

А для чего ж другого нам учение?

П а с и й

А если в суд пойдем мы, отречешься ты,
Зовя богов в свидетели?

Стрепсиад

Каких богов?

П а с и й

Гермеса, Зевса, Посейдона.

Стрепсиад

Видит Зевс,
И поклянусь, и три гроша в придачу дам!

П а с и й

Так пусть чума возьмет тебя, бесстыдного!

Стрепсиад

(разглядывая Пасию)

Посыпать солью, выйдет мех отличнейший.

П а с и й

Смеешься надо мною?

Стрепсиад

(так же)

На шесть ведер мех!

П а с и й

Великий Зевс и боги мне свидетели,
Так не уйдешь ты!

Стрепсиад

Презанятно! Зевсом ты
1240 Клянешься и богами, знатокам на смех!

Пасий

За это все ответишь мне со временем.
Сейчас же говори, отдашь мне денежки
Иль мне судиться?

Стрепсиад

Подожди немножечко.
Сейчас тебе наверняка отвечу я.
(Уходит в дом.)

Пасий

(к свидетелю)

Что сделает, как думаешь? Отдаст мне долг?

Стрепсиад

(возвращается с корзиной)

Где тот, кто денег требует с меня? Скажи!
Вот это что?

Пасий

Корзина, дело ясное.

Стрепсиад

Такой безмозглый дурень денег требует!
1250 Не дам я ни полушки полоумному,
Корзан, мой бог, зовущему корзиную!

Пасий

Что? Не отдашь?

Стрепсиад

Нимало, как мне кажется!
А ты не затрудняйся, убирайся прочь
От двери!

Пасий

Ухожу. Но знай, к пританам я
Иду, подам к уплате, если буду жив.
(Уходит.)

Стрепсиад
(*вслед уходящему Пасию*)

Побольше потеряешь, чем двенадцать мин!
А я тебе, поверь мне, не желаю зла,
Хоть и назвал ты зря корзан — корзиною.

Э П И С О Д И Й С Е Д Ь М О Й

Аминий-сосед
(*входит*)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад

Эге!

1260 Кто здесь вопит так горько? Не божок ли то
Заголосил, отродье рака — Каркина.

Аминий

Что я? Кто я? Узнать вам это хочется?
Я — несчастливец!

Стрепсиад

Так иди путем своим!

Аминий

О бог суровый! Рок оседробительный!
Моя упряжка!.. О Паллада! Горе мне!

Стрепсиад

«Но чем тебя обидел Тлеподем, скажи?»

Аминий

Почтеннейший, не смейся! Прикажи, прошу,
Чтобы вернул мне деньги поскорей твой сын.
Давно я жду, к тому ж сейчас в несчастии.

Стрепсиад

Какие ж это деньги?

А м и н и й

Те, что должен он.

С т р е п с и а д

Дела твои прескверны, как мне кажется.

А м и н и й

Свидетель бог, свалился с колесницы я.

С т р е п с и а д

А мелешь вздор, как будто бы с осла упал.

А м и н и й

Как вздор? Хочу я деньги получить свои.

С т р е п с и а д

Ты не в своем рассудке. Это ясно.

А м и н и й

Что?

С т р е п с и а д

Всего вернее — мозга сотрясение.

А м и н и й

Всего верней — пойдешь ты в суд, свидетель Зевс,
Когда долгов не возвратишь!

С т р е п с и а д

Скажи мне, друг,

Как думаешь, для ливней воду свежую
Зевс достает иль, силой солнца, старая
Вода обратно на небо взбирается?

А м и н и й

Не знаю. И нисколько не желаю знать.

Стрепсиад

А правомочен разве деньги требовать
Невежда в философии и в физике?

Аминий

Раз денег мало, ты бы хоть лихву на долг
Отдал мне.

Стрепсиад

Что за зверь такой — лихва, скажи?

Аминий

А если с каждым месяцем и с каждым днем
Все больше возрастает — возрастает долг,
Пока проходит время.

Стрепсиад

Верно сказано.

1290

Скажи, а море, что оно, по-твоему!
Растет или все то же?

Аминий

То же, думаю.

Ему расти не подобает.

Стрепсиад

Бедненький!

Да если море, с столькими притоками,
Не возрастает, как же ты надеешься,
Чтобы твои нежданно деньги выросли!
Ступай, катись! Подальше от дверей моих!
(Рабу.)

Стрекало дай мне!

Аминий

(к зрителям)

Вас зову в свидетели!

Стрепсиад

1300

Но-но! не стой! Но́, трогай, торопись, саврас!

Аминий

Ну не бесстыдство ль это?

Стрепсиад

Торопись! Не то
Под хвост стрекалом, сивка, подбодрю тебя.

(Бьет его, Аминий бежит.)

Бежит! А я бы двинул, раскатал тебя

С колесами, осями и заклепками.

(Входит в дом.)

Первое полухорие

Строфа Сутяжничать, сквалыжничать —

Большое зло!

Упрямый старичок

Решил зажать, не отдавать

Добра и денег, взятых в долг.

А все-таки сегодня же

Приключатся новости.

1310 И кудесник наш, затеявший обман,

За плутни все, за все грехи

Расплатится жестоко.

Второе полухорие

Антистрофа Боюсь я, то, чего искал,

Чего желал,

Сегодня он найдет.

Ужасен в споре сын его,

Опровергать, изобличать

Неправдою умеет он.

Всяких собеседников

Переспорит трижды лживой болтовней.

1320 Но скоро, скоро взмолится

Старик, чтоб онемел он.

Эпизодий восьмой

Стрепсиад

(выбегает из дома, преследуемый Фидиппидом)

Увы! Увы!

Соседи! Домочадцы и приятели!

Спасите! Бьют! Бегите, помогите мне!
О голова седая! Щеки старые!
Отца ты бьешь, негодник?

Ф и д и п п и д

Да, отца я бью.

Стрепсиад
(к зрителям)

Он признает, что бил меня, вы видите!

Ф и д и п п и д

Ну да!

Стрепсиад

Злодей, отцеубийца, висельник!

Ф и д и п п и д

Еще, еще брани меня, хули меня!
Но знай, купаюсь я в твоих ругательствах!

Стрепсиад

Распутник!

Ф и д и п п и д

1330

Сынь мне розы, золоти меня!

Стрепсиад

Отца ты бьешь?

Ф и д и п п и д

Ну да, и докажу тебе,
Что бил по праву.

Стрепсиад

Вот как, пес негоднейший!
Да кто ж дал право сыну бить родителя?

Ф и д и п п и д

Послушай, что скажу я, убедишься сам.

Стрепсиад

Да что ты мне докажешь?

Фидиппид

Очень многое.

Какою речью говорить мне, выбери!

Стрепсиад

Какою речью?

Фидиппид

Да, кривой или правую!

Стрепсиад

1340 На то ль тебя учил я, окаянейший,
Опровергать законы, чтоб так каверзно
Ты доказал, что нравственно и правильно
Родному сыну избивать родителя?

Фидиппид

И докажу я все же правоту свою,
И ты со мною согласишься с радостью.

Стрепсиад

Ну, что ж сказать сумеешь ты, послушаю.

АГОН ВТОРОЙ

Первое полухорие

Ода Подумай, позаботься, поспеши, старик,
Врага переспорить.

Когда б в себя не верил он, наверное,
Не бил так бесстыдно.

1350 На что-то он надеялся, — в словах его
И дерзость и сила.

Предводительница Облаков

Эпир-рема Из-за чего и почему у вас возникла тяжба,
Пред хороводом объясни. Начни, не заминаясь!

Стрепсиад

Из-за чего и почему мы начали ругаться,
Вам расскажу. Мы за столом сидели, как известно.
Тут в руку лиру взять его я попросил и песню
Поэта Симонида спеть: «Барашек Крий попался».
А он сказал, что песни петь за чашей, под кифару —
Обычай устаревший, баб забота — мукомолок.

Фидиппид

1360 Не прав ли был я, наскочив с руками и с ногами
На старика? Заставить петь! Кузнечики мы, что ли!

Стрепсиад

Вот те же самые повел и за столом он речи,
Сказал к тому ж, что Симонид — писатель очень
скверный.

С трудом, но все-таки себя я удержал от злости,
И, ветку миртовую взяв, прочесть мне из Эсхила
Я попросил его. А он ответить не замедлил:
«Эсхила почитаю я первейшим из поэтов
По части шума, болтовни, нескладицы и вздора».
Вскипело сердце у меня, представите вы сами,
Но гнев я все же закусил, сказал: «Тогда, голубчик,
1370 Из новых что-нибудь мне спой, из песен философских».
Из Еврипида говорить тут начал он, о брате
С родной сестрой, избави бог, бесстыдно переспавшем.
Тут удержаться я не мог, накидываюсь в злости
С проклятьем, с криком на него. Потом, как и понятно,
На слово — слово, брань — на брань, он вскакивает с места
И ну душить, и ну давить, и мять меня и тискать!

Фидиппид

А не по праву, да? Признать готов ты Еврипида
Мудрейшим из поэтов всех?

Стрепсиад

Мудрейшим? Ах ты, горе!
Как обругать тебя? Опять меня побьешь?

Фидиппид

За дело!

Стрепсиад

1380 За дело? Ах, бесстыдник! Я ж вспоил тебя, взлелеял,
Нескладный детский лепет твой отгадывать умел я.
Едва ты пролепечешь «и» — тебе даю напиток,
А скажешь «мама», уж бегу леплю из хлеба соску,
Кака захочешь — тут как тут, тебя несу я в сени,
Высаживаю там. А ты меня схватил за горло,
Хоть я кричал, хоть я пищал,
Хотел на двор, ты, негодяй,
Не пожалел, за дверь не снес,
Меня душил, и под себя,
1390 Мой бог, кака я сделал.

Второе полухорие

Ангода У молодых стучится сердце, думаем.
Все ждут его речи.
Когда свои такие безобразия
В речах защитит он,
За шкуру стариков мы не дадим тогда
Пустого орешка.

Предводительница Облаков

Ангэпир-рема Выдумщик, слесарь новых слов, твоя теперь забота
Такие доводы найти, чтоб правым показаться.

Фидиппид

1400 Наук новейших мастерством как радостно заняться
И научиться презирать закон, обычай старый!
Пока все помыслы мои ристаньям отдавал я,
Трех слов связать я не умел, неловко не запнувшись.
Теперь от скачек отучил меня вот этот самый,
Сложеньем изощренных слов и мыслей я занялся.
И доказать могу, что сын отца дубасить вправе.

Стрепсиад

Лошадничай, свидетель Зевс! Уж лучше заведу я
Тебе четверку лошадей, чем от побоев сдохну!

Ф и д и п п и д

Меня от речи ты отвлек, я к мысли возвращаюсь
И вот о чем тебя спрошу: меня дитятей бил ты?

Стрепсиад

Да, бил, но по любви, добра тебе желая.

Ф и д и п п и д

1410

Что же,

А я добра тебе желать не вправе точно так же
И бить тебя, когда битье — любви чистойшей признак?
И почему твоя спина побоям неповинна,
Моя же — да, ведь родились свободными мы оба?
Ревут ребята, а отец реветь не должен? Так ли?
Ты возразишь, что это все — обязанность малюток.
Тебе отвечу я: «Ну, что ж, старик — вдвойне ребенок».
Заслуживают старики двойного наказания,
Ведь непростительны совсем у пожилых ошибки.

Стрепсиад

1420

Но не в обычае нигде, чтоб был сечен родитель.

Ф и д и п п и д

1430

А кто обычай этот ввел — он не был человеком,
Как ты да я? Не убедил речами наших дедов?
Так почему же мне нельзя ввести обычай новый,
Чтоб дети возвращать могли родителям побой?
А порку, что досталась нам до нового закона,
Смахнем со счетов и простим за давностию срока.
Возьмите с петухов пример и тварей, им подобных,
Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны
От нас? Одним, пожалуй, тем, что кляуз они не пишут.

Стрепсиад

Но если петухам во всем ты подражать желаешь,
Дерьма не шиплешь почему, на нашести не дремлешь?

Ф и д и п п и д

Ну, это, друг, совсем не то. Сократ со мной согласен.

Стрепсиад

И все-таки не бей! Потом винить себя же будешь.

Фидиппид

С чего же?

Стрепсиад

Как теперь меня, потом тебя обидит,
Когда родится, твой же сын.

Фидиппид

А если не родится?

Так, значит, бит я даром, ты ж в гробу смеяться будешь?

Стрепсиад
(к зрителям)

Друзья, сдаётся мне, что говорит он дельно.
Должны мы в этом уступить, как видно, молодежи.
И поделом, кто был неправ, пусть на себя пеняет.

Фидиппид

Ты новый довод рассмотри!

Стрепсиад

1440

Теперь меня угробишь!

Фидиппид

Быть может, с тем, что претерпел, сейчас ты
примиришься?

Стрепсиад

Да как же? Научи меня. Ты чем меня утетишь?

Фидиппид

Я мать свою отколочу, как и тебя.

Стрепсиад

Что слышу?

Вот дерзость, прежних всех страшней!

Фидиппид

Что ж, если словом кривды

Тебя сумею убедить,
Что матерей законно бить?

Стрепсиад

Когда и это превзойдешь,
Тогда осталось мне одно:
1450 С откоса вниз тебя столкнуть,
К чертям, Сократ!
К чертям и слово кривды!

ЭКСОД

Стрепсиад
(обращаясь к хору)

Вы всем моим несчастьям, Облака, виной.
Вам, Облака, я вверил все дела мои!

Предводительница Облаков

Нет, нет, в своих несчастьях виноват ты сам:
На ложный путь направил ты дела свои!

Стрепсиад

Но прежде так со мной не говорили вы?
Слепого дурня, старика морочили?

Предводительница Облаков

Мы поступаем так же всякий раз, когда
1460 Погрязшего встречаем в преступлениях.
Его в пучину бедствий повергаем мы,
Чтобы богов бояться научился он.

Стрепсиад

Жестоко, Облака мои, но правильно.
Я денег тех, что задолжал, не должен был
Заживить.

(К сыну.)

Теперь же, милый мальчик мой,
Пойдем, Сократа с Херефонтом мерзостным
Побьем! Обоих нас они опутали.

Фидиппид

Но обижать как смею я наставников?

Стрепсиад

Смелей, смелее! Чти лишь Зевса прадедов!

Фидиппид

Сказал же старый филин: «Зевса прадедов»!
Да Зевса нет!

Стрепсиад

Да есть!

Фидиппид

1470

Да нет же, нет! Царит
Какой-то Вихрь, а Зевса он давно изгнал.

Стрепсиад

Да не изгнал! Хотя и сам я думал так
И в Вихря верил. Слепота куриная!
Принять за бога призрак, остов глиняный!

Фидиппид

С собой самим безумствуй и неистовствуй!
(Уходит.)

Стрепсиад

Ах я, дурак! Ах сумасшедший, бешеный!
Богов прогнал я, на Сократа выменял.
(Обращаясь к статуе бога, стоящей на орхестре.)

Гермес, голубчик, не сердись, не гневайся;
Не погуби, прости по доброте своей!
1480 От хитрословий этих помешался я.

Пошли совет разумный, в суд подать ли мне
На негодяев, отомстить ли иначе?

(Прислушивается.)

Так, так, совет прекрасный: не сутяжничать,
А поскорее подпалить безбожников
Лачугу.

(Слуге.)

Ксанфий, Ксанфий! Поспеши сюда!
Беги сюда, топор возьми и лестницу,
И на мыслильню поскорей вскарабкайся,
И крышу разбросай, любя хозяина,
И опрокинь стропила па мошенников!
14 90 А мне подайте факел пламенеющий!
Сегодня же заставлю расплатиться их
За все грехи: они не что, как жулики!
(Лезет на крышу с факелом.)

Ученик
(лезет из окна)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад
(на крыше)

Пылай мой факел! Жги горючим пламенем!

Ученик

Что делаешь? Несчастный!

Стрепсиад

Что? Беседую
Красноречиво с крышей дома вашего.

Херефонт

Ай-ай! Кто дом наш поджигает? Горе нам!

Стрепсиад

Тот самый, у кого накидку сперли вы!

Херефонт

Погубишь нас! Погубишь!

Стрепсиад

1500 Пусть не обманет лишь топор надежд моих
И сам не упаду я, шею вывихнув.

Сократ
(выбегает из мыслильни)

Голубчик, стой! На крыше что ты делаешь?

Стрепсиад

Парю в пространствах, мысля о судьбе светил.

Сократ

О, горе мне, беда мне! Задыхаюсь я!

Херефонт
(выбегает)

И мне несчастье! Жарюсь, как на вертеле!

Стрепсиад

Зачем восстали на богов кощунственно?

Следы Селены вы зачем пытаете?

(Слуге.)

Коли, руби, преследуй! Много есть причин,
А главное — они богов бесчестили!

Дом обваливается.

Предводительница Облаков

Поспешайте, ступайте за мной! А игра

1510 Удалась нам сегодня на славу.

Хор и актеры покидают оркестру.

ТИШИНА /МИР/

Т И Ш И Н А

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тригей — виноградарь.

1-й раб Тригея.

2-й раб Тригея.

Девочка — дочка Тригея.

Гермес.

Раздор — бог войны.

Ужас — прислужник Раздора.

Иерокл — прорицатель.

Кузнец.

Горшечник.

Оружейник.

Копейный мастер.

Трубач.

Панцирщик.

Мастер-шлемщик.

Сын Ламаха.

Сын Клеонида.

Тишина — богиня мира

Нимфа Жатва

Нимфа Ярмарка

Хор из двадцати четырех поселян.

} без речей.

ПРОЛОГ

Двор перед домом виноградаря Тригея. Двое рабов замешивают корм в хлеву.

1 - й раб

Живее! Каши колобок жуку подай!

2 - й раб

Бери, корми проклятого! Чтоб сдохнул оп!
Чтоб слаще корма никогда не жрать ему!

1 - й раб

Еще дай каши из добра ослиного.

2 - й раб

Бери еще! Куда же делось прежнее?
Все скушал?

1 - й раб

Нет, свидетель Зевс, схватил, сглотнул,
Меж лап зажав, с чудовищною жадностью.
Меси покруче, пожирней замешивай!

2 - й раб
(обращаясь к зрителю)

10 О мастера золотари! На помощь мне!
Не то задохнусь в смраде, вот увидите!

1 - й раб
Распутного мальчишки нам помет подай!
Нам захотелось нежного.

2 - й раб
Пожалуйста!
(К зрителю.)
В одном грехе зато не упрекнуть меня:
Не скажут, что у печки пекарь кормится.

1 - й раб
Ой-ой-ой-ой! Еще подай, еще подай!
Меси еще!

2 - й раб
Не буду! Нет! Свидетель Феб!
Мне эту лужу мерзкую не вычерпать!
Стащу ему, пусть на здоровье лопаает!
(Тащит корыто.)

1 - й раб
Чтоб он пропал, свидетель Зевс, и ты за ним!

2 - й раб
(к зрителю)

20 Прошу вас, если знаете, скажите мне,
Где пос бы мне купить непродырявленный?
Не видано поденщины чудовищней,
Чем эта: корм давать жуку-навознику!
Свинья или собака свой помет сырым
Готовы жрать. А этот зверь заносчивый
Воротит морду, к пище не притронется,
Пока не раскатаю, не скручу и корм
Запеченным не дам, как любят женщины.

30 Ну что, жратву он кончил? Погляжу тишком,
Дверь приоткрывши, чтоб не увидал меня.

(Заглядывает в дверь.)

Ну, лопай, трескай, брюхо набивай едой,
Пока не разорвешься непароком сам!

Да, ну и жрет, проклятый! Как силач-борец,
Налег на корм и челюстями лязгает.

И головою вертит, и ногами мнет.

Так скручивает корабельщик снасть свою,

Когда для барок толстые канаты вьет.

Тварь гнусная, прожорливая, смрадная!

40 Кто из божеств всевышних произвел его,
Не знаю. Но не Афродита, думаю.

1 - й раб

И не Хариты также.

2 - й раб

Кто же?

1 - й раб

Зевс родил,

Из кучи, не из тучи, громыхнув грозой.

2 - й раб

Теперь, пожалуй, спросит кто из зрителей,

Заносчивый молодчик: в чем же драмы суть?

И жук при чем здесь? Тут сидящий рядышком

Заезжий иониец объяснение даст:

«Я понял: на Клеона намекают здесь.

В аду шметки навозные глотает он...»

Бежать мне нужно и жуку напиться дать.

1 - й раб

50 Я объясню, в чем дело, детям маленьким,
Подросточкам и взросленьким мальчишкам,

Мужчинам расскажу великовозрастным,

Мужчиницам великовозрастнейшим всем.

Хозяин наш сбесился, но особенно,

Не так, как вы, иначе и по-новому.

День целый в небо он глядит, разинув рот,
И Зевса кроет руганью ужаснейшей:
«Эй, Зевс,— кричит он,— чем же это кончится?
Оставь метлу! Не то Элладу выметешь».

Г о л о с Т р и г е я
(из-за ворот)

Ау-ау!

1 - й р а б

60 Молчите! Голос слышится хозяина.

Г о л о с Т р и г е я

О Зевс! Ты что с народом нашим делаешь?
Ты, как стручки, шелушишь города, глупец!

1 - й р а б

Вот-вот она, напасть! Об этом речь моя!
Образчик перед вами помешательства.
Когда в нем желчь разлилась, вы послушайте,
Что сам себе сказал он в сумасшествии:
«Как напрямик залезть мне к Зевсу на небо?»
Тут лестницу он смастерил лядашую,
70 Чтобы по ней вскарабкаться, и шлепнулся,
И дырку на затылке проломил себе.
Вчера ж невесть откуда приволок домой
С коня величиной жука этнейского
И конюхом к жуку меня приставил. Сам
Его он гладит нежно, как жеребчика:
«Пегасик мой! Краса моя пернатая!
Взлети, примчи меня к престолу Зевсову!»
Но погляжу, что там внутри он делает.
(Вбегает в дом и тотчас же выбегает в ужасе.)
Беда, беда! Соседи, поспешите, эй!
80 Хозяин мой меж небом и землей новис.
Сев на жука верхом, парит он в воздухе.

Т р и г е й
(появляясь над крышей дома верхом на навозном жуке)

Тпру-у, стой! Тпру-у, стой! Тише шаг, мой жучок,
Горячиться нельзя, выступая в поход!

Юной силой гордясь, не гардуй, не кичись.
А сперва разойдись, жар почувствуй в костях,
Сухожилия расправь ветровеющих крыл!
Но в лицо не воняй мне, прошу об одном,
А не то оставайся уж лучше в хлеву!

1 - й раб

90 Господин и владыка! С ума ты сошел!

Тригей

Замолчи! Замолчи!

1 - й раб

Но куда же гребешь ты, воздушный пловец?

Тригей

Над народами всеми Эллады взлечу.
Небывалый задумал я подвиг свершить.

1 - й раб

Но куда ты летишь? Ты в своем ли уме?

Тригей

В благоречье молчите! Ни жалоб, ни слез!
Не вопить — ликовать наступила пора.
Горожанам — язык за зубами держать,
Все навозные ямы и пужники все
Запечатать и новым покрыть кирпичом
100 И зады заклепать до отказа!

1 - й раб

Не замолчу, покуда не расскажешь мне,
Куда лететь собрался?

Тригей

Да куда ж еще?
К престолу Зевса, на небо.

1 - й раб

Зачем это?

Тригей

Чтобы спросить, что делать затевает он
С народом всем Эллады злополучнейшим.

1 - й раб

А если не ответит?

Тригей

Обвиню его
И заявлю, что предал персам эллинов.

1 - й раб

Не допущу, покуда жив, свидетель Зевс!

Тригей

Я не могу иначе.

1 - й раб
(кричит)

110

Ого-го! Эй-эй!

Детишки! Ваш родитель собрался удрать,
Летит на небо, сиротами бросил вас.
Отца просите, заклинайте, горькие!

Девочки — дети Тригея — выбегают из дома.

Девочка

Милый отец наш, отец! Справедлива,
Значит, та весть, что несется по дому:
Нас покидая, по образу птичьей
Ты улетаешь к воронам, и в пропасть.
Все это правда? Скажи мне, отец, если любишь
немножко!

Тригей

Может быть, так, мои доченьки. Правда, что жаль
мне вас, бедных,

Девочка

140 А что, когда в пучину моря влажную
Он свергнется? Как, окрыленный, вынырнет?

Тригей

Есть у меня правило подходящее:
Челном наксийским будет мне навозный жук.

Девочка

А свой корабль к какой пригонишь пристани?

Тригей

В Пирее, в бухте Жучьей бросим якорь мы.

Девочка

Смотри не покалечься, не сломай костей!
Не то хромцом ты станешь — Еврипид тебя
Подцепит и состряпает трагедию.

Тригей

Об этом позабочусь. До свидания!
150 А вы, кому на благо я свершаю труд,
Сдержите ветры, отливать помедлите
Три дня. Когда в полете жук почует смрад,
Меня он сбросит, изувечив до смерти.
(Поднимается на воздух верхом на жуке.)
Подымайся бодрей, мой Пегас, веселей,
Шевелись, золотою уздою звеня!
Пусть сверкает зубов белоснежный оскал.
Что с тобою? Что делаешь? Ноздри куда
Повернул? Что почувствовал? Нужника дух?
Подымайся смелей, над землей воспарь!
160 Легковеющих крыльев полет напряги
И до Зевского дома домчись прямоком,
А на всякую пакость наплюй, не гляди!
И про корм свой всегдашний сегодня забудь.
(Кричит вниз.)
Что ты делаешь? Эй! Кто там сел за нуждой
В Непутевом проулке, в Пирее? Эгей!

Ты погубишь, погубишь меня! Закопай!
И побольше землицы поверху насыпь!
И тимьяна цветущего куст посади,
И душистого масла налей! А не то
170 Я сломаю хребет, и за гибель мою
Пять талантов заплатит хиосский народ,
И всему будет зад твой виною!
Ай-ай-ай-ай! Как страшно! Не до шуток мне!
Эй ты, машинный мастер, пожалей меня!
Какой-то вихрь ужасный вокруг пупка подул.
Спаси меня! Не то жуку на корм пойдю!

Жук опускается на «Олимпе», перед дворцом небожителей.

Но вот уж я в соседство к божествам попал.
И предо мною Зевса двор, как кажется.
Эй-эй, привратник Зевса! Отопри живей!

Э П И С О Д И Й П Е Р В Ы Й

Г е р м е с
(выходит)

180 Пахнуло чем-то смертным на меня! Геракл!
Что за напасть такая!

Т р и г е й
Это мерин-жук!

Г е р м е с
Ах, мерзкий! Ах, проныра! Ах, бессовестный!
Подлец, из подлых подлый! Прощелыжина!
Как ты забрался, подлый прощелыжина!
Как звать тебя! Ответь же!

Т р и г е й
Прощелыжина!

Г е р м е с
Откуда родом? Ну же!

Т р и г е й

Прощелыжина!

Г е р м е с

Отец твой кто?

Т р и г е й

Отец мой? Прощелыжина!

Г е р м е с

Клянусь Землей и Небом, не уйдешь живым,
Когда не скажешь имя и откуда ты.

Т р и г е й

190 Тригей — я, афмонец. Виноградарь я,
Не чинодрал, не сплетник и не кляузник.

Г е р м е с

Пришел зачем?

Т р и г е й

Привез тебе говядины.

Г е р м е с

(сразу переменяв тон)

Зачем ты здесь, бедняжка?

Т р и г е й

Видишь, лакомка,
Теперь уж я тебе не прощелыжина!
Ступай покличь мне Зевса.

Г е р м е с

Нет и нет! Тю-тю!
Богов застать тебя не угораздило.
Нет дома. Со двора вчера уехали.

Т р и г е й

В страну какую?

Гермес

Не в страну.

Тригей

Куда ж?

Гермес

На край

Вселенной. В мироздания щель глубинную.

Тригей

200 Зачем же здесь забыли одного тебя?

Гермес

Да стерегу я барахлишко божее:
Горшочки, ложки, плошки, сковородочки!

Тригей

Но почему все божества уехали?

Гермес

На эллинов озлившись. Поселили здесь
Они Раздор, чудовищного демона,
И все ему на расточенье отдали,
А сами удалились в выси горние,
Чтобы не видеть ваших непрерывных свар
И жалоб ваших не слышать назойливых.

Тригей

210 Зачем же боги с нами поступили так?

Гермес

За то, что вечно воевать хотели вы,
Хоть боги устроили мир. Удача чуть
Склоняется к лаконянам, кричат они:
«Уж выплем мы афинянам, почешутся!»
Когда ж победа снова за Афинами
И просят мира посланцы лаконские,
Тут вы орете снова: «Нас надуть хотят!
Палладою клянемся мы! Не верьте им!
Придут опять. Ведь Пилос — наш. Наплачутся!»

Т р и г е й

220 Все наши разговоры узнаю точь-в-точь.

Г е р м е с

И потому едва ль еще увидите
Богиню мира — Тишину.

Т р и г е й

Да где ж она?

Г е р м е с

Ее низверг Раздор в пещеру страшную.

Т р и г е й

Да где ж пещера?

Г е р м е с

Вон, внизу, камнями,
Ты видишь, завалил ее он доверху,
Чтоб Тишину никак вам не добыть.

Т р и г е й

Скажи,

А что он с нами делать собирается?

Г е р м е с

Одно лишь знаю. Он намедни под вечер
Чудовищную ступку приволок домой.

Т р и г е й

230 А с этой страшной ступкой что же сделает?

Г е р м е с

Все города он хочет в порошок стереть.
Но я пойду. Мне слышится, выходит он.
Ужасный шум донесся изнутри.

Гермес уходит. Слышится ужасающий грохот.

Тригей
(в страхе)

Ай-ай!

Давай бог ноги! Побегу. Почудилось
Мне грохотанье ступки истребительной.
(Прячется.)

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

На оркестру выходит исполнинский Раздор с огромной ступкой в руках.

Раздор

Ио, народ, народ, народ несчастнейший!
Вот скоро кости затрещат и челюсти.

Тригей
(спрятавшись)

Чудовищная ступка! О, владыка Феб!
А взгляд его — как гибель. Страшен он, Раздор!
240 Так вот кого боимся, вот кто душит нас,
Доспехами грозящий, леденитель ног!

Раздор
(над ступкой)

Вам, Прасии чесночные, конец пришел,
Пятижды, трижды, десять раз проклятые!
(Бросает в ступку чеснок.)

Тригей

А нам, друзья, до Прасий дела вовсе нет!
Лаконяне пусть плачутся. Несчастье — их.

Раздор

Мегара, а Мегара! Изотру тебя!
(Бросает в ступку луковицу.)
Столку, приперчу, станешь кашей луковой.

Тригей

Ой-ой-ой-ой! Тяжелые и горькие
Мегарцам тут слезищи приготовлены.

Раздор

250 Сицилия, эгей, и ты раздавлена!
(Бросает в ступку сыр.)

Тригей

Страна какая на творог размолота!

Раздор

Аттического меда подолью еще.
(Льет в ступку мед.)

Тригей
(в испуге)

Другого меда поищи, прошу тебя!
А этот дорог! Пожалей аттический!

Раздор

Эй, мальчик, Ужас!

Ужас
(выбегает)

Звал меня?

Раздор

Наплачешься!
Зевал без толку? Кулаки забыл мои?
(Бьет его.)

Тригей
(про себя)

Кулак сердитый!

Ужас

Сжался, господин, ай-ай!

Тригей
(про себя)

Натер он луком кулаки, наверное!

Раздор

Достань толкач покрепче!

Ужас

Толкача еще

260 Не завели. Вчера ведь только въехали.

Раздор

Тогда беги, в Афинах раздобудь живей!

Ужас

Бегу стрелюю. А не то побьют опять.

(Убегает.)

Тригей

(к зрителям)

Что ж делать нам, людишки горемычные?

Грозит опасность страшная, вы видите!

Когда толкач добудет он дробительный,

Усядется и в крохи города сотрет.

Не дай ему вернуться, Дионис, спаси!

Вбегает Ужас.

Раздор

Эй ты!

Ужас

Что надо?

Раздор

Не принес.

Ужас

Беда, беда!

270 Пропал толкач афинский знаменитейший,
Кожевник тот, что ворошил Элладу всю.

Тригей

(про себя)

О госпожа Афина, славно сделал он,

Что вовремя подох на благо городу

И кашу заварить не может новую.

Р а з д о р

Так принеси другой из Лакедемона.
Пошел!

У ж а с

Не медлю.
(Убегает.)

Р а з д о р

Приходи скорей назад!

Т р и г е й
(к зрителям)

Что с нами будет, граждане, беда идет.
Средь вас тут не найдется ль посвященного
В Самофракийских таинствах? Пусть молится,
Чтоб посланец в дороге ногу вывихнул.

У ж а с
(прибегает снова)

280 Ай-ай, погиб я, ай, несчастье, ай, беда!

Р а з д о р

Что? Не принес опять ты ничего?

У ж а с

Пропал
Толкач наилучший также в Лакедедоне.

Р а з д о р

Проклятье! Как же?

У ж а с

Отдали во Фракию
Его на подержание, и пиши — конец!

Т р и г е й
(в сторону)

О боги Диоскуры, славно сделано!
Пока живем! Мужайтесь, люди честные!

Раздор

Возьми весь скарб, под кровлю отнеси его!
А я пойду и смастерю толкач себе.
(Уходит вместе с Ужасом.)

Тригей

(оставшись один, к зрителям)

290 Теперь шута Датида вспомним песенку.
Он так мурлыкал, пальцем тешась, в летний зной:
Как ладно мне, как сладко мне, как весело!
Теперь настало время, братья элины,
Оставив распри, позабыв усобицы,
На волю вывести Тишину любимую,
Пока толкач не помешает новый нам.

(Кричит.)

Эй, пахари, торговцы, люд ремесленный!
Эй, рукоделы, поселенцы, пришлые,
И вы, островитяне, весь народ, сходиесь!

П А Р О Д

Тригей

300 Всяк скорей бери лопаты, и канаты, и кирки!
Потрудиться предстоит нам, всем на радость, в добрый час!

На оркестру выходит хор из поселян, разделенный на два полухорня.
С ним множество всякого народа, представители греческих городов и т. д.

Предводитель хора

Смело, други, поспешите, избавленья близок день.
О всеэлинское племя! Друг за друга встанем все,
Бросим гневные раздоры и кровавую вражду!
Светит нам весенний праздник, букам-ламахам назло!
(Тригею.)

Объясни теперь, что делать, главарем в работе будь!
Все мы твердо порешили: не уйдем домой, пока
Бечевою, рычагами вновь на землю не вернем
Величайшую богиню, покровительницу лоз.

Хор шумно пляшет.

Т р и г е й

310 Помолчите ж! Пляской вашей, громко, радостно крича,
Там внутри разворошите вы Раздор, и вспыхнет он.

П р е д в о д и т е л ь п о с е л я н

Веселимся мы и рады, услышавши от тебя,
Что еды на трое суток призывным не надо брать.

Хор продолжает плясать.

Т р и г е й

Тише, чтобы в преисподней Кербера не разбудить,
Чтобы гомоном и гамом, словно в городе у нас,
Он сладчайшую богиню нам спасти не помешал.

П р е д в о д и т е л ь п о с е л я н

Ну, уж нет! Ничто на свете не отнимет Тишину.
Только бы она досталась в руки нам! Хо-хо-хо-хо!

Хор продолжает плясать.

Т р и г е й

320 Все погубите вы. Стойте! Если будете орать,
Враг прискочит и растопчет все тяжелою ногой.

П р е д в о д и т е л ь п о с е л я н

Пусть бушует, сколько хочет, пусть грохочет и стучит!
Не оставим мы веселья в этот расчудесный день!

Хор продолжает плясать.

Т р и г е й

Вот беда! Сбесились, что ли? Бросьте, ради всех богов!
Нашу славную затею пляской сгубите вконец.

П р е д в о д и т е л ь п о с е л я н

Не хочу плясать я вовсе. Но от радости, гляди,
Хоть стою на месте, ноги сами ходят ходуном.

Пляшут.

Тригей

Но и этому не время. Бросьте, бросьте танцевать!

Предводитель поселян

Вот уж бросили мы, видишь.

Продолжают плясать.

Тригей

На словах. А пляс идет.

Предводитель поселян

Ну, еще разок впрысядку! Скоком-боком хоть разок!

Продолжают плясать.

Тригей

Ну, еще разок — и хватит. Перестаньте же скакать.

Предводитель поселян

330 Если пляс наш делу вреден, мы не будем танцевать.

Продолжают плясать.

Тригей

Вижу, пляшете вы все же!

Предводитель поселян

Зевс свидетель! Раз еще
Ногу правую поднимем и притопнем — и конец!

Пляшут.

Тригей

Напоследок позволяю, чтобы не ругаться нам.

Предводитель поселян

Левая нога за правой в пляску просится сама.
Счастлив я. Свищу, ликую, и крихчу, и хохочу.
Словно злую старость сбросил, так я рад, что кинул

щит.

Пляшут.

Тригей

Рано, рано веселитесь! Не дался еще успех.
Вот когда спасем богиню, смейтесь, веселитесь все!

И вопите и орите!
Будет нам заботой — дрыхнуть,
340 Обжираться, обниматься
И по ярмаркам шататься,
Напиваться, наряжаться,
Волочиться
И кричать: «хо-хо-хо-хо!»

Первое полухорие

Строфа Как увидеть я хочу
Этот долгожданный день!
Сколько вынес я невзгод,
На соломе жесткой спал,
Как железный Формион.
А теперь судьей не буду
Черствым, сумрачным и злым.

Тригей

360 Нрав сердитый умягчивши, вы не будете ворчать?

Первое полухорие

Буду ласков, весел, мил,
Буду снова молодым,
Позабыв тревоги войн.
Сколько лет уж мучат нас
Все походы да походы,
Гонят нас туда, сюда,
То в Ликей, то из Ликей,
Со щитом, с копьем в руке.

Предводитель полухория

360 Расскажи же, что нам делать, чем нам другу услужить!
Господином и владыкой дал тебя нам добрый рок.

Тригей

Куда свалить нам камни, погляжу сейчас.

(Идет к пещере.)

Из ворот дворца появляется Гермес.

Гермес

Наглец, негодник, что ты делать думаешь?

Тригей

Да ничего худого. Словно Килликон.

Гермес

Погибнешь, шаромыжник!

Тригей

Если жребий даст.

Но с жеребьевкой ловок ты мошенничать.

Гермес

Конец тебе: подохнешь!

Тригей

Завтра к вечеру?

Гермес

Сейчас же.

Тригей

Ничего я не купил себе,

Ни сыра, ни муки. Не приготовился.

Гермес

Считай себя избитым!

Тригей

Почему ж это

370 Такого я блаженства не почувствовал?

Гермес

Не знаешь разве, смерть назначил Зевс тому,
Кто даст свободу Тишине.

Т р и г е й

Наверное

Мне, значит, надо умереть?

Г е р м е с

Уверен будь!

Т р и г е й

Тогда на поросенка дай мне драхмы три!
Принять хочу пред смертью посвящение.

Г е р м е с

О Зевс, метатель молний!

Т р и г е й

Ради всех богов

Не выдавай же, господин, молю тебя.

Г е р м е с

Молчать не стану.

Т р и г е й

Вспомни о говядинке,

О жертвах, что тебе я приносил, любя!

Г е р м е с

380 Чудак! Да Зевс угробит самого меня,
Когда не буду горло драть, орать, кричать.

Т р и г е й

Гермесик, горла не дери, прошу, прошу!

(К хору.)

Что же с вами случилось, други, что стоите, очумев?

Ну, кричите же, лентяи, чтобы он не закричал!

Второе полухорие

Ангистрофа Ни за что, Гермес владыка, ни за что! Ни-ни-ни-ни!

Сладкую, сочную

Поросятину в подарок принимал ты от меня.

Вспомни о былых угодах в нашей нынешней беде.

Т р и г е й

Слышишь, чтут тебя и славят, милосердный государь!

Второе полухорие

Не гневись на нас, умильных богомольцев!

И дозволю

390

Дать свободу Тишине.

О щедрейший из богов,

К людям благосклоннейший!

Если ты Писандра шлемы ненавидишь и щиты,

Шествия священные,

Жертвоприношения,

Праздники великие

Обещаем вечно мы тебе.

Т р и г е й

400

О, снизойди к их голосу, молю тебя!

Они сейчас смиренней, чем когда-либо.

Г е р м е с

Нет, вороватей нынче, чем когда-либо.

Т р и г е й

Тебе открою тайну очень важную,

Всем божествам большой бедой грозящую.

Г е р м е с

Ну, говори! Быть может, убедишь меня.

Т р и г е й

Луна-Селена и мошеник Гелиос

Давно уж против вас готовят заговор,

Предать хотят они Элладу варварам,

Г е р м е с

Но почему же?

Т р и г е й

Потому, свидетель Зевс,

410

Что мы приносим жертвы вам, а варвары —

Луне и солнцу. Потому, естественно,
Они хотят нас всех замучить до смерти,
Чтоб у божеств отнять все посвящения.

Гермес

Крадут они давно уж наши праздники
И гложут дни, катясь без толку по небу.

Тригей

А потому, любезнейший Гермес, возмись
За дело с нами, помоги добыть ее!
И в честь тебя Панафиней справим мы
И все другие празднества великие,
420 Мистерии, Диолии, Адонии.

И государства прочие, уйдя от бед,
Молить Гермеса будут, избавителя.
Получишь много всяческих угод. И я
Тебе дарю вот этот золотой кувшин!
(Подносит ему подарок. Гермес любитя подарком.)

Гермес

Как жалостлив я сердцем к золотым вещам.
(Отходит в сторону.)

Тригей

(к хору)

Дело, граждане, за вами! В ход лопаты и кирки!

Предводитель поселян

Поскорее, веселее, оттащите камни прочь!
За работу мы возьмемся, ты ж, мудрейший из богов,
430 Будь в артели нашей старшим. Приказанья отдавай
И увидишь: будем скоро и прилежно работать.

Тригей

Проворней чашу протяни мне! Чашу мы
Винцом наполним и богам помолимся!

Гермес

(с золотым кувшином в руках)

Возлиянье! Возлиянье!
Все молчите! Все молчите!

Предводитель поселян

Мы, возлиая, молимся, чтоб радостей
Началом стал для эллинов идущий день.
И кто сегодня за канат хватается,
Пусть не возьмется больше никогда за меч.

Тригей

440 О нет! Пусть в мире сладком он проводит жизнь
У камелька с веселою подружкой.

Гермес

А кто войну не может разлюбить никак...

Тригей

Пусть вечно тот занозы копий острые,
Кряхтя, из ребер тащит, с божьей помощью.

Гермес

А кто к походам страстью одержим, тебя,
Владычица, мешает воскресить на свет...

Тригей

Пусть с ним случится в битве, что с Клеонимом.

Гермес

А тот кольчужник или продавец щитов,
Кто мира враг, а друг своей лишь прибыли...

Тригей

Пусть у разбойников в плену жрет хлеб сухой.

Гермес

450 И кто, гонясь за властью полководческой,
Не тянет с нами, раб, побег замысливший...

Тригей

На колесо поднять его и выстегать!
А нам пускай поможет сребролукий Феб!

Гермес

Про лук не надо! Феба одного зови!

Тригей

Приди, приди к нам! Феба одного зову
И с ним Харит, Гермеса, Афродиту, Ор.

Гермес

Но не Ареса?

Тригей

Нет!

Гермес

Не Посейдона?

Тригей

460

Нет!

Гермес и Тригей возлияют жертву. Хор и Города хватаются за канат и приготавливаются отвалить камень от пещеры, где скрывается Тишина.

Предводитель поселян

За бечеву возьмемся и потянем, эй!

Гермес

Строфа Еще раз!

Хор

Сама пойдет!

Гермес

Потянем!

Хор

Еще разок!

Гермес

Потянем! Потянем!

Тригей

(подходит к тянущим)

Почему же, ребята, не тянете вы,

За канат не схватились? Надулись чего?
Чтоб подошли вы все, беотийцы!

Гермес

Еще раз!

Тригей

Еще разок!

Предводитель поселян

Но вы оба не тянете также?

Тригей

470 Я ж тяну, как могу, налегаю вовсю,
Запрягаюсь в канат, выбиваюсь из сил.

Предводитель поселян

А работишка все же ни с места.

Тригей

Эй, Ламах, ты мешаешь, зря расселся здесь!
Нам ни к чему, дружище, это пугало!

Гермес

Аргивяне нисколько не усердствуют,
Они смеются над трудами нашими.
Сосут двух маток, хлеб едят у двух господ.

Тригей

Зато лаконцы, милый, тянут здорово.

Предводитель поселян

480 Но знаешь что? Из них одни колодники
Вовсю хлопочут. Только не велит кузнец.

Гермес

Нет толку и в мегарцах. Тянут врозь они,
Точь-в-точь щенки, вцепившиеся в кости хрящ.
Они от голодухи обессилели.

Т р и г е й

Так ничего не сделать нам! Смелей, друзья,
Единым духом все возьмемся сызнова!

Тянут за капат.

Г е р м е с

Антистрофа Еще раз!

Т р и г е й

Потянем!

Г е р м е с

Подернем!

Т р и г е й

Еще разок!

Г е р м е с

490 Понемногу идет!

Т р и г е й

Дело дрянь! Никуда!

Эти тянут вперед, а другие назад!

Эй, аргивяне! будете биты!

Поселяне и Города снова принимаются тянуть.

Г е р м е с

Еще раз!

Т р и г е й

Еще разок!

П р е д в о д и т е л ь п о с е л ь а н

Затесались предатели, видно, меж нас!

Т р и г е й

Но хоть вы, ведь по миру давно вас свербит,
Хорошенько возьмитесь, тяните дружной!

П р е д в о д и т е л ь п о с е л ь а н

Тянем мы. Да другие мешают.

Гермес

500 Эй вы, мегарцы, убирайтесь к воронам!
Богиня ненавидит вас. Ей помнится,
Вы чесноком ее натерли первые.
Вам говорю, афиняне: схватились вы
Не так, как надо, и без толку тянете.
Судить-рядить — одно лишь вы умеете.
Когда богиню воскресить желаете,
Податься ближе к побережью надо вам.

Гермес и Тригей разгоняют Города и другой пришлый народ. Остается один хор поселян, который берется заново за канат.

Предводитель поселян

За дело примемся одни! Эй, други-земледельцы!

Принимаются тянуть.

Гермес

Работа спорится у вас. На лад идет отлично!

Предводитель поселян

510 Сказал он: спорится! Дружней! Пусть напряжется
каждый!

Тянут.

Тригей

Одни лишь земледельцы мир нам возвратить сумеют.

Хор

Раз еще потяни!

Гермес

Немного остается!

Хор

Не отставать! Еще разок!
Потянем здорово! Наддай!

Гермес

Покончено! Готово!

Хор

Еще разок! Пойдет, пойдет!
Сама пойдет! Сама пойдет!
Еще, еще, еще разок!

Тянут. Камень отвален. Из пещеры подымается богиня Тишина, с нею — нимфы Жатва и Ярмарка.

Тригей

520 Подательница лоз! О, что скажу тебе,
Где взять мне слово тысячекувшинное,
Чтобы тебя приветить: в доме нет таких!
Здорово, Жатва! Ярмарка, тебе привет!
Как ты красива, Ярмарка любезная!
Как веет от тебя на сердце сладостно —
Концом походов, миром и маслинами.

Гермес

А заодно солдатским ранцем, может быть?

Тригей

530 На воинскую сбрую я плевать хочу.
Воняет чесноком она и уксусом.
Здесь — Жатва, угощенье, Дионисии,
Софокла песни, флейты, соловьиный свист,
Стишонки Еврипида.

Гермес

Замолчи! Не лги
На госпожу. Не может ей понравиться
Поэт сутяг, певец судейской кляузы.

Тригей

Здесь плющ, овец бляенье, виноградный сок,
В поля идущих женщин груди круглые,
Разлитые ковши, служанки пьяные,
Других утех без счета.

Гермес

Но гляди сюда!
Друг с другом кротко Города беседуют,

540 Смеются радостные, примиренные,
Хотя в ужасных синяках, в царапинах,
С продавленными головами, в ссадинах.

Т р и г е й

Теперь взгляни на зрителей! Написано
У них на лицах ремесло.

Г е р м е с

И верно ведь.

Т р и г е й

Сидит там, видишь, мастер оружейных дел
И рвет в печали волосы.

Г е р м е с

А рядом с ним
Мотыжник плюнул в рожу оружейнику.

Т р и г е й

Ковач плугов, ты видишь, как доволен он,
В ребро он двинул мастера копейного.

Г е р м е с

550 Скажи же поселянам, пусть домой идут!

Т р и г е й

Услышь, народ! Велим мы земледельцам всем,
Орудья снарядивши, выходить в поля.
Бросьте щит скорей, и дротик, и проклятое копьё!
Дышит воздух весь чудесной плодоносной
Тишиной.

Все спешите на работу в поле с песнями, вперед!

П р е д в о д и т е л ь п о с е л ь а н

День счастливый, день желанный для хозяев-поселян!
Увидав тебя, с весельем я встречаю сад родной.
Вижу смоквы, что когда-то я мальчишкой посадил.
Вас приветствовать я счастлив после долгих-долгих лет!

Т р и г е й

560 Други милые, богине мы помолимся сперва,
Той, что нас освободила от султанов и горгов.
На дорогу купим вкусный полоточек балыка
И отправимся в веселье восвоися по домам!

Г е р м е с

Посейдон свидетель, славной собрались вы здесь толпой!
Встали густо, встали плотно, словно праздничный пирог.

Т р и г е й

Видит Зевс, блестит мотыга наостренным лезвием
И на солнышке сверкают вилы зубьями тремя!
Как чудесно, как нарядно выстроились их ряды!
Как мне хочется вернуться поскорей на хутор мой
И перекопать лопатой залежалый чернозем!

570 Братья, вспомните, как прежде
Мы живали под покровом
Тишины, богини милой!
Вспомните о тех вареньях,
Об изюме, черносливе
И о соке виноградном,
О фиалках у колодца,
О серебряных маслинах,
Ненаглядных,
А за это все Богине
580 Вознесите похвалу!

Первое полухорие

Строфа Здравствуй, здравствуй, дорогая,
Славен будь твой приход!
Столковались по тебе.
Страсть томила нас давно
Возратиться на поля.

590 Ты — наш клад, богатство наше, золотая Тишина!
Свет и счастье ты для всех,
Кто боронит, сеет, жнет!
Всеяким изобилием,
Милостью, щедротами

Нас благословила ты!

Ты — спасенье земледельца, каши ячневой горшок!

Низко кланяются лозы и смоковные побеги,

Все, что зреет, все, что зеленеет на земле,

Тебе шлет привет

600

И смеется!

Предводитель поселян

Только где ж она скрывалась столько долгих тяжких лет?

Ты, среди богов добрейший, расскажи нам, научи!

Гермес

К вам, хозяевам, почтенным земледельцам, речь моя.

Слушайте, чтоб знать и помнить, как погибла Тишина.

Начал Фидий злополучный, первый он нанес удар,

А затем Перикл. Боялся он невзгоды для себя.

Ваших прихотей страшился, ваши зубы злые знал.

Чтобы самому не сгнить, в город он метнул пожар.

Бросил маленькую искру — о мегарянах закон.

610

И раздул войну такую, что у эллинов глаза

Выжег дым до слез горячих. Плакал здесь народ и там.

Услыхав про это, лозы грозно начали шуметь,

В гневе бочки застучали, друг на дружку наскочив,

И конца не стало сваре. Так погибла Тишина.

Тригей

Слов таких, клянусь я Фебом, не слышал ни от кого.

Не догадывался даже, что якшался Фидий с ней.

Предводитель поселян

Не слыхал и я доселе. Значит, потому она

Так красива, что в родстве с ним. Многого не знаем мы.

Гермес

Вам подвластные тотчас же услышали Города,

620

Как, ощерив яро зубы, вы грызетесь меж собой.

Стали строить злые козни, испугавшись податей.

Тяжким золотом лаконских подкупили жожаков.

Те — бесчестны и корыстны, лицемерные друзья —

Подло выгнали богиню, жадно подняли войну.

Но и там богатых прибыль стала злом для поселян!

За отместкой полетели стаи наших кораблей
И сожрали у безвинных смоквы спелые в садах.

Т р и г е й

Поделом! Повырубали смоквы и в моем саду.
Посадил я их, взлелеял, вырастил своей рукой.

П р е д в о д и т е л ь п о с е л я н

630 Поделом, дружок, по праву! Ведь камнями они
Шестиведерную бочку у меня разбили в щепь.

Г е р м е с

А когда собрался в город, кинув нивы, сельский люд,
Невдомек, что продают их здесь и там одной ценой.
Сад растоптан виноградный, и маслин родимых нет,—
И на болтунов с надеждой стал глядеть бедняк. А те
Знают, что для них находка — нищий и без сил народ,
И дрекольем двуязычным прочь прогнали Тишину.
Та частенько возвращалась, нашу родину любя,
А они купцов союзных, словно яблоню в саду,
640 Обколачивали палкой с визгом: «Он Брасиду друг!»
Вы ж бросались на оиадки и скулили, как щенки.
Побледневший, изможденный, город в ужасе поник,
Жадно клевету любую проглотить он был готов.
А союзники, увидев, как терзают их и бьют,
Стали золотом червонным засыпать горланам рот.
Страшно те разбогатели. Обнищала вся страна.
Ничего-то вы не знали. А кожевник был во всем
Виноват.

Т р и г е й

Гермес владыка! Помолчи, не называй!
Под землей, куда ушел он, не тревожь его, оставь!
650 Он уж стал теперь не нашим, он тебе принадлежит.
Все, что про него ты скажешь,
Что плутом он жил негодным,
Болтуном, лгуном, пройдохой,
И задрыгой, и задирой,—
Это все сейчас ты скажешь
Про клеветы своего.

Хор пляшет.

Тригей

(обращаясь к Тишине, стоящей неподвижно)

Но ты-то почему молчишь, владычица?

Гермес

Не подарит она ни слова зрителям:
За муки все она на них разгневана.

Тригей

660 Так пусть с тобой поговорит хоть чуточку!

Гермес

Что думаешь о них, скажи мне, милая,
Красавица, Доспехов Ненавистница!
(Как бы перешептывается с Тишиной.)
Так, слышу, слышу. Жалуешься? Понял все!
Узнайте, почему она так сердится:
Сама она пришла к вам после Пилоса
С котомкой, договоров полной доверху.
Над ней в Собрание трижды насмеялись вы.

Тригей

Мы согрешили, верно. Но уж ты прости!
Ушел у нас весь разум в кожу в те поры.

Гермес

670 О чем сейчас меня спросила, слушайте!
(Как бы пошептавшись с Тишиной.)
Из здешних кто ей самый беспощадный враг
И кто ей друг и битв противник яростный?

Тригей

Всех больше ненавидит Клеоним войну.

Гермес

А в деле боевом слывет каким у вас
Вот этот самый Клеоним?..

Т р и г е й

Душою храбр,
Зато не сын он вовсе своего отца.
Подкидыш он, чуть попадет в сражение,
Подкидывает щит свой обязательно.

Г е р м е с

Еще о чем меня спросила, слушайте!
(С тою же игрой.)

680 На Пниксе кто сейчас владеет кафедрой?

Т р и г е й

Гипербол свил гнездо себе на месте том.
Но что с тобою? Вертишь головой зачем?

Г е р м е с

Да, отвернулась. Ей презретен город ваш
За то, что проходимца вожаком избрал.

Т р и г е й

За ним никто и не идет. Но город наш
Сейчас остался без опеки, сир и гол,
И с горя проходимцем препоясался.

Г е р м е с

А городу какая ж в этом выгода?

Т р и г е й

В Совете нам полезен он.

Г е р м е с

Но как, скажи?

Т р и г е й

690 Да, видишь: ламповщик он. До него в делах
Порой впотьмах блуждали мы и ошупью,
Сейчас же все решаем в чадном дыме ламп.

Гермес
(как бы пошептавшись с Тишиной)

Ого-го!

О чем сейчас велела мне спросить.

Тригей

О чем?

Гермес

О многом старом, что она оставила.
Во-первых, о Софокле. Как он здравствует?

Тригей

Здоров. Но с ним творятся чудеса.

Гермес

А что?

Тригей

Да из Софокла вдруг он Симонидом стал.

Гермес

Как Симонидом?

Тригей

Старец и дряхлец, пошел
Он за наживой в море на соломинке.

Гермес

А жив Кратин хитрейший?

Тригей

700

Умер он в тот год,
Как был набег спартанцев.

Гермес

Умер как?

Тригей

Да так!

Свалил удар. Разбилось сердце старое,
Когда с вином бочонок стали в щепы бить.
(Обратившись к Тишине.)

А сколько бедствий город испытал других!
Нет, никогда с тобой мы не расстанемся!

Гермес

Так что же. В жены Жатву ты возьми себе,
На хуторе живи с ней, чтоб росли у вас,
Цвети и зрели грозди виноградные!

Тригей

(обнимает Жатву)

710 Так подойди ж и дай поцеловать тебя,
Красотка! Вредно, думаешь, Гермес-дружок,
Поспать мне будет с Жатвой после долгих лет?

Гермес

Нет, коль запьешь настойкою полынною.
Возьми с собой и Ярмарку. И отведи
Ее в Совет. Там место ей законное!

Тригей

Совет, блаженство ждет тебя с женой такой!
Какая будет выпивка трехдневная,
Жратва какая: почки, пышки, потрохи!
Гермес дражайший, будь здоров!

Гермес

И ты, прощай!
Дружок, будь весел и не забывай меня!

Тригей

(собираясь в путь)

720 Эй, жук! Сюда! Пора лететь домой, домой.

Гермес

Нигде жука не видно.

Тригей

А куда ушел?

Гермес

Впряженный в колесницу Зевса, молнии
Влачит.

Тригей

Бедняга! Чем же он прокормится?

Гермес

Сыт будет Ганимедовой амвросией.

Тригей

А как мне вниз спуститься?

Гермес

Не робей! Вот здесь
Сойдешь, с самой богиней рядом.

Тригей

(к Жатве и Ярмарке)

Милые!

Сюда за мной скорей идите! Многие
Вас ждут, желаньем налитые сладостным.

Тригей и нимфы спускаются вниз и покидают оркестру. Хор остается один.

ПАРАБАСА

Предводитель поселян

Так иди же с весельем на радость! А мы отдадим на хранение
слугам

730 Нашу утварь, наряд маскарадный. Народ непутевый толпится
у сцены.

Здесь воришек не счесть. Так и шарят, чего б утащить им и чем
поживиться.

В оба глаза добро караульте! А мы обратимся к собравшимся
с речью,

Скажем зрителям все, что пришло нам на ум, и пройдемся
дорогами мыслей.

Надзиратели палкой должны б были бить комедийных поэтов,
 что смеют,
 Выходя, пред театром себя восхвалять в анапестях и хвастать
 бесстыдно.
 Но когда справедливо, о Зевсова дочь, превосходного славить
 поэта,
 Кто соперников всех в комедийной игре одолел, став любимцем
 народа,
 То тогда наш учитель высокой хвалы и славнейшей награды
 достоин.
 Из поэтов один он противников всех уничтожил, кропателей
 жалких,
 Кто над хламом тряпичным смеяться привык, кто со вшами
 отважно воюет,
 740 И Гераклов прогнал он с разинутым ртом, вечно жрущих и
 вечно голодных,
 Он с бесчестием выкинул их, от беды он избавил рабов
 горемычных,
 Суесящихся, строящих плутни везде, а в конце избиваемых
 палкой,
 Чтобы раб-сотоварищ их мог поддразнить, над побоями зло
 насмехаясь:
 «Ах, бедняк, это кто ж изукрасил тебя? Или с тылу с великою
 ратью
 На тебя навалилась треххвостка? Иль ты к лесорубам попал
 в переделку?»
 Вот такую-то рухлядь и пакостный вздор, болтовню балаганную
 эту
 Уничтожил поэт, он искусство свое возвеличил до неба, как
 башню
 Из возвышенных мыслей, из важных речей, из тончайших, не
 гаерских шуток.
 750 Не на мелких мещан, человечков пустых, ополчился поэт, не на
 женщин,
 Но с Геракловым мужеством в гневной душе он восстал на
 великих и сильных.
 Перебрел чрез ужасный, кожевенный смрад, через злости
 вонючей угрозу
 И без трепета с первых шагов поднялся на чудовище с пастью
 клыкастой.

На зверюгу. Страшней, чем у Кинны, глаза у него, словно
 плошки, пылали,
 А вокруг головы его лижущих сто языков, сто льстецов
 извивались.
 Его голос ревет, как в горах водопад, громыхающий, гибель
 несущий,
 Он вонюч, словно морж, и задаст, как верблюд, как немая
 Ламия, грязен.
 Я взглянул на него, не дрожа, не страшась, я вступил с ним
 в смертельную битву.
 760 Из-за вас и союзных иных островов я боролся. Зато
 справедливо,
 Чтобы вы благодарными были сейчас, чтобы помнили старую
 дружбу.
 Я и в прежние годы, в счастливые дни, никогда по палестрам
 не шлялся,
 Угощая красивеньких мальчиков. Нет, я домой убежать
 торопился.
 Редко скучен бывал я, забавен всегда, угодить постоянно
 стараясь.

Потому-то должны вы друзьями мне быть,
 Старики и мужчины и мальчики все,
 А вдвойне и особо плешивых прошу
 Посодействовать мне и в победе помочь.
 А когда победить мне удастся сейчас,
 На пирах, на попойках кричать будут все:
 770 «Дать плешивому это, плешивому то,
 И сластей, и орехов! Не жаль ничего
 Для него, кто храбрее и доблестней всех,
 Для поэта с блистательной плешью!»

Первое полухорне

Ода Муза, забудь про войну,
 К дружку своему подойди,
 Пропляши со мною!
 Воспой ныне
 Свадьбы богов, пиры героев,
 Игры блаженных прославь!
 780 Таков удел твой издавна.
 Если же Каркин подойдет,

Будет молить попласать с его сынами,
Не поддавайся, не верь,
Льстивых не слушай просьб!
Все они — помни твердо —
Пигалицы, плясуны-головастики,
790 Карлики, козий помет, катышки, штукар-машинисты.
Сам их родитель признался, что с муками
Им порожденную драму
Утащила кошка.

Второе полухорие

Антода *Пышноволосых Харит*
Заветные песенки пусть
Песенник искусный
800 *Затянет в весенние дни, когда, щебеча,*
Ласточка лепит гнездо,
И Морсим не водит хоров,
И Мелантий молчит. Слыхал я
Мерзостный голос, визжащий.
В хоре трагическом шел
Он и почтенный братец,
Оба с Горгошьим зубом,
Лакомки, гарпии, жрущие камбалу,
810 *Хахали гнусных старух, побирашки с козлиным*
зловоньем.
В рожу плюнь им густою блевотиной,
Муза-богиня! Со мною
В пляс пустись веселый!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Тригей со своими спутницами спускается на землю и появляется у ворот своего дома.

Тригей
(зрителям)

820 Не шутка с неба пряником сойти сюда!
Признаться вам, колени ломит здорово!
Малюсенькими сверху вы казались мне.

Эй, люди, с неба поглядеть — ничтожны вы,
А снизу глядя — во сто крат ничтожнее.

Р а б Тригеля выбегает ему навстречу.

Р а б

Мой господин, вернулся?

Т р и г е й

Говорят, что да.

Р а б

А что с тобою было?

Т р и г е й

Ноги долгий путь

Перестрадали.

Р а б

Расскажи нам!

Т р и г е й

Что сказать?

Р а б

Встречал ли ты, чтоб кто-нибудь другой, как ты,
По небесам шатался?

Т р и г е й

Нет. Блуждали там
Две-три души певцов дифирамбических.

Р а б

А для чего?

Т р и г е й

830

Запевки крали в воздухе
Весенне-вейно-мглисто-серебристые.

Р а б

Скажи, а правду говорят, что на небе,
Когда умрем, становимся мы звездами?

Т р и г е й

Все правда!

Р а б

Кто же там звездой сделался?

Т р и г е й

Хиосец Ион. Воспевал и прежде он
«Звезду-депшицу». Как скончался, на небе
Его прозвали все «Звездой утренней».

Р а б

840 А что это за звезды? Полосой огня
Они скользят по небу?

Т р и г е й

Возвращаются
От богача-звезды с пирушки звездочки
С фонариками, и огонь в фонариках.
(Передаст рабу нимфу Жатву.)
Теперь вот эту проводи скорее в дом!
Ополосни лоханку, вскипяти воды
И с нею ложе постели мне брачное.
А, выполнив приказ мой, возвратись сюда!
А я в Совет вот эту проведу сейчас
(Показывает на Ярмарку.)

Р а б

Откуда взял девчонок?

Т р и г е й

Пряником с небес.

Р а б

Не дам я и полушки за богов теперь,
Они, как мы здесь, своднями заделались.

Т р и г е й

850 Да, кое-кто живет и в небе с этого.

Р а б
(Жатве)

Пойдем теперь.

(Тригею.)

Скажи лишь, чем кормить ее

Мы будем?

Т р и г е й

Да ничем. Не станет есть она
Ни толокна, ни хлеба. У богов вверху
Она лизать амвросию приучена.

Раб уводит Жатву в дом.

Р а б

Что ж, полизать найдется для нее и здесь.

Первое полухорие

Строфа Глядите сюда, какой
Счастливейший жребий ждет
860 Достойного старца.

Т р и г е й

А скоро женихом меня увидите блестящим!

Первое полухорие

Старик, ты завиден нам.
Ты юность вернешь себе,
Лоснящийся маслом!

Т р и г е й

Еще бы! А когда к груди прижму красотку Жатву...

Предводитель хора

Блаженней будешь, чем волчки, чем Каркиновы чада!

Т р и г е й

И по заслугам. Это я
Жука-навозника взнуздал,
Спасенье элинам принес,
Чтоб все могли по деревням,
Не зная страхов, ночь насквозь
Играть и баловаться.

Р а б
(возвращается)

870 Помыта спереди и сзади девочка.
Пирог спечен. Коврижки подрумянены.
Готово все, как есть. За женихом черед!

Т р и г е й

Но Ярмарку должны мы отвести сперва
И передать Совету.

Р а б

Это кто ж еще?
Та самая, с которой во Бравроне мы
Гуляли, нагрузившись молодым вином?

Т р и г е й

Та самая, добытая в трудах.

Р а б

Ой-ой!

Не зад у ней, а праздничное шествие!

Т р и г е й
(зрителям)

Эй, кто здесь честный человек? Кому вручить
На сбереженье эту вот красавицу?
(Рабу, который возится около Ярмарки.)
А ты чего тут крутишься?

Р а б

880 На Истмнях
Хочу занять палатку для приятеля.

Т р и г е й
(зрителям)

Никто в опекуны не вызывается?
(К Ярмарке.)
Иди сюда! Народу передам тебя.

Р а б

Кивнул ей кто-то.

Т р и г е й

Кто же?

Р а б

Арифрад кивнул.

Он хочет занять ее.

Т р и г е й

Подлец, да он

Ее обгложет, обсосет, как косточку.

(К Ярмарке.)

Но ты сперва на землю одежонки скинь!

Совет, пританы! Перед вами Ярмарка!

Взгляните, что за сладость вам вручается,

Раздвинуть ножки стоит лишь пемножечко,

890. Для жертв местечко сразу приоткроется.

А тут, глядите, славная жаровенка.

Р а б

Понятно, почему она закопчена.

Здесь до войны Совет пыхтел над вертелом.

Т р и г е й

А с Ярмаркою сможете вы завтра же

Устроить состязанья превосходные.

На четвереньках, на коленках, бок о бок,

Стоймя стоять, бороться врукопашную

И, умастившись, как бойцы кулачные,

По-молодецки драться, жать, долбить, дробить.

900. На третий день устройте ристания.

На ездока наскочит на лету ездок.

Повозка на повозку рухнет с грохотом,

Помчатся, задыхаясь, тяжело храпя,

И здесь и там возницы, ниц простерты,

Без сил, в бесчестье будут у меты лежать.

Эгей, пританы, получайте Ярмарку!

Гляди, как принял радостно притан ее,

Что значит — не с пустою приходит рукой

К начальству! А не то проходишь без толку.

Второе полухорие

Ангистрофа ⁹¹⁰ Чудеснейший малый он!
Всем гражданам верный друг
Тригей наш любимый!

Тригей

Меня оцените вполне,
Когда созреет жатва.

Второе полухорие

Сейчас уже ясно все.
Спасителем родины
Тебя почитаем!

Тригей

Что скажешь, нового вина хмельной глоток
отведав?

Предводитель хора

Вслед за богами величать тебя мы будем первым.

Тригей

Да, вашей стою похвалы.
Я из Афмонии Тригей,
⁹²⁰ Избавил я от горьких зол
Весь бедный люд
И деревенский весь народ,
Гипербола сразивши.

Хор пляшет.

Раб

Все хорошо! Теперь что станем делать мы?

Тригей

Как что? Кувшины в жертву принесем мы ей.

Раб

Кувшины? Как Гермесу захудалому?

Т р и г е й

Прикажешь с боем привести быка для ней?

Р а б

Не надо боем! С боем мы покончили.

Т р и г е й

Тогда свинью упитанную?

Р а б

Нет!

Т р и г е й

А что?

Р а б

Получится так свинство Феагеново.

Т р и г е й

Кого же взять нам напоследок?

Р а б

Нетеля.

Т р и г е й

Как нетеля?

Р а б

Ну да!

Т р и г е й

Уж очень дикое

930

Словечко!

Р а б

В самый раз. Когда в Собрании
Начать войну предложат заседатели,
Тут все со страху замычат: нет, нет, нет, нет.

Т р и г е й

Сказал ты дельно.

Р а б

Станут все любезными

И кроткими друг с другом, словно телочки,
С союзниками сделаются ласковы.

Т р и г е й

Так приходи сюда скорее с петелем!

Тригей и раб спешат в дом.

П е р в о е п о л у х о р и е

Строфа Как ладится счастливо все, если бог захочет!
Как по маслу идет, все растет и растет
940 Наше дело и к сроку спорится!

Т р и г е й

(*возвращаясь*)

И верно! Вот уже стоит алтарь перед дверями.

П е р в о е п о л у х о р и е

Поспешите, пока он силен,
Этот ветер, навстречу войне,
Что послал нам бог милосердный!
Видно явно, на счастье теперь
Изменилась судьба и на радость.

Т р и г е й

Вот вам корзина с ячменем! Вот вам топор и ленты!
Горит огонь. Готово все. Телка лишь не хватает.

П е р в о е п о л у х о р и е

950 Спешите, торопитесь, эй!
Не то увидит вас Херид.
Незванным прилетится он.
В дуду дудеть, свистеть, потеть
Начнет он — знаю хорошо,—
Пока не поколотят.

Т р и г е й

Возьми корзину в руки и кропильницу
И посолонь проворно обойди алтарь,
960 Сам окропись и передай кропило мне!

Р а б

Готово! Обошел я. Дальше делать что?

Т р и г е й

Вот факел, живо в воду окуни его!
И широко маши им! Ты ж ячмень возьми
И зрителей осыпь зерном!

Р а б

Готово все!

Т р и г е й

Все сделал?

Р а б

Да, Гермес свидетель, сделано!
В театре сколько ни собралось зрителей,
Ни одного нет, кто б сидел без семени.

Т р и г е й

И женщинам досталось?

Р а б

Нынче вечером

Мужья им всыпят!

Т р и г е й

(восклицает торжественно)

Ну, тогда помолимся!
Кто здесь собрался? Где благочестивый сонм?

Р а б

970 Уж я полью их, сей благочестивый сонм!

Т р и г е й

Считаешь этих ты благочестивыми?

Р а б

Да. Сколько ведер мы на них ни вылили,
Стоят, как пни, и с места не шелохнутся.

Т р и г е й

Теперь скорей помолимся!

Р а б

Помолимся!

Т р и г е й

Пресвятая богиня, царица небес,

Госпожа Тишина!

Хороводов владычица, свадеб вожак,

Нашу мирную жертву с любовью прими!

Р а б

Да, красавица наша, с любовью прими,
Зевс свидетель! И брать не подумай пример

980 С похотливых, блудливых девчонок! Они
Створку чуть приоткрывши, за дверью стоят
И, головку просунув, глядят плутовски.
Только стоит им сердце отдать хоть на миг,
Убегают тотчас.

А пройдешь, снова выглянут, снова зовут.

С нами так никогда не играй, госпожа!

Т р и г е й

Нет, во всем обаянье чудесной красоты

Дай счастливым влюбленным глядеть на тебя!

990 Десять лет и три года в тоске и слезах

Мы зывали к тебе.

От усобиц избавь нас, от свары и драк,

И тебя назовем мы — «Довольно Войны»!

Подозрительность злую сними с наших душ,

Прекрати болтовню,

Под обличьем красивым грызущую нас,

Соком дружбы взаимной, прощением обид

Напой, как и встарь,

Нас, прекрасной Элады счастливый парод!

В наше сердце веселую кротость пролей!

Рынок весь нам доверху добром завали!

1000 Ранним яблоком, луком мегарским, ботвой,

Огурцами, гранатами, злым чесноком,

1010

Рубашонками маленькими для рабов.
Беотийцев увидеть позволь нам опять
С куропатками, с кряквами, с гусем, с овцой,
Пусть в корзинках притащат копейских угрей,
А кругом мы толпимся, кричим, гомоним,
Рвем из рук и торгуемся. Жмутся к лоткам
Знаменитые лакомки: Морих, Телей
И Главкет. Напоследок Меланфий грядет:
Он на рынок приходит всех позже. Увы!
Все распродано. Стонет и плачет бедняк
А потом из «Медеи» протяжно вопит:
«Все погибло, погибло! И я — сирота!
Сельдереевы дети, о, где вы, о, где?
Люди добрые смотрят, смеются».
Так соверши по нашему молению,
Любимая!

Р а б
(Тригею)

Топор возьми! По-поварски
Зарежь овцу!

Т р и г е й
Никак нельзя!

Р а б

А почему?

Т р и г е й

1020

Резни не любит Тишина-владычица,
Ее алтарь не терпит крови. В дом зайди,
Там заколи и вынеси нам окорок!
А эту для хорсга сохраним овцу.

Раб уходит в дом.

Предводитель поселян
Перед дверьми останься сам и выполни что надо!
И дрова наколи, и костер наложи,
Весь обряд соблюди, как пристало!

Т р и г е й

Ну не по-жречески ль, гляди, накладываю хворост?

В т о р о е п о л у х о р и е

Ангистрофа Ну еще бы! На все ты мастак!
Ты во всем расторопен и мудр,
1030 Не под силу не знаешь труда.
Ловок ты и хитер, а беду
Ты встречаешь с отважной душой.

Т р и г е й

Огонь занялся, запылал. Назло Стильбидам разным
Сейчас алтарь я принесу. Без слуг мы обойдемся.

В т о р о е п о л у х о р и е

Ну кто не воздаст хвалы
Герою, трудов и жертв
Так много принесшему,
Чтоб город святой спасти?
Навеки будет он для всех
Завиднейшим примером!

Хор пляшет.

Э П И С О Д И Й Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

Р а б

(возвращается с говядиной)

1040 Все сделано! Клади на угли окорок,
А я за сердцем сбегаю и потрохом!

Т р и г е й

Уж я-то справлюсь! Что же он копается!

Р а б

(прибегает)

Да вот он — я! Признайся, разве мешкаю?
Теперь поджарим мясо. Погляди, идет

Какой-то щеголь, лаврами увенчанный.
Кто б это был? По виду он — бахвал и шут,
Пророк как будто?

Т р и г е й

Нет же, просто Иерокл,
Гадатель из Орея.

Р а б

Самолично он.
Послушаем, что скажет!

Т р и г е й

Дело ясное:
Кричать он станет против перемирия.

Р а б

1050 Да нет, почувял, что запахло жареным.

Т р и г е й

Прикинемся, что мы его не видим!

Р а б

Да.

Иерокл входит. Тригей и раб заняты жертвоприношением.

И е р о к л

Кто жертвы здесь приносит и каким богам?

Т р и г е й
(рабу)

Молчи и жарь! И жира отгрызать не смей!

И е р о к л

Кому здесь жертва? Скажите!

Т р и г е й

Спекся курдюк?

Хрустит?

Р а б

И как! О Тишина любезная!

И е р о к л

Тогда отрежь початок и отведай дай!

Т р и г е й

Пускай еще пожарится!

И е р о к л

Сойдет и так!

Готово!

Т р и г е й

Нос не суй, куда не прошено!

(Рабу.)

Теперь разрежь! Где жертвенник? Неси вино!

И е р о к л

Язык отдельно режут.

Т р и г е й

1060

Знаем сами все.

Ты вот что сделай!

И е р о к л

Что же?

Т р и г е й

Перестань болтать!

Приносят жертву Тишине и Миру здесь.

И е р о к л

(торжественно)

Смертные, вас охватило безумие.

Т р и г е й

Сам ты помешан!

И е р о к л

Темен ваш разум, богов вы не чувствуете воли державной,
Мир заключаете с племенем дико глядящих мартышек.

Т р и г е й

Ха-ха!

И е р о к л

Чего смеешься?

Т р и г е й

Над мартышками.

И е р о к л

Вы, простодушные горлицы, верите хитрым лисицам.
Ложь у них в сердце, и ложь у них в мыслях.

Т р и г е й

Хотя б прокоптился

В глотке твоей бестолковый язык, как вот это жаркое!

И е р о к л

1070 Ежели не обманули Бакида священные нимфы,
Или же смертных Бакид, иль опять-таки нимфы Бакида...

Т р и г е й

В баки получишь, гляди, перестань завывать о Бакиде!

И е р о к л

Боги еще не велят Тишину от неволи избавить
Прежде чем, раньше чем, дондеже...

Т р и г е й

Пресно! Насыпь еще соли!

И е р о к л

(продолжает возвещать)

Нет, не угодно блаженным богам, чтобы миром и дружбой
Спор вы покончили прежде, чем волк обручится с овцою.

Т р и г е й

Врун распроклятый! Да как это волк обручится с овцою?

И е р о к л

Знай, пока, в бегстве спасаясь, куница смердит

тошнотворно,

И непорожня сука щенится слепыми щенками,

1080 Вам до тех пор не дозволено мир заключить нерушимый.

Т р и г е й

Что же нам делать? Друг с другом вести бесконечные
войны?
Или уж бросить нам жребий, кто больше претерпит
мученья?
Мы ведь могли бы, связавшись в союз, всей Элладою
править.

И е р о к л

Нет же, ползти напрямик никогда не понудишь ты рака!

Т р и г е й

Нет, в Пританее обедать тебе никогда не придется,
Так и того, что свершили мы, ты уж назад не воротишь!

И е р о к л

Помни, ежа никогда вам колючего мягким не сделать!

Т р и г е й

Иль никогда ты не кончишь афинян бахвальством
дурачить?

И е р о к л

А по какому же слову богам вы приносите жертвы?

Т р и г е й

1090 Слово чудесное это старинный Гомер заповедал:
«Грозную тучу войны отогнали они и призвали
Вновь Тишину и с богатыми жертвами к ней обратились.
Тучные бедра сожгли они, сердца и легких вкусили
И возлияли вина. Был вожатым я в шествии славном!
Но прорицателю кубка никто не поднес золотого».

И е р о к л

С этим отнюдь не согласен. Не так возвещала Сивилла.

Т р и г е й

1100 Правильно, Зевс мне свидетель, великий Гомер заповедал:
«Проклят, поруган и прогнан да будет навек окаянный,
Кто возлюбил смертоносную междоусобную распрю».

И е р о к л

Бдителен будь, берегись, чтобы ястреб даров не похитил,
Хитро тебя обманув...

Т р и г е й
(рабу)

Стерегись хорошенько от вора!
Явно опасно говядине нашей пророчество это.
Чашу наполни вином, потроха передай мне и сердце!

И е р о к л

Чашу наполни и мне и отведать позволь мне жаркого!

Т р и г е й

Нет, неудобно еще это сонму богов непорочных!
Будем сперва возлиять мы. А ты — уходи поздорову!

И е р о к л

Ну, если так, самому управляться придется мне, видно!

Т р и г е й

Вот — возлияние, вот — возлияние!

И е р о к л

Вот — возлияю и я!

Т р и г е й

Берегись! Получай к возлиянью!

И е р о к л

Живо язык мне подай!

Т р и г е й

1110

Со своим убирайся подальше!
О Тишина, ненаглядная! С нами навеки останься!

И е р о к л

Кто ж поднесет мне жаркого?

Т р и г е й

Никак поднести невозможно!
Нет тебе потрохов, прежде чем волк обручится с овцою.

И е р о к л

Вот я коснулся колен твоих!

Т р и г е й

Молишь напрасно, бедняга!
Знаешь, ежа никогда нам не сделать колючего мягким.
(Обращается к собравшемуся в театре народу.)
Эй, зрители, сюда! Здесь угощение вам
Готово.

И е р о к л

1120 Как же я?

Т р и г е й

А ты — Сивиллу жуй!

И е р о к л

Клянусь Землею, вам не пировать одним!
И я урву жаркого! Дело общее!
(Пытается утащить кусок. Тригей бьет его.)

Т р и г е й

Луни Бакида!

И е р о к л

(зрителям)

Вас зову в свидетели!

Т р и г е й

И я. Ты — вор, обжора и дрянной бахвал!
(Рабу.)

Луни его! Дубась бахвала палкою!

Р а б

Сам колоти! Я вышелушу подлого,
Как луковицу из кожур, которые

У нас украл святоша! Раздевайся, эй!
Слышал, ворона мерзкая орейская!
Лети назад, в Элимний! Торопись! Эй-ей!

Тригей и раб бьют Иерокла. Тот убегает. Они его преследуют и оставляют оркестру.

МАЛАЯ ПАРАБАСА

Первое полухорие

Ода Хорошо, хорошо!
Шлемов больше не видать!
Лука нет и сыра нет!
1130 Не любитель я войны.
То ли дело у огня

С тем, кто мил, с тем, кто друг и сосед,
Проводить вечерок, наколов
Жарких и сухих дровец,
За лето прогревшихся.
Греть у угольков орешки
И поджаривать жгуточек.
И служанку целовать,
Благо дома нет жены.

Предводитель первого полухория

*Эпир-
рема* 1140

Что милей всего на свете? Если славно кончен сев,
Небо дождик посылает и сосед нам говорит:
«Чем бы нам таким заняться, друг Комархид, отвечай!»
Выпить хочется мне, вот что! С неба шлет ненастью бог!
Женка, эй, бобов отсыпь нам полные пригоршни три,
И муки прибавь пшеничной, и маслин не пожалей!
И Манета пусть покличет Сира с улицы домой.
Все равно ведь невозможно нынче лозы подрезать
И окапывать напрасно: землю дождик промочил.
Пусть пошлют за перепелкой, двух тетерок принесут!
1150 Дома есть хмельная брага и зайчины три куса,
Если только прошлой ночью не стащила кошка их:
Что-то очень уж стучало, колобродило в сениях.
Два куса неси нам, мальчик, третий дедушке оставь!
Ветку мирт у Эсхинада попроси, да чтоб в цвету!

Заодно и Харимеда по дороге пригласи!
С нами пусть он нынче выпьет!

Посылает бог удачу
Нашим нивам и садам.

Второе полухорие

Ангода 1160

В дни, когда луг звенит
Песней милою цикад,
Я разглядывать люблю,
Не налились ли уже
Грозди лоз с Лемноса.
Прежде всех зреет плод этих лоз.
А потом горстку фиг с ветки рву,
Спелость пробую на вкус.
Фиги тают, так сочны!
«Оры милые» пою я,
И настоечку хлебаю,
И за лето становлюсь
1170 Жирен, гладок и лоснист.

Предводитель второго полухория

*Антэпир-
рема*

Это лучше, чем военным любоваться (чтоб он сдох!),
С гребнями тремя на шлеме, в алом пламенном плаще:
«Крашен плащ,— бахвал клянется,— в Сардский пурпур,
в чистый цвет».

Но когда придется драться в этой пурпурной красе,
Тут окрасится накидка в самый подлый рыжий цвет.
Первым франт несется с поля, словно рыжий конь —
петух,

Я, как птицелов, глазею. Все три гребня враз дрожат,
А когда домой вернутся, шутки дикие творят.
В список призывной внесут нас, после вычеркнут опять,
1180 Впишут снова, дважды, трижды. Тут кричат: в поход
идем!

А еды не закупили. Ведь не знали ни про что.
К Пандионовой колонне подлетишь и, тут себя
В призывном увидев списке, с горькой злобою уйдешь.
Так-то нас они терзают, сельский люд и городской.
Эти трусы — щитобросы — людям и богам враги.
С ними, если Зевс позволит, расквитаемся за все!

Нам от них беда и слезы,
Львы они в кругу домашнем,
1190 Хитролисы на войне!

Хор пляшет.

Э П И С О Д И Й П Я Т Ы Й

Т р и г е й выходит из дверей дома, за ним — слуги.

Т р и г е й

Иу, ну!

На свадьбу, на пирушку привалил народ.

Возьми султаны эти, обмети столы,

А ни на что другое не годны они.

Перепелов неси сюда и рябчиков,

Тащи зайчины, кулебяку пшеничную!

Собирается народ. Входят Кузнец и Горшечник.

К у з н е ц

Где, где Тригей?

Т р и г е й

Да здесь я! Жарю рябчиков.

К у з н е ц

Тригей, дружок любезный! Сколько радости

Принес ты нам, вернувши Тишину! Никто

1200 И за полушку кос не покупал у нас.

А нынче за пять драхм я продаю косу.

А тот три драхмы за кувшин с селян берет.

Прими ж в подарок лучшую косу, Тригей,

Кувшин возьми, бери и это! Даром все!

Мы разжились в торговле. И за то теперь

К тебе пришли на свадьбу с подношеньями.

Т р и г е й

Спасибо! Все сложите и идите в дом!

Уходят Кузнец и Горшечник. Входит Оружейник с Копейщиком.

Спешите на пирушку! Поглядите-ка:
Подходит оружейник. Он ужасно зол.

О р у ж е й н и к

1210 Ай-ай, Тригей! Меня ты разорил дотла!

Т р и г е й

Чего ты, горемыка? Шлемом рвет тебя?

О р у ж е й н и к

И ремесла и хлеба ты лишил меня
И вот его, и мастера конейщика!

Т р и г е й

За эти два султана сколько просишь ты?

О р у ж е й н и к

А сколько дашь?

Т р и г е й

Что дам? Мне, право, совестно,
Но, чтоб над вязкой не трудиться веников,
Три мерки фиг за оба дам и со стола
Теперь сметать я буду сор султанами.

О р у ж е й н и к

1220 Зайди во двор и фиг три мерки вынеси!
Ведь лучше что-нибудь, чем ничего, дружок!

Тригей метет стол султанами и потом кидает их сердито.

Т р и г е й

Прочь убери, к воронам, этот подлый хлам!
Да из твоих султанов лезут волосы.
За эту дрянь и фиги я не дам тебе!

Бьет Оружейника. Тот убегает. Вбегает П а н ц и р щ и к.

П а н ц и р щ и к

Куда ж девать мне панцирь замечательный?
С роскошною чеканкой, в десять мин ценой?

Т р и г е й

На панцире убытка не потерпишь ты.
За ту же цену у тебя куплю его.
Отлично, как стульчак он пригодится мне.

П а н ц и р щ и к

Не издевайся, дерзкий, над моим добром!

Т р и г е й

1230 Сюда еще три камешка — и кончено!

П а н ц и р щ и к

Невежа! Как же подтираться думаешь?

Т р и г е й

Вот так просуну руку через скважину,
А этак вот другую.

П а н ц и р щ и к

Через обе?

Т р и г е й

Да!

У кораблей не занимать же скважину!

П а н ц и р щ и к

Уплатишь ты за нужник десять мин, чудак?

Т р и г е й

Еще бы! Зевс свидетель! Что ж ты думаешь,
Мне десять тысяч драхм дороже задницы?

П а н ц и р щ и к

Иди ж и деньги принеси!

Т р и г е й

(вскакивает)

Постой, дружок!

Жмет в мягком месте. Не куплю! Пошел! Пошел!

Бьет Панцирщика. Панцирщик убегает. Вбегает Труба с трубою в руках.

Т р у б а ч

1240 А с этой боевой трубой что делать мне?
Ведь за нее отдал я шестьдесят пять драхм.

Т р и г е й

Сюда в воронку жидкого свинца нальем,
Прицепим сверху небольшую палочку,
И коттаб превосходнейший получится.

Т р у б а ч

Ты все смеешься?

Т р и г е й

Вот тебе другой совет:
Налей свинца в воронку, как указано,
Привесь на кончик грузило, бечевкою
Перевяжи как следует, получится
Безмен, чтоб фиги домочадцам взвешивать.

Бьет Трубача. Тот убегает. Вбегает Ш л е м щ и к.

Ш л е м щ и к

1250 Меня зарезал без ножа, чудовище!
Я заплатил когда-то мину целую
За эти шлемы. А теперь? Кому продам?

Т р и г е й

Ступай и шлемы предложи египтянам!
Слабительное будут в нем размешивать.

Входит К о п е й щ и к.

К о п е й щ и к

Ой-ой, торговец шлемами! Погибли мы!

Т р и г е й

А с ним какая же беда?

К о п е й щ и к

Смешной вопрос,
Кому же может пригодиться шлем теперь?

Т р и г е й

Такие вот приделай рукоятки к ним,
Пойдет товар гораздо лучше, верь мне, друг!

Ш л е м щ и к

Пойдем, копейный мастер!

Т р и г е й

Погоди сперва!

1260 Хочу я эти копыя у него купить.

К о п е й щ и к

А сколько дашь?

Т р и г е й

Перепили их надвое.

Возьму для частокола по сто штук за грош.

К о п е й щ и к

Уйдем, мой друг, над нами издеваются!

Уходят.

Э П И С О Д И Й Ш Е С Т О Й

Из дома выходят ребяташки.

Т р и г е й

Гостей моих сынишки, глянь, идут сюда,
Чтобы отлить. Да заодно испробовать
Те песни, что решили на пирушке спеть.
Эй-эй! Мальчишка! Что пропеть ты думаешь?
Поди ко мне, послушать дай мне песенку!

С ы н Л а м а х а

(поет)

«Воинов вооруженных поем мы...»

Тригей
(прерывает его)

Постой, погоди ты!
«Воины вооруженные» сгибли. О чем же поешь ты?
Ведь Тишина возвратилась в страну. Что за глупый
невежда!

Сын Ламаха
(продолжает)

«Только друг к другу они подошли, устремляясь на битву,
Тотчас же сшиблись щитами и медью доспехов звенящих».

Тригей

Что еще, «сшиблись щитами»! Чтоб мне о щитах и не
слышать!

Сын Ламаха
(продолжает)

«Воинов вопли раздались, а там — ликования крики...»

Тригей

Это что? «Воинов вопли»? Клянусь Дионисом, завоешь,
Если о воплях ты будешь мне петь и о меди звенящей!

Сын Ламаха

Ну, так о чем запеть? Подскажи мне, чего ты желаешь?

Тригей

1280 Да хоть о том, как «быков закололи они», и так дальше.

Сын Ламаха
(поет)

«После быков закололи они, распрягли утомленных
Коней, дымящихся потом. Насытившись тяжелой войною...»

Тригей

Славно! «Войною насытившись, приналегли на жаркое».
Это вот пой, как, насытившись, жрали и допьяна пили!

Сын Ламаха
(поет)

«Но, отдохнувши, взялись они снова...»

Тригей

За песни, наверно?

Сын Ламаха
(поет)

«Бросились бешено к башням с ненстовым воинским
криком...»

Тригей

Чтоб ты пропал, мальчишка, вместе с битвами!
Одно и знаешь — петь войну. Ты кто и чей?

Сын Ламаха

Кто я?

Тригей

Да, ты, свидетель Зевс!

Сын Ламаха

1290

Сын Ламаха.

Тригей

Ага! Ага!

Не удивительно вовсе мне слышать, что ты — порожденье
Ламахов-мамахов, всяких ломальщиков, головоломов.

Уйди! Твой для коньеносцев несенки.

А где еще тут чадо Клеонимова?

(К другому мальчику.)

Останься здесь и спой нам! Знаю, про войну
Не станешь петь, ты — сын отца разумного.

Сын Клеонима
(декламирует)

«Вонн Салийский гордится щитом момм. Бросить
пришлось мне,
С поля бежав, под кустом свой знаменитый доспех».

Тригей

1300

Эй, коротыш, отвечай, про отца ты поешь эту песню?

Сын Клеонима

«Но сохранил я дыханье...»

Тригей

Родителям на поношенье...
Войдем же в дом! Уверен я, мой миленький,
Того, что нынче пел нам, как бросают щит,
Не позабудешь. На отца похож сынок.

Мальчик уходит.

ЭКСОД

Тригей
(к хору)

А вы останьтесь на пиру, друзья, забота ваша —
Отважно взяться за еду! Набить досыта брюхо!
Вгрызайтесь с силой! Раз да раз!
1310 Пусть храбро челюсти жуют! Глупцы! Пустяк никчемный —
Зубов блестящих белый ряд, когда зубам нет дела.

Хор

Спасибо за советы, друг! Да тут совет не нужен.

Тригей

Довольно голодали вы. Хватайтесь за зайчнну!
Случается не каждый день,
Чтоб без хозяев ни роги по улицам гуляли.
Кусайте смело! А не то раскаетесь, да поздно!

Хор

Час настал благоречья! Настала пора проводить нам невесту
из дома
И поднять огненосные факелы ввысь, всем народам плясать
и смеяться.
И с киркой и с сохой возвратиться в поля, в виноградники,
на огороды,
Поплясав хорошенько, натешившись властью и Гипербола
вытолкав в шею,

Пляшут.

1320 А теперь обратимся с молитвой к богам:
Пусть Элладе обилье и милость пошлют,
Пусть богато ячмень уродится у нас
И хмельное вино и плодятся в садах
Грозди сочные смокв.
Пусть рожают нам жены детей-крепышей,
Пусть сокровища все, что война отняла,
К нам вернутся сторицей! И пусть навсегда
Мы забудем о блеске железном!

Из дома выходит свадебное шествие во главе с нарядно одетой невестой —
Жатвой. Тригей идет ей навстречу.

Т р и г е й

1330 Эй, женка, идем в поля!
Красавица, сладко
Поспим мы с тобою!
Гимен, Гименей, о!
(Обнимает Жатву.)

Х о р

Гимен, Гименей, о!
Счастливчик, по праву ты
Блаженств и утех достиг!
Гимен, Гименей, о!
Гимен, Гименей, о!

Т р и г е й

Что делать нам с нею?

Х о р

Что делать нам с нею?

Т р и г е й

Сорвем ее спелый плод!

Х о р

Сорви ее спелый плод!
А мы женишка возьмем,
Соседи, и на плечи
1340 Со славой подыдем!

Гимен, Гименей, о!
Гимен, Гименей, о!

Т р и г е й

Живите сытехонько,
Уйдя от тревог войны,
И смоквы собирайте!
Гимен, Гименей, о!
Гимен, Гименей, о!

Х о р

1350 Сучок его прям и тверд,
Сладка ее смоква!
Гимен, Гименей, о!
Гимен, Гименей, о!

Т р и г е й

За сытый садитесь стол,
Пусть льется вино рекой!
И пойте: Гимен, Гимен!
Гимен, Гименей, о!

Х о р

Гимен, Гименей, о!

Т р и г е й

Желаю вам счастья всем,
Ступайте за мною: ждут
Коврижки и сласти!

Х о р

Гимен, Гименей, о!
Гимен, Гименей, о!

В праздничном шествии актеры и хор покидают оркестру.

ЛИСИСТРАТА

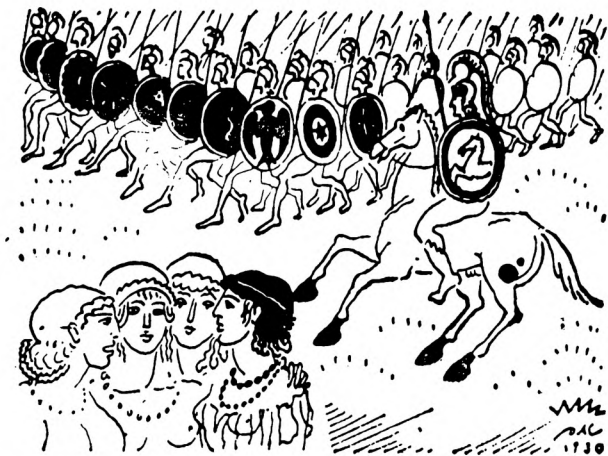

ЛИСИСТРАТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лисистрата }
Клеоника } афинянки.
Миррина }
Лампито — спартанка.
Советник — афинянин.
Клесиий — муж Миррины.
Спарта́нский вестник.
Спарта́нские и афинские послы.
Женщины.
Скифы-стражники.
Хор женщин.
Хор стариков.

ПРОЛОГ

Сцена представляет Афинский акрополь. На площадку перед воротами в крепость (орхестру) выходит Лисистрата.

Лисистрата

Когда б на Вакханалии позвали их,
На праздник Пана иль богини Рожениц,
Так от тимпанов здесь прохожу б не было.
Сейчас же ни одной не видно женщины.
Моя соседка вот подходит первую.

Входит Клеоника, старая афинянка.

Счастливо, Клеоника!

Клеоника

Ты, Лисистрата,
Будь счастлива! Но что ты? Что насупилась?
Стрелами брови морщить не к лицу тебе.

Лисистрата

Что делать, Клеоника? Сердце горечь жжет.

- 10 Все из-за нашей горькой женской долушки,
Из-за того, что у мужчин негодными
Слыvem мы.

К л е о н и к а

Да и правда, мы — негодные!

Л и с и с т р а т а

Когда же здесь собраться им приказано,
Чтоб о немалом деле побеседовать,
Так снят и не приходят.

К л е о н и к а

Подожди, дружок!

Придут. Из дома трудно выйти женщине.
Одна, о муже хлопоча, забегалась,
Той — слуг не добудиться, эта — нянчится
С ребенком, та — стирает, у другой — квашня.

Л и с и с т р а т а

- 20 Но долг свой предпочесть они должны были
Всему.

К л е о н и к а

Какой же, милая Лисистрата?
К чему нас, женщин, нынче собираешь ты?
В чем дело?

Л и с и с т р а т а

О, в великом!

К л е о н и к а

В длинном, может быть?

Л и с и с т р а т а

Ну да, и в длинном.

К л е о н и к а

Так придут наверное!

Лисистрата

Не то совсем. А то б сбежались сотнями!
Нет, дело я огромное задумала,
Вся истомилась по ночам, бессонная.

Клеоника

Неплохо, верно, по ночам бессонною?

Лисистрата

Еще бы плохо! Слушай, что скажу тебе:
Элады всей спасенье ныне — в женщинах!

Клеоника

30 За малым дело стало! Боги! В женщинах!

Лисистрата

Да, да! В руках у женщин городов судьба.
А нет — погибнут все лакедемоняне...

Клеоника

Отлично, пусть погибнут! Зевс свидетель мне!

Лисистрата

Повымрет все живущее в Беотии...

Клеоника

Ну нет! Угрей помилуй из Беотии!

Лисистрата

40 Что до афинян, говорить не стану я
О них худого. Ты без слов поймешь меня.
Когда ж всех стран соединятся женщины:
Коринфянки, спартанки, беотиянки
И мы, — так вместе мы поможем эллинам.

Клеоника

Но что же сделать можем мы разумного
И славного, мы, женщины, нарядницы,

В шафрановых платочках, привередницы,
В оборках кимберийских, в полутуфельках.

Лисистрата

Вот в этом-то и сила и спасение,
В шафрановых платочках, в полутуфельках,
В духах, в румянах и в кисейных платьицах.

Клеоника

Да как же это?

Лисистрата

50 Знай, того добьемся мы,
Что конья в землю все воткнут копейщики.

Клеоника

Сейчас покрашу платье в цвет шафрановый!

Лисистрата

Мечей не тронут...

Клеоника

Шаль сошью кисейную!

Лисистрата

Доспехов...

Клеоника

Покупаю полутуфельки!

Лисистрата

Ну разве не должны прийти бы женщины?

Клеоника

Прийти? Какое, мало! Прилететь должны!

Лисистрата

Сейчас увидишь, каковы афинянки!
Все слишком поздно делать — вот привычка их.
Но из поморок тоже не пришел никто.
Никто из саламинянок.

К л е о н и к а

Ну эти-то

60 До света, верно, провозились с мачтами.

Л и с и с т р а т а

И те, в кого я всех сильнее верила,
Ахарнянки, их также нет.

К л е о н и к а

Прийти ли ей,

Жена гадала, верно, Феогенова.

Да вот уже подходят, видишь, милая?

А там еще другие! Го! го! го! Сюда!..

Откуда эти?

Л и с и с т р а т а

Поселянки здешние.

К л е о н и к а

Вот почему деревней в нос ударило.

Со всех сторон поодиночке и группами подходят женщины.

Одна из пришедших — М и р р и н а.

М и р р и н а

Последними пришли мы, о Лисистрата?

Молчишь? Не отвечаешь?

Л и с и с т р а т а

Не хвалю тебя!

70 Пришла ты поздно, а забота важная.

М и р р и н а

Впотьмах никак не находила пояса.

Когда спешишь, так начинай! Собрались мы.

Л и с и с т р а т а

Не надо! Подождем еще немножечко!

Пусть подойдут сюда нелопоннесянки

И жены беотийцев.

М и р р и н а

Ты права, дружок!
Да вот, гляди, подходит Лампито сюда.

Входит новая группа женщин.

Л и с и с т р а т а

Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет!
Какой красою блещешь ты, любезная!
Румяна как, и телом как упитана!
80 Да ты быка задушишь!

Л а м п и т о

Ну, еще бы нет!
Не зря ж борюсь я, прыгаю и бегаю.

К л е о н и к а

А что за груди! Твердые и круглые!

Л а м п и т о

Ты что ж меня, как жрец голубку, щупаешь?

Л и с и с т р а т а

А эта, молодая, из какой страны?

Л а м п и т о

Семья прекрасной, родом из Беотии.
Собралась к вам.

Л и с и с т р а т а

В час добрый, беотиянка!
Прекрасны нивы ваши.

К л е о н и к а

И пощипаны
Порядочно. Гречиха гладко выбрита.
(Ощупывает ее.)

Л и с и с т р а т а

А та меньшая?

Л а м п и т о

90 К о р и н ф я н к а . Д о б р а я д е в ч о н о ч к а ,

К л е о н и к а

Д а у ж , к о н е ч н о , д о б р а я .
С е й ч а с ж е в и д н о п о т о м у и э т о м у .
(Жест.)

Л а м п и т о

Н о к т о ж е э т и х ж е н щ и н о т о в с е х с т о р о н
С о з в а л з д е с ь ?

Л и с и с т р а т а

Я .

Л а м п и т о

А д л я ч е г о , р а с с к а ж е ш ь , д а ?
Ч е г о т ы х о ч е ш ь ?

М и р р и н а

О б ь я с н и н а м , м и л а я !

К л е о н и к а

О т к р о й н а м , ч т о с к а з а т ь ж е л а е ш ь в а ж н о г о !

Л и с и с т р а т а

С е й ч а с с к а ж у , н о п р е ж д е о б о д н о м с п р о с и т ь
У в а с х о ч у я .

М и р р и н а

В с е , ч т о х о ч е ш ь , с п р а ш и в а й .

Л и с и с т р а т а

100 П о т е м в ы н е т о м и т е с ь , к т о д е т е й в а м д а л ?
П о н и м , у ш е д ш и м в п о л е ? З н а ю , з н а ю я ,
У к а ж д о й м у ж д а л е к о , б е з к о р м и л ь ц а д о м .

М и р р и н а

Шестой уж скоро месяц, как во Фракию
Мой бедный муж Евкрата сторожить ушел.

К л е о н и к а

А мой — уж восемь месяцев у Пилоса!

Л а м п и т о

А мой — едва успеет возвратиться в дом,
Опять за щит берется, да и был таков!

Л и с и с т р а т а

Любовники — и те как будто вымерли!
От самого милетского предательства
И пальчика из кожи я не видела
110 В печальной доле вдовьей утешителя.
Хотите ж, если средство я придумаю,
Помочь мне и с войной покончить?

М и р р и н а

Милая!

Да если надо, хоть сейчас готова я
Продать браслеты и... напиться допьяна.

К л е о н и к а

Да, да, а если надо, так пускай меня,
Как жужелицу, перережут надвое.

Л а м п и т о

А я вползти на скалы Таигетские
Готова, лишь бы там хоть увидеть мне мир!

Л и с и с т р а т а

Так я скажу! Скрывать не стану дум моих!
120 Услышите же, подружки! Чтобы силою
Мужчин понудить к миру долгожданному,
Должны мы воздержаться...

К л е о н и к а

От чего, скажи!

Лисистрата

Послушаетесь?

Клеоника

Да! На смерть готовы мы!

Лисистрата

Должны мы воздержаться от мужчин, — увь!
Чего ж вы отшатнулись? Что потупились?
Эй вы! Притихли? Головой качаете?
Бледнеете? Ручьями слезы катятся?
Согласны? Не согласны? Отвечайте же!

Миррина

130 Я не согласна! Дальше пусть идет война!

Клеоника

Я тоже не согласна! Пусть идет война!

Лисистрата

Так вот как! Ах ты, жужелица! Только что
Себя разрезать ты давала надвое!

Клеоника

Другое что придумай! Приказанье дай —
В костер я рада прыгнуть. Но не это лишь!
Всего страшнее *это*, о Лисистрата!

Лисистрата

(*Миррине*)

А ты что скажешь? Говори!

Миррина

И я в костер!

Лисистрата

О род наш женский, подлый, распрюбленный!
Так правду говорят о нас трагедии:
Лишь Посейдон нам нужен и челнок его.
(*К Лампито.*)

140 Но ты, спартанка милая, когда б одна
Со мною ты осталась,— все спасли бы мы.
О, согласишься со мною!

Л а м п и т о

Трудно, трудно, друг,
Без мужа ночью на постели женщине,
Но будь что будет! Мир нам тоже надобен.

Л и с и с т р а т а

О милая! Одна из всех ты женщина!

К л е о н и к а

Но если мы поверим и воздержимся
(Тьфу, да не будет!). Разве мир приблизим мы
Такой ценою?

Л и с и с т р а т а

Да! Клянусь богинями!
Когда сидеть мы будем, надушенные,
150 В коротеньких рубашечках в прошивочку,
С открытой шейкой, грудкой, с шелкой выбритой,
Мужчинам распаленным ласк захочется,
А мы им не дадимся, мы воздержимся.
Тут, знаю я, тотчас они помирятся.

Л а м п и т о

И Менелай, увидя грудки голые
Своей Елены, меч на землю выронил.

К л е о н и к а

А если бросят вовсе нас мужчины, а?

Л и с и с т р а т а

Припомни Ферекрата,— и на суку драч!

К л е о н и к а

Все это болтовня и празднословие!
160 А если схватят нас и в спальню силою
Потащут?

Л и с и с т р а т а

Упирайся, за косяк держись!

К л е о н и к а

А если станут драться?

Л и с и с т р а т а

Против воли дай!

В любви насильной нет ведь вовсе радости.
Да мало ль средств различных! Будь уверена —
Отстанут! Знай, не насладится досыта
Мужчина, если женщине не хочется.

К л е о н и к а

Когда вы так решили, так согласны мы.

Л а м п и т о

Но вот что: наших-то мужей сумеем мы
Принудить к миру доброму и честному,
170 Но что, когда, узнав про то, афиняне
На землю нашу нападут предательски?

Л и с и с т р а т а

Об этом наше дело позаботиться.

Л а м п и т о

Пока у вас триеры есть и золото
В Акрополе — не быть Элладе мирною.

Л и с и с т р а т а

Не бойся! И об этом мы подумали.
Сегодня ж овладеем мы Акрополем.
Я поручила самым старым женщинам,
Пока мы здесь о деле совещаемся,
Как будто для молитвы в Парфенон войти.

Л а м п и т о

180 Ну, если так, то, значит, все устроено.

Лисистрата

Так почему же то, в чем согласились мы,
Нам не скрепить присягой нерушимую?

Лампито

Так говори присягу, за тобой и мы!

Лисистрата
(служанкам)

Отлично! Что вы зазевались, скифянки!
Изнанкой кверху щит поставьте на землю
И острый нож мне дайте!

Клеоника

О, Лисистрата!
Какою клятвой клясться хочешь?

Лисистрата

Древнею,
Эсхировскою: «Над щитами медными,
Баранов закалая».

Клеоника

Нет, Лисистрата!

190 Нельзя о мире клясться клятвой воинской.

Лисистрата

Так как же присягнуть нам?

Клеоника

Если б белого
Коня достать и внутренности вырезать!

Лисистрата

Где ж белый конь?

Клеоника

Так что же мы придумаем?

Лисистрата

Когда хотите, я вам присоветую:
Огромный черный ковш поставим на землю,
Потом заколем мех вина Фасийского
И поклянемся выпить все без примеси!

Клеоника

Вот это мне и не сказать, как нравится!

Лисистрата

Так живо мех и ковш несите из дому!

Приносят большой ковш и мех с вином.

Клеоника

200 Подружки дорогие, вот так кружечка!
Кинь-грусть, тоску-размыкай, а не кружечка!

Лисистрата

Сюда поставьте и козленка дайте мне!
Владычица Пифо, ты, Чаша Дружества,
Явите жертву нам благоприятную!
(Развязывает мех, наливает вино в ковш.)

Клеоника

По цвету и по виду кровь отличная!

Лампито

И пахнет сладко, боги мне свидетели!

Миррина

Подружки, присягнуть мне дайте первую!

Клеоника

Нет, нет, клянусь Киридой! Жребий бросим мы!

Лисистрата

210 Рукой ковша коснитесь! Лампито, сюда!
И пусть за мною повторяет кто-нибудь,

А вы, другие, присягайте мысленно!
(Торжественно.)

«Вот я клянусь, ни мужа, ни любовника...»

К л е о н и к а
(повторяет)

«Вот я клянусь, ни мужа, ни любовника...»

Л и с и с т р а т а

«Не утолять желаний...»

Клеоника молчит.

Говори же, ну!

К л е о н и к а

«Не утолять желаний...» Не могу! Ай, ай!..
Колени подгибаются, Лисистрата!

Л и с и с т р а т а

«При муже буду жить невинной девушкой...»

К л е о н и к а

«При муже буду жить невинной девушкой...»

Л и с и с т р а т а

220 «В шафрановой рубашечке, нарядная...»

К л е о н и к а

«В шафрановой рубашечке, нарядная...»

Л и с и с т р а т а

«Чтоб в муже распалить хотенье страстное...»

К л е о н и к а

«Чтоб в муже распалить хотенье страстное...»

Л и с и с т р а т а

«Но добровольно мужу не отдамся я...»

К л е о н и к а

«Но добровольно мужу не отдамся я...»

Лисистрата

«Когда ж к любви меня принудит силою...»

Клеоника

«Когда ж к любви меня принудит силою...»

Лисистрата

«Не двинусь с места и позволю нехотя...»

Клеоника

«Не двинусь с места и позволю нехотя...»

Лисистрата

230 **«Не подниму персидских туфель к пологу...»**

Клеоника

«Не подниму персидских туфель к пологу...»

Лисистрата

«Не встану, словно львица над воротами...»

Клеоника

«Не встану, словно львица над воротами...»

Лисистрата

«Присягу соблюдая, пью до капли все...»

Клеоника

«Присягу соблюдая, пью до капли все...»

Лисистрата

«А изменю, отныне пусть мне воду пить!»

Клеоника

«А изменю, отныне пусть мне воду пить!»

Лисистрата

За мной вы все поклялись?

Миррина

Все поклялись мы!

Лисистрата
(пьет)

Вот посвящаю жертву.

Клеоника

Поделись со мной,
Чтобы с тобою впредь мы были дружными.
Все по очереди пьют из ковша. Крики за сценой.

Лампито

Что там за вопли?

Лисистрата

240 Что, не говорила ль я?
То овладели женщины Акрополем.
И храмом Девы. Лампито, к своим вернись!
И все устрой, как надо, в Лакедемоне!
И этих женщин нам оставь в заложницы!
А мы войдем в Акрополь и засовами
Ворота в крепость загородим накрепко.

Клеоника

А против нас, вооружась, ты думаешь,
Мужчины не сбегутся?

Лисистрата

250 Не боюсь я их.
Ни силой, ни угрозами, ни пламенем
Они в Акрополь не добудут доступа,
Пока того, чего хотим, не сделают.

Клеоника

О, ни за что! А нет, пусть называют нас
Не женщинами — трусами последними!

Лампито уходит. Остальные женщины поднимаются в Акрополь и затворяют за собою ворота.

Разделенные на два отряда, входят двенадцать стариков-афи-
нян; на плечах у них вязанки хвороста, в руках жаровня с углями.

Предводитель хора стариков (Стримодор)

Иди, Дракет, веди отряд! Пускай потеют плечи
И давит спину толстый ствол маслины серебристой.

Первый отряд стариков

Строфа Как много дивного нас ждет
В долгой, долгой жизни!
Ну, кто б поверил, Стримодор,
В то, что вот случилось?
260 Те женщины, что мы в домах
Вскормили на беду себе,
Владеют Девы алтарем,
Владеют Городом моим,
Засовами из дуба
Загородили входы.

Предводитель первого отряда (Дракет)

Скорей же в бой, спеши, Филург! Акрополь перед
нами!

Горячим хвороста кольцом мы окружим мятежниц,
Задумавших такое зло, такое зло свершивших.
Своей рукой мы их сожжем, подбросим сами пламя.
270 Одним ударом всех сразим, жену Ликона первой.

Второй отряд стариков

Антистрофа Клянусь Деметрой, над собой
Я не дам смеяться!
И Клеомен, что на тебя,
Город, поднял руку,
Сторицей пению уплатил,
Лаконский закусивши гнев,
Ушел он вспять, отдав мне меч,
Ушел в разорванном плаще,
Нечесанный, небритый,
280 Шесть лет не умываясь.

Предводитель второго отряда (Филург)

Его в бою я одолел, могучего стратега.
В четырнадцать рядов у стен его щиты стояли.
А этих тварей дерзкий род, проклятый Еврипидом
И ненавистный всем богам, неужто не сражу я?
Ведь мой трофей на все века стоит над Марафоном.

(Останавливается перед возвышением, ведущим к Акрополю.)

Первый отряд стариков

Строфа Но вот до цели я дошел.

Надо мне взойти теперь

На этот скат крутой перед Акрополем.

Но как поклажу подниму?

Я ж не мерин и не мул!

290 От тяжелых толстых бревен уж давно болит спина.

Поспешайте, старички!

Раздувайте угольки!

Чтоб перед концом дороги не погас огонь в золе.

Фу-фу!

Ну и дыму, у-у-у!

(Раздувают огонь.)

Второй отряд стариков

Антистрофа Геракл владыка, вот так дым!

Так и рвется из горшка!

Как пес из подворотни, мне в глаза впился,—

Дивиться нечему, дружок!

300

То Лемнийский огонек.

Ах, ничто еще так больно не щипало глаз моих!

К воротам теперь беги

И богине помоги!

Мой Лахет! Когда не нынче, так когда ж ей
удружить?

Фу-фу!

Ну и дыму, у-у-у!

Предводитель хора стариков

(подбегает к воротам)

Но вот, по милости богов, проснулось, дышит пламя.
Сейчас вплотную у ворот дрова и хворост сложим.

310 Потом на углях разожжем лозы смолистый факел,
И пламя высоко взовьем, и бросимся на приступ.
Когда ж засовов и тогда мятежницы не снимут,
Ворота пламенем сожжем, врагов в дыму задушим.
Вязанки наземь бросим, так! А дыму, дыму! Боги!
Уж не позвать ли в помощь нам самосских полководцев?
Теперь давить мне на хребет поклажа перестала.
Твое уж дело, друг-горшок, из искры выдуть пламя,
Чтоб прежде всех я мог разжечь горящий мести факел.
Победа-госпожа, приди! И пусть над злобой женской,
Над глупым женским мятежом мы свой трофей
поставим!

(Зажигает факел.)

Озабоченно и быстро вбегает хор женщин с кувшинами на плечах.

Предводительница женщин (Стратиллида)

Что видим мы?
320 Вспыхнул огонь, вырвался дым!
Подружки!
Пожар! Пожар!
Вихрем сюда! Мчитесь толпой
На помощь!

Первый отряд женщин

Строфа Лети, лети в битву, Нико!
Сожгут подруг, милых спалят.
Калике смерть, гибель грозит
330 Критилле.
Грозит им суд власти мужской,
Смертельный гнев злых стариков.
Поздно, боюсь, помощь идет,
Только бы в срок поспеть нам.
Встав до зари,
Воду набрать
Я к роднику спустилась.
Там у ручья гомон и гам,
Ругань и крик,
340 Хохот и стук кувшинов,
Служанок визг, плеск родника,

Пинки, толчки, локти, бока.
Живо в кувшин воду набрав,
Прочь я бегу, милым помочь,
Тем, кто в огне, в черном дыму,
Несу в кувшинах воду.

Второй отряд женщин

Ангистрофа Глухих, гнилых, злых стариков
Видела я, в город бредут,
Еле дыша, хворост несут
350 В охапках.

Словно топить баню хотят,
Страшно браясь, так говорят:
«Пламенем мы женщин сождем
И на углях поджарим».

Зевсова дочь,
Зло отврати!

Женщин не дай изжарить!
Пусть они в дом мир возвратят,
Пусть от войны

360 Граждан спасут и город.
За тем одним в храм твой святой
Они теперь, Дева, вошли.
Затем тебя в помощь зову,
Города мать! Если к стене
Бросит огонь мужа рука,
Неси кувшины с нами.

Предводительница женщин
(подбегает к воротам)

Оставьте, эй! За что взялись, чего хотите, воры?
Не добрых, набожных людей, не граждан это дело!

Предводитель стариков

370 Такой беды уж мы никак, никак не ожидали!
На помощь запертым в стенах бегут отряды женщин.

Предводительница женщин

Дрожите, трусы! Страшно вам? Что, много нас? А мы
ведь —
Едва и тысячная часть великих воинств женских.

Предводитель стариков

О Федрий, друг! Неужто ж мы ругаться им позволим?
И ртов крикливых не заткнем, и не побьем их палкой?

Поднимают посохи.

Предводительница женщин

Подружки дорогие! С плеч и мы кувшины снимем,
Чтоб не мешало нам ничто, когда придется драться.

Ставят кувшины на землю.

Предводитель стариков

Когда бы в зубы дали им разочка три-четыре,
Как дал Бупалу Гипнонакт, тотчас бы замолчали.

Предводительница женщин

380 Ну, попробуйся, ну, ударь! Вот здесь стою я, видишь?
Но знай же, так, как я, в тебя не вцепится и сука.

Предводитель стариков

Молчи, не то ударю так, что старость позабудешь!

Предводительница женщин

Вот — Стратиллида я! Посмей меня хоть пальцем тронуть.

Предводитель стариков

Ударю в ребра кулаком, так чем ты мне ответишь?

Предводительница женщин

Тебе я горло перерву и выгрызу печенку.

Потасовка. Старика бьют.

Предводитель стариков

Теперь я вижу, Еврипид — мудрейший из поэтов.
Ведь он про женщину сказал, что твари нет бесстыдней.

Предводительница женщин

С водой кувшины наши где? Подымем их, Родиппа!

Предводитель стариков

390 Забыла бога ты, зачем сюда бежишь с водою?

Предводительница женщин

А у тебя на что огонь? Себе костер готовишь?

Предводитель стариков

А я вот этим огоньком сожгу твоих подружек.

Предводительница женщин

А я вот этою водой залью твой огонечек!

Предводитель стариков

Огонь мой хочешь загасить?

Предводительница женщин

Сейчас покажет дело.

Предводитель стариков

В руках, вот видишь, факел, им тебе прижгу я глотку.

Предводительница женщин

Мочалку доставай! Сейчас тебе устрою ванну.

Предводитель стариков

Ах ты, гнилушка! Ванну мне?

Предводительница женщин

Да, свадебную ванну!

Предводитель стариков

Какая дерзость, слышишь, друг?

Предводительница женщин

Свободной я родилась.

Предводитель стариков

Тебя от крика отучу!

Предводительница женщин
В последний раз судил ты.

Предводитель стариков
Эй! Косы подожгите ей!
(Бросается на женщину с факелом.)

400 Предводительница женщин
Вода, теперь за дело!
(Выливает на него кувшин.)

Предводитель стариков
Ай, ай, ай, ай!

Предводительница женщин
Тепло тебе?

Предводитель стариков
Тепло? Какое! Стой! Уймись!

Предводительница женщин
Полю, и розой расцветешь.

Предводитель стариков
И так дрожу, насквозь промок.

Предводительница женщин
Так что ж, ведь у тебя огонь.
У огонька согрейся!

Пляска женского и мужского хора. Тимпаны. Бубны.

Э П И С О Д И Й П Е Р В Ы Й

Входит Советник, дряхлый старик, и стражники.

Советник

Когда ж конец придет распутству женскому,
Тимпанам женским, праздникам Сабасия

И оргиям на крыше в честь Адониса?
410 Ведь сам я был свидетелем в Собрании:
За Демостратом слово. Предлагает он
Отправить флот в Сицилию, а женщины
Вонят и пляшут: «Ай, ай, ай, Адонис мой!»
Набор в Закинфе предлагает Демострат,
А женщины на крыше скачут пьяные:
«Увы, увы, Адонис!» Так-то женщины
Перекричали горбуна негодного.
Вот какво оно, злонравье женское!

Предводитель стариков

А что б сказал ты, если б этих тварей нрав
420 Узнал? Бранили, били, обливали нас
Водю из кувшинов. Видишь — мокрые
Трясем рубашки, как пеленки детские.

Советник

И поделом нам, Посейдон свидетель мне!
Ведь сами помогаем мы распутничать
Своим же женам и разврату учим их,
А после их проделкам удивляемся.
Один заходит к золотых дел мастеру
И говорит: «Кузнец! Вчера за танцами
430 В любимом ожерелье у жены моей
Случайно ключик из замочка выскочил.
А мне на Саламин уехать надобно.
Так ты ко мне зайди сегодня под вечер
И половчее ключик вставь жене моей».
Другой приходит к рослому сапожнику,
Не по летам здоровому и кренкому,
И говорит: «Сапожник! У жены моей
В подъеме что-то жмет и тесно пальчику.
А пальчик нежный! Так к полудню, милый мой,
440 Ты к ней зайди и растяни немножечко».
К чему все это привело, вы видите?
В заботах о деньгах для корабельщиков
Я, ваш Советник, прихожу к Акрополю,
И что ж — войти мне запрещают женщины!
Но нечего тут медлить. Ломы дать сюда!

Я научу их быстро, как распутничать.

(К стражнику.)

Негодник, рот разинул, ты куда глядишь?

Одно и знаешь — кабаки высматривать.

Под низ проденьте ломы и потом зараз

Упритесь об ворота, а отсюда я

Вам помогу.

Ломают ворота.

Лисистрата

(выходит)

Напрасно вы стараетесь,

450 Сама к вам выхожу я! Так к чему же лом?

Не лом тут нужен, а сознание здоровое.

Советник

Так вот как, а, негодница! Эй, стражники!

Схватить ее и руки за спиной связать!

Лисистрата

Вот Артемидою клянусь, рукою лишь

Меня коснись — заплачешь, хоть и стражник ты!

Драка. Стражники отступают.

Советник

(стражнику)

Боишься, трус! Хватай ее у пояса!

И ты за ним! Вдвоем ее вяжите, эй!

Выходит Клеоника.

Клеоника

Вот я Пандросою клянусь, мизинцем хоть

460 Притроньтесь к ней, домой уйдете мокрыми.

Драка. Стражники отступают.

Советник

Что, мокрыми? Подать другого стражника!

Сперва вяжите эту вот, болтливую!

Лисистрата

Вот я Фосфорою клянусь, ударить лишь
Ее попробуй, и попросишь пластыря!

Советник

Еще чего? Эй, стражник! Волоки ее!
Я научу вас, как бежать, негодные!

Та же игра.

Клеоника

Вот Таврополою клянусь, коснись ее,
Все волосы по одному я выдеру!

Та же игра.

Советник

470 Опять несчастье: разбежались стражники.
И все же так мы не уступим женщинам.
Смелее, скифы! Мы в ряды построимся
И бросимся на приступ.

Лисистрата

Так узнайте же,
Есть и у нас четыре роты целые
Вооруженных до зубов афинянок.

Советник

Эй, скифы! Руки ей скрутите за спину!

Лисистрата

480 Сюда, сюда, воинственные женщины!
Молочницы, колбасницы, горшечницы,
Селечницы, зеленщицы, ключницы!
Тащите, волоките, рвите волосы,
Ругайтесь, и кусайтесь, и царапайтесь!

Из Акрополя выбегают женщины. Драка. Стражники отступают.

Лисистрата

Довольно, стойте, трупов не бесчестите!

Советник

Беда, беда! Проиграно сражение!

Лисистрата

Чего ж ты ждал? Иль встретить ты надеялся
Рабынь пугливых? Иль не знал, что яростной
И женщина бывает?

Советник

О, еще бы нет!

В особенности выпившая женщина.

Предводитель стариков

Довольно ты потратил слов, почтеннейший

Советник!

490 Зачем же с этими зверьми вступаешь в разговоры?
Забыл, как обижали нас, водою обливали,
Как в ванне выкупали нас, в рубашках и без мыла?

Предводительница женщин

Вот видишь, миленький, рукам давать не надо воли!
А тронешь, тут уж не сердись на синяки и шишки.
Скромненько, тихонько сидеть, как девушка, хочу я,
И не обижу никого, травинки не задену,
Пока не трогают меня и, как осу, не дразнят.

АГОН

Хор стариков

Ода Зевс-Отец! Как сразить

Чудищ злых подлый род?

Как стерпеть столько бед?

500 Ты приди в помощь нам!

Дай совет, как узнать,

Для чего, почему захватили они

Город наш? Для чего

На высокой горе, недоступный, святой

Твоей дочери храм?

Пляска.

Предводитель стариков

Так задай им вопрос, и не слушайся их, и до корня во
всем допытайся!
Ведь постыдно бы было обратиться ни с чем, отступить без
суда и допроса.

Советник

*Эпир-
рема*

Зевс свидетель, вы правы, и прежде всего об одном их
спросить я желаю,
Для чего захватили Акрополь они и засовами заперли
входы?

Лисистрата

Для того, чтобы золотом вашим владеть и чтоб вы воевать
перестали.

Советник

Так ты думаешь, золото — корень войны?

Лисистрата

510

И войны, и раздоров, и смуты.
Для того, чтобы мог наживаться Писандр и другие
правители ваши,
Постоянно возню затевают они. Ну и пусть и кричат и
хлопочут,
Как хотят, что есть сил, только денег теперь не видать уж
им больше — и баста!

Советник

Что же делать вы станете?

Лисистрата

Что за вопрос? Управлять будем вашей казною.

Советник

Что? Казной управлять собираетесь вы?

Лисистрата

Что ж ты странного в этом находишь?
А донныне домашнею вашей казной мы, хозяйки, не
правили разве?

Советник

Это вовсе не то.

Лисистрата

Почему же не то?

Советник

Для войны нам нужны эти деньги.

Лисистрата

Да войну-то вам вовсе не надо вести.

Советник

Как себя защитим мы иначе?

Лисистрата

Мы спасем вас и мы защитим.

Советник

Вот так так! Вы спасете?

Лисистрата

Конечно!

Советник

О боги!

Лисистрата

Хоть ты хочешь не хочешь, а будешь спасен!

Советник

Что за речи?

Лисистрата

Сердиться напрасно.

То, что сделать должны мы, то сделаем, знай!

Советник

Милый Зевс, вы насилья хотите?

Лисистрата

Не насилья — спасенья.

Советник

Не просим о нем.

Лисистрата

Но нуждаетесь в нем тем сильнее.

Советник

Да у вас-то откуда взялась, расскажи, о войне и о мире
забота?

Лисистрата

Расскажу.

Советник

Поспеши, чтоб беды не нажить.

Лисистрата

Ты же выслушай речь терпеливо.
И сдержать потрудись свои руки.

Советник

Как быть? Не могу, поднимаются сами:
Справедливая ярость клокочет в груди.

Клеоника

Осторожней, заплатишься вдвое.

Советник

Нет, старуха, себе это каркаешь ты! Говори же!

Лисистрата

Сейчас начинаю.
Ты ведь помнишь, в начале войны и невзгод терпеливо
нужду мы сносили.

Запрещала нам женская скромность тогда в ваше дело
мужское мешаться.

530 Да и вы не давали ворчать и роптать, хоть не по сердцу
многое было.

Только вскоре узнали мы вас хорошо — и как часто, за
прялками сидя,

Приходилось нам слышать о новой беде и о новых
безумиях ваших,

И, печаль глубоко затаивши, вопрос задавали мы, будто
с улыбкой:
«Что же нового слышно о мире у вас? Что о мире решили
сегодня
На собрании вы?» — «Что за дело тебе? — отвечали
мужнины сердито. —
Ты молчи себе знай». Приходилось молчать.

К л е о н и к а

Ну а я б никогда не смолчала!

С о в е т н и к

Не молчала б, так криком кричала, поверь!

Л и с и с т р а т а

Мы молчали и дома сидели.
Но порой уже мы и о худших делах, о постыдных делах
узнавали.
И у мужа хотели спросить, почему поступили вы так
безрассудно?
540 Но, с презрением взглянув, отвечали мужья: «Принимайся
за пряжу скорее!
А не то берегись, заболит голова. А война — это дело
мужское!»

С о в е т н и к

Аполлоном клянусь, справедливая речь!

Л и с и с т р а т а

Справедливая? Ах ты, несчастный!
Так совет и тогда мы не вправе вам дать, если ваше
безумно решенье?
Но когда уже говор открытый пошел и на всех
перекрестках ронтали,
Что уж вовсе мужчин не осталось в стране, видит бог,
никого не осталось, —
Вот тогда-то мы, женщины всех городов, заключили союз
нерушимый
И поклялись Элладу спасти сообща. Да чего ж еще ждать
оставалось?

И теперь, если слушаться станете вы благодетельных
наших советов
И начнете молчать, как молчали и мы, вам помочь мы
тогда обещаем.

Советник

Это вы-то помочь? Безрассудная речь! Безобразная речь!

Лисистрата

550

Замолчи ты!

Советник

Ах, проклятая, хочешь, чтоб я замолчал! Перед кем же,
мой бог, перед тварью
В покрывале цветном на пустой голове? Никогда!

Лисистрата

Если в этом помеха,

Не горюй, от меня покрывало прими!

Окрути покрывало вокруг головы

И теперь уж молчи!

Клеоника

Да в придачу с куделью корзинку возьми,

Обвяжись пояском и куделю чеши

Да бобы шелуши,

А война — это женское дело!

(Закручивает Советника в покрывало.)

Хор женщин

Ант-560

ода

Подружки милые, пора! Оставим же кувшины,
Чтобы товаркам дорогим в веселой пляске вторить.

В пляске мне не устать.

В песне мне не отстать.

И в ногах хватит сил,

И в груди жарок пыл.

Я готова на все

570

Ради милых. В душе у них доблесть живет,

Красота, простота,

Справедливость, отвага, к отчизне любовь

И разумная мысль.

Пляска.

Предводительница женщин

О царица родильниц и женщин оплот, ты, чьи речи
крапивы колючей,
Будь отважней в бою и врага не щади! Парус ставь по
попутному ветру!

Лисистрата

Антэпир-рема Но когда убеждающий сладко Эрот и Киприда, рожденная
морем,
Золотую тоску в наши груди вдохнет и расплавит
желаньями члены,
И упругую силу мужам подарит и протянет их руки
к объятьям,
Вот тогда назовут нас Элады сыны Разрешительницами
сражений.

Советник

А за что?

Лисистрата

Да за то хоть, что прежде всего вас отучим мы
бегать по рынкам,
Обнаживши мечи и щитами стуча.

Клеоника

Да, отучим! Клянусь Афродитой!

Лисистрата

А теперь, погляди! По горшечным рядам, по зеленому
ряду несутся
580 Копьеносцы, пелтасты, матросы, стрелки — и кричат, и
вопят, и буянят.

Советник

Видит Зевс, так и надо! Отважный народ!

Лисистрата

Да ведь это же просто забавно,
Когда воин с Горгоной на медном щите о снетках
торговаться приходит.

К л е о н и к а

Зевс свидетель, вчера еще видела я, как военный, верхом
и кудрявый,
У старухи торговки яички купил и в свой шлем боевой
положил их.
А недавно фракиец, косматым щитом и копьем, как
Терей, потрясая,
Чуть не до смерти бедную тварь напугал и наелся оладий
досыта.

С о в е т н и к

Ну, а как же распутать надеетесь вы государства
запутанный узел,
На земле и на море направить дела?

Л и с и с т р а т а

Очень просто.

С о в е т н и к

Ну, как, расскажи мне!

Л и с и с т р а т а

Если пряжа затянется в узел у нас и комками собьется
на прялке,
590 Подхвативши ее, мы распутаем нить, потянув и сюда и
отсюда;
И войну точно так же распутаем мы, если вы нам
распутать дадите,
Заклучив договор, полномочных послов мы пошлем и
сюда и отсюда.

С о в е т н и к

Это что ж, или пряжей считаете вы, или шерстью
овечьей на прялке
Государственный труд? Неразумный народ!

Л и с и с т р а т а

Да, когда б вы разумными были,
С государством своим обращались бы вы, как мы,
женщины, с шерстью овечьей.

С о в е т н и к

Как же так! Расскажи!

Лисистрата

Вот что сделать бы вам! Как сначала в корытах и чанах
Промываем мы шерсть и счищаем репы, так и вам бы из
Города надо
Негодяев и трусов повычесать вон и повыдергать злые
колючки.
Все повычесать вон, что сваялось в комки, что в погоне
за теплым местечком
600 Присосалось и тянет народную кровь, их должны
положить вы под ноготь.
А почистив, порядочных граждан собрать и навить их на
прялку союза.
Поселенцев навить и союзных друзей, если нам они
преданы верно.
Должников государства — и тех не забыть и прибавить
к кудели гражданской,
А потом поглядеть, как живут города, что от нашей
державы родились,
Как в забвеньи они сиротливо лежат, словно хлопья
разбросанной пряжи.
Их должны мы заботливо всех подобрать и навить на
единую прялку.
Вот тогда-то спрядем мы единую нить и великий клубок
намотаем.
И, основу скрепивши, соткем из него для народа афинян
рубашку.

Советник

Возмутительно, право, что ткать и прясти вы хотите дела
государства.
Да какое вам дело, скажи, до войны?

Лисистрата

610 Это нам что за дело?
Проклятый!
Знай, для женщин война — это слезы вдвойне! Для того ль
сыновей мы рожаем,
Чтоб на бой и на смерть провожать сыновей?

Советник

Замолчи! О, не надо про горе!

Лисистрата

И к тому же в года, когда юность цветет, когда хочется
радость увидеть,
Из-за ваших походов, как вдовы, мы спим. Ну, про нас
говорить я не стану.
Наших девушек бедных мне жалко до слез, что стареются,
сидя за прялкой.

Советник

Но мужчина ведь тоже стареется, а?

Лисистрата

У мужчин это дело другое.
Он домой возвратится с седой головой и возьмет себе
девочку в жены.
А у женщины бедной пора недолга, и, когда не возьмут ее
к сроку,
Уж потом не польстится никто на нее, и старуха сидит
и гадает.

Советник

620 Да, конечно, кто может еще полюбить...

Лисистрата

Ну, а ты-то чего? И когда ты помрешь?
Закажи себе гроб, а могилка уж ждет!
А кутью, так и быть, для тебя я сварю!
Вот держи, я дарю тебе венчик!

Клеоника

А вот это на саван прими от меня!

Лисистрата

Эти ленты к венку от меня получи.
Так чего же ты ждешь? К челноку поспеши!
Отплывает Харон.
Он тебя и зовет и торопит.

Обкручивает Советника лентами.

Советник

Ну как стерпеть такое оскорбление?
630 Свидетель Зевс, сейчас бегу в Собрание,
Пусть все увидят, что со мною сделали.

Лисистрата

Обижен, что тебя не отпевали мы?
Утешься, друг, на третьи сутки поутру
Мы по тебе поминки справим славные.

Актеры уходят.

ПАРАБАСА

Хор стариков

Ода Долше спать нам не годится! Мы от граждан рождены.
Нет, плащи мы наземь скинем, приготовимся к борьбе.

Пахнет здесь большой бедой.

Худшим, чем казалось, злом.

Хитрый план виден тут.

640 *Гиппиеву тиранию* ясно, ясно чую я.

Ах, боюсь, подошли

От спартанцев сюда

Хитрые и злые люди и, с Клисфеном сговорясь,

Этих женщин ненавистных подучили воровски

Завладеть казною нашей.

Боги, чем же

Я теперь стану жить?

Предводитель стариков

Эпир-рема Разве дело, чтобы стали граждан женщины учить,
Чтобы женщины посмели о доспехах рассуждать.

650 Помирить нас захотели с кем — с лаконскими людьми?

А ведь в пасти волка злого больше правды, чем у них.

Нет, сограждане, тирана против нас плетется сеть.

Но не дам тирану править над собой, остерегусь.

Меч отточенный я буду в ветви миртовой носить

И по рынку, как Гармодий, при оружии гулять.

Рядом с ним пускай поставят и меня. Ведь подвиг мой
Так же славен: злой старухе по зубам хочу я дать.

Схватка.

Хор женщин

Ангода Осторожней! Не признает и родная мать тебя.
О подружки, о старушки, так разденемся ж и мы!
660 К вам теперь слова мои,
Граждане афинские:
В честь земли нам родной,
Что в свободе и в веселье с детства воспитала нас.
Семь годков было мне,
В сумке шерсть я несла.
В десять лет зерно молола для владычицы святой.
В платье алом, во Бравроне, я медведицей была.
Дочь отцовская,
670 Потом я шла с корзиной,
Спелых смокв гроздь неся.

Предводительница женщин

Антэпир-рема Если я советом добрым Городу помочь могу,
Хоть я женщина, с презрением не смотрите на меня:
Ведь и я свой вклад любовно в дело общее вношу,
Вклад мой лучший, дар мой ценный — я детей рожаю вам.
А у вас, беззубых, старых, в чем заслуга, в чем ваш дар?
Где он? Дедов клад мидийский расточить сумели вы,
Ну а сами в возмещение и полушки не внесли?
Погодите, доведете нас до гибели еще!
Что, ворчите? Берегитесь! Если тронете меня,
680 Этой тупфлей деревянной по зубам мы вам дадим.

Схватка.

Хор стариков

Ода Разве ж это не насилье злое?
И чем дальше, тем все хуже, все растет их дерзость.
Так конец стыду положим, если мы еще сильны!
Наземь скинем мы рубашки, пусть мужчиной от мужчин
Пахнет прямо, пахнет честно, тут нам нечего скрывать.
Волчья стая, смело в бой,

Как в Липсидрий по лугам
Молодыми мчались мы.
690 Други, час теперь настал былую юность вспоминать,
Кости старые размять,
Тело снова окрылить.

Предводитель стариков

Эпир-рема Если мы им поддадимся, если палец им дадим,
И с руками и с ногами к нам привяжутся они.
Корабли они построят, в море выйдут и на нас
Поплывут, как в дни былые Артемисия плыла.
А не то — так в конском строе нападут, тогда беда.
Нет того, кто б пересилил женщин в верховой езде.
Из седла уж их не выбить. Амазонок вспомни рать,
На конях, мужей разящих, как их Микон написал.
700 Нет, всего б надежней было всех в охапку уложить
И вернуть в гнилые доски наш испытанный бурав.

Хор женщин

Антода Если злить меня не перестанешь,
Вот свинью моей отваги на тебя сиущу я!
Почешу тебя! Соседей криком напугаешь ты.
Но и нам пора одежды наземь скинуть. Пусть от нас
Пахнет женщиной взбешенной и готовой укусить.
Тронь меня, коснись меня,
Луку уж не есть тебе,
Черных не видать бобов!
710 Слово мне сказать посмей, клокочет желчь, в тебя я,
Словно жук в орла, вцеплюсь
Бабкой повивальной.

Предводительница женщин

Антэпир-рема Не боюсь я вас нисколько! Ведь со мною Лампито
И Исмения, подружка беотийская моя.
Ты ж набрать попробуй войско. Прикажи хоть двадцать
раз,
Не пойдут к тебе, негодный! Всем соседям гадок ты!
А когда Гекатин праздник справить захотелось мне
И товарища к детишкам от соседей пригласить,
Благонравного ребенка, беотийского угра,—

720 Нет! — сказали мне. В Собрание так постановили вы.
От таких постановлений вас отучим мы, гляди,
Взяв за пятки и встряхнувши и затылок вам свернув.

Э П И С О Д И Й В Т О Р О Й

Лисистрата выходит из ворот.

Предводительница женщин

Начальница великого деяния,
О, почему выходишь ты печальная?

Лисистрата

Постыдный нрав ваш женский, слабый разум ваш
Виной тому, что я брожу в раздумьи.

Предводительница женщин

Что сказала ты, что?

Лисистрата

Ах, горькую правду!

Предводительница женщин

Но в чем беда? Подругам расскажи своим!

Лисистрата

Промолвить слово стыдно, тяжелей смолчать!

Предводительница женщин

730 И все ж скажи, несчастья не скрывай от нас.

Лисистрата

Взбесились по мужчинам наши женщины.

Предводительница женщин

О Зевс! Зевс!

Лисистрата

К чему взываешь к Зевсу? Ах, что есть, то есть!
Я не могу удерживать их более,
Они бегут, таятся, расползаются.
Одну едва от щели оттащила я,
Что под стеной у Панова святилища.
Та по канату выбраться задумала,
Та просто убежала, та воробушком
Порхнуть решила к Орсилоху в гнездышко,—
Ее едва я ухватила за косы.
740 Они изобретают сотни поводов,
Чтобы домой вернуться. Вот идет одна.
Эй, ты куда, остановись!

Из ворот выходят несколько женщин.

Первая женщина

Домой иду.

Оставила я дома шерсть милетскую:
Боюсь, чтоб моль не съела.

Лисистрата

Что за моль еще?

Ступай обратно!

Первая женщина

Возвращусь я скоренько.
Немножко на лежанке поваляю...

Лисистрата

Нет!

Не поваляешь! Никуда не выйдешь ты!

Первая женщина

750 Так шерсть моя пропала?

Лисистрата

Пропади она!

Вторая женщина

Ой, горе, ой, несчастье, полотно мое
Некатаное дома!

Лисистрата

Вот еще одна
Спешит домой, за полотном некатаным!
Назад! назад!

Вторая женщина

Клянусь тебе владычицей,
Чуть-чуть лишь покатаю и назад приду.

Лисистрата

Катать тебе тут нечего. Одной позволь —
За то же все сейчас возьмутся женщины.

Третья женщина

Молю, богиня, роды удержи мои,
Пока дойду до места подходящего.

Лисистрата

760 А ты куда?

Третья женщина

Сейчас рожу, сейчас рожу!

Лисистрата

Вчера ты вовсе не была беременной!

Третья женщина

Зато сегодня! Отпусти, Лисистрата!
Найти позволь мне бабку повивальную.

Лисистрата

(ощупывая ее)

А это что так твердо?

Третья женщина

Мальчик, милая!

Лисистрата

Клянусь Кипридой, странно! Что-то медное
И звонкое. Сейчас посмотрим, что это.
Негодная! Ты шлем себе подсунула,
А говоришь: беременна.

Третья женщина

Беременна!

Лисистрата

При чем же шлем?

Третья женщина

770 Когда бы здесь же в крепости
Родить пришлось мне, я бы в шлем ребеночка
Тогда родила, как голубка в гнездышко.

Лисистрата

Все выдумки пустые. Дело ясное!
На именины шлема оставайся здесь!

Выходят еще женщины.

Четвертая женщина

Нет, спать я больше не согласна в крепости,
С тех пор как змея в капище увидела.

Пятая женщина

А вот меня сживают совы со свсту:
Кричат, пугают, стонут, не дают уснуть.

Лисистрата

780 Оставьте небылицы! Ах вы, дурочки!
Вам без мужей тоскливо? А мужья по вас
Не сохнут разве? О, поверьте, черные
Они проводят ночи! Потерпите же!
Еще немножко продержитесь, милые!
Когда не разойдемся, обещает нам
Победу прорицанье; так гласит оно.

Третья женщина
Прочти нам прорицанье!

Лисистрата

Помолчите же!

(Читает.)

«В день, когда ласточки стаей слетятся в единое место,
Грубых удонов оставив, удоновых ласк избегая,
В бедах спасенье дарует и низшее сделает высшим
Зевс громовержец!...»

Третья женщина

790

Мой бог, значит, сверху лежать нам придется!

Лисистрата

«...Если же, крылья раскинув, от сени священного храма
Ласточки врозь разлетятся, тогда прослывят эти птицы
Между пернатых презренной и самую падкою тварью».

Третья женщина

Все ясно, Зевс свидетель!

Лисистрата

Так не станем же,
Подружки, расходиться в малодушни.
Вернемся в крепость! Ведь постыдно было бы
Не соблюсти священное пророчество.

Лисистрата и женщины входят в крепость.

Хор стариков

Строфа

Сказку

Расскажу вам в назиданье; эту сказку

Слышал я в детстве.

800

Жил на свете молодой Миланион.

Женской ласки он боялся как огня.

В дебри он жить ушел.

Сети, капканы плел,

Зайцев, лисиц ловил,
Другом собаку взял.
И домой не возвращался,
И не примирился.

Вот что!

Так он женщин ненавидел,
Вот и мы ничуть не меньше.
810 И Миланиона мы
Не глупей.

Предводитель стариков
Поцелуемся, дружок?

Предводительница женщин
Заревешь без чеснока!

Предводитель стариков
Так поленом в ребра дам!

Предводительница женщин
Что за рошей ты оброс!

Предводитель стариков
Был и Миронид таков,
Был космат и волосат.
Был угрозою врагам,
Формиону другом.

Схватка.

Хор женщин

Антистрофа

Сказку

820

Расскажу тогда и я в ответ на сказку
Про Миланиона.

Жил был Тимон, был он зол и ядовит,
Как репейник, неприступен и колюч.
Вскормлен Эринией.
Черною желчью поли,
Тимон в леса ушел,
В мрачной пещере жил

830 И проклятьем страшным проклял
Вас, мужчин негодных.
Вот что!

Так всю жизнь он ненавидел
Подлый род мужчин негодных,
А для женщин был всегда
Нежный друг.

Предводительница женщин
Хочешь в зубы получить?

Предводитель стариков
Ох, не надо, ох, боюсь!

Предводительница женщин
Так ногой ударю в бок!

Предводитель стариков
Все откроешь, берегись!

Предводительница женщин

840 И пускай! Хоть я стара,
Не увидишь ты волос:
Гладко все и чисто все,
Выжжено на свечке.

Схватка.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Входит Лисистрата.

Лисистрата

Сюда, сюда, подружки, поскорей ко мне
Бегите!

Вбегают женщины, среди них — Миррина.

Первая женщина

Что случилось? Что за крик? Скажи!

Лисистрата

Вот, вот, мужчина! Он бежит как бешеный,
Охвачен Афродитиным неистовством.

Миррина

Царица Кипра, Киферей, Пафоса,
Веди его и впредь такой дорогою!

Первая женщина

А кто и где он?

Лисистрата

850

Возле храма Хлонна.

Первая женщина

Да вот он, вот он! Видит бог! Но кто ж это?

Лисистрата

Глядите, не признаете ль?

Миррина

Свидетель Зевс,
Признала я! Да это же Кинесий мой!

Лисистрата

Так стойкой будь! Поджарь и подрумянь его!
Дразни его, люби и не люби его!
Но помни то, о чем клялась над чашею.

Миррина

Все помню, будь покойна.

Лисистрата

Ну, так я сперва
Его приму и встречу доброй шуткою.
Уж я его поджарю! Ты ж уйди пока!

Женщины, кроме Лисистраты, уходят. Появляется Кинесий.

К и н е с и й

860 О, горе, горе! Что за схватки страшные!
Какие рези! Как на дыбе рвут меня!

Л и с и с т р а т а

Стой! Кто идет? Здесь караулы!

К и н е с и й

Я иду.

Л и с и с т р а т а

Мужчина?

К и н е с и й

Ох, мужчина!

Л и с и с т р а т а

Убирайся прочь!

К и н е с и й

Ты кто ж сама, что гонишь?

Л и с и с т р а т а

Здесь на страже я.

К и н е с и й

Так позови Миррину, я прошу тебя.

Л и с и с т р а т а

Позвать тебе Миррину, вот как? Кто же ты?

К и н е с и й

Я — муж ее, Кинесий, из Пеония.

Л и с и с т р а т а

Так здравствуй же, любезный! Не безвестен ты!

Твое имя нам всем знакомо славное.

870 Жена твоя нам вечно знакома твердит.

Яйцо ли ест иль грушу: «За здоровье
Кинесия!» — прибавит.

К и н е с и й

Ах ты, милая!

Л и с и с т р а т а

Клянусь Кипридой! Если ж разговор зайдет
О вас, мужчинах, говорит жена твоя:
«Щенята все перед моим Кинесием».

К и н е с и й

Зови ж ее!

Л и с и с т р а т а

Ну вот! А что подаришь мне?

К и н е с и й

Я хоть сейчас согласен, если хочешь ты.
Одно имею,— что имею, дам тебе.

Л и с и с т р а т а

Так я пойду и позову.
(Уходит.)

К и н е с и й
(один)

Скорей иди!

880 Ведь для меня нет в жизни больше радости!
С тех пор, увы, как из дому ушла жена,
И в дом входить противно. Все мне кажется
Несносною пустыней. Удовольствия
В еде не нахожу я. Как в огне горю.

М и р р и н а
(со стены)

Его люблю, люблю я. Но любви моей
Ему не надо. Лучше не зови меня!

К и н е с и й

О чем ты там, Мирриночка, любовь моя?
Сойди ко мне скорее!

М и р р и н а

Ни за что! Нет, нет!

К и н е с и й

На голос мой ты не придешь, Мирриночка?

М и р р и н а

890 Тебе меня не нужно! Так зачем идти?

К и н е с и й

Что говоришь — не нужно? Нужно до смерти!

М и р р и н а

Прощай же!

К и н е с и й

Не меня, так хоть ребеночка
Послушайся! Зови, сыночек, мать свою!

(Измененным голосом.)

Ай, мама, мама, мама, мама!

(Продолжает.)

Что, жаль тебе? Ведь это ж твой ребеночек,
Шестой уж день не мытый и не кормленный.

М и р р и н а

Ах, мне-то жаль! Но вот отцу до бедного
И дела нет.

К и н е с и й

Сойди, возьми дитя свое.

М и р р и н а

(выходит из ворот)

Сойду! Как быть! О, сердце материнское!

К и н е с и й

900 Теперь она мне и моложе кажется,
Чем прежде, и во много раз красивее.

А этот холодок ее и прихоти
С ума меня сведут от страсти бешеной.

М и р р и н а

Отца-злодея маленькое дитяtko!

(Ласкается.)

Дай, поцелую, приласкайся к матери!

К и н е с и й

Ах, глупая! Зачем ты это делаешь?

Послушавшись подруг, меня ты мучаешь

Да и себя изводишь.

(Обнимает ее.)

М и р р и н а

Мне и дела нет!

К и н е с и й

Нет дела до того, что вышивание

Твое растащат куры?

М и р р и н а

910

Пропадай оно!

К и н е с и й

И Афродита от тебя давно уже

Не видит угожденья. Возвратись домой!

М и р р и н а

Не возвращусь, пока вы не помиритесь

И воевать не кончите.

К и н е с и й

Так, может быть,

Мы сделаем и это.

М и р р и н а

Ну так, может быть,

И мы к вам возвратимся. А сейчас нельзя!

К и н е с и й

Но ты пока приляг со мною, милая!

М и р р и н а

Нет, нет! И все ж люблю тебя без памяти.

К и н е с и й

Ты любишь, любишь? Так приляг, Мирриночка!

М и р р и н а

920 Смешной ты, право! Здесь, перед ребеночком!

К и н е с и й

Нет, нет! Манет! Ребенка отнеси домой.

(Закрывается.)

Вот видишь — нет сыночка, не видать его.
Приляг же поскорее.

М и р р и н а

Где же ляжем мы,

Глупец?

К и н е с и й

В пещере Пана, превосходно там.

М и р р и н а

Но как в Акрополь я вернусь нечистою?

К и н е с и й

Что за беда, в Клепсидре ты помоешься.

М и р р и н а

Ты хочешь, чтобы клятву я нарушила?

К и н е с и й

Грех на меня! О клятве позабудь своей!

М и р р и н а

Так коврик принесу я.

К и н е с и й

А на что его?

И на земле мы можем.

М и р р и н а

930

Не позволю я,
Чтоб на земле лежал ты. Видят боги, нет!
(Убегает.)

К и н е с и й
(один)

Меня, конечно, любит эта женщина.

М и р р и н а
(возвращаясь)

Ну вот, ложись! Ты видишь, раздеваюсь я.
Ай, ай! Как быть? Перинка нам нужна теперь!

К и н е с и й

К чему ее? Не надо!

М и р р и н а

Надо, миленький!
Так жестко будет.

К и н е с и й

Радость, поцелуй меня!

М и р р и н а

Ну вот!
(Целует и убегает.)

К и н е с и й

Ай, ай! Как сладко! Возвращайся же!

М и р р и н а
(возвращается)

Ну, вот перинка! Ляг же! Раздеваюсь я!
Ай, ай! Как быть? Что делать? Ведь подушки нет!

К и н е с и й

Не надо мне подушки!

М и р р и н а

940

Нужно мне зато.
(Убегает.)

К и н е с и й

(один)

О друг мой, как Геракла, угощают нас!

М и р р и н а

(возвращается)

Ну вот, привстань, готово! Будто все теперь?

К и н е с и й

Конечно, все! Приди ж скорее, золотце!

М и р р и н а

Сейчас, снимаю пояс. Ну так помни же
О мире. И не вздумай обмануть меня!

К и н е с и й

Пускай погибну!

М и р р и н а

Боги! Покрывала нет!

К и н е с и й

Не надо покрывала! Я тебя хочу!

М и р р и н а

Вот погоди, успеешь! Я тотчас вернусь.
(Уходит.)

К и н е с и й

(один)

950

Она меня убьет своими тряпками!

М и р р и н а
(*возвращается*)

Приподнимись немного!

К и н е с и й

Все уж поднято!

М и р р и н а

Натремся маслом, хочешь?

К и н е с и й

Не хочу, нет, нет!

М и р р и н а

Клянусь Кипридой, все равно натру тебя!
(*Убегает.*)

К и н е с и й
(*один*)

Владыка Зевс! Пусть масло разольет она!

М и р р и н а
(*возвращается*)

Ну, протяни же руки и натри себя!

К и н е с и й

Геракл свидетель, масло мне не нравится!
Оно чем хочешь пахнет, а не свадьбою.

М и р р и н а

Что принесла я? Масло деревянное!

К и н е с и й

Оставь его, отлично!

М и р р и н а

Что за глупости!
(*Убегает.*)

К и н е с и й
(один)

960 Будь трижды проклят тот, кто масло выдумал.

М и р р и н а
(возвращается)

Ну вот, прими же склянку!

К и п е с и й

Вот где скляночка!

Ложись ко мне и больше ничего уже
Не приноси!

М и р р и н а

Дружочек, так и сделаю.
Вот видишь, разубаюсь. Но за договор
Голосовать ты будешь?

К и н е с и й

Да, клянусь тебе!

(Хочет обнять Миррину, та вырывается и убегает.)

Несчастный я! Женой замучен до смерти!

Дразнила, изнурила и оставила.

Ах, куда мне спешить и кого мне любить?

Та, что мне всех милей, обманула меня.

970 Как ребеночка мне без жены прокормить?

Филострат, Филострат!

Кормилицу найди мне!

П р е д в о д и т е л ь с т а р и к о в

Велика твоя скорбь, тяжела твоя боль,
Мой несчастный, мой бедный, обманутый друг!

Ай-ай-ай, я тебе сострадаю.

Чье железное сердце снесет эту боль?

Чьи стальные бока, чей упрямый хребет?

Чья печенка, чьи бедра, чей нежный цветок,

Если с каждой зарей

980 Он тщетно расцветает?

К и н е с и й
(корчится на подстилке)

Что за жгучая боль, что за рези, о Зевс!

Предводитель стариков
Ну а кто виноват, кто обидел тебя?
Ненавистная, низкая, мерзкая тварь!

К и н е с и й

Нет, прелестная, нежная, сладостней всех!

Предводитель стариков
Что за нежная,— нет!
Безобразная, грязная, вот что!

О Зевс!

Как песчинку с земли к облакам ее взвей!
В урагане и буре, в грозе и огне,
990 Закрути ее вихрем, столбом заверти,
Задуши, оглуши, а потом отпусти,
Чтоб обратно на землю упала она
И, с размаху насеv,
Наскочила к мужчине на вертел.

Э П И С О Д И Й Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

Выходит Спартанский вестник.

Спартанский вестник

Афинян где Собрание и старейшины?
Пританы где? Пришел я с важной новостью.

А ф и н я н и н
(выходит)

Ты кто такой? Мужчина иль чудовище?

Спартанский вестник

Глашатай — я, свидетель Зевс! Пришел сюда
Из Спарты, чтоб о мире разговаривать...

Афинянин

1000 А это что под мышкой, ты копые несешь?

Спартанский вестник

Да нет же, видят боги!

Афинянин

Что ты вертишься?

Накидку закрылся! Или опухоль —

С дороги?

Спартанский вестник

О мой Кастор! Привязался же,
Болтун!

Афинянин

Да ты жениться хочешь, бедненький!

Спартанский вестник

Нисколько, Зевс свидетель! Что за вздор еще!

Афинянин

А это что же!

Спартанский вестник

Трость лакедемонская!

(Раскрывается.)

Афинянин

Тогда и это — трость лакедемонская?

(Та же игра.)

Все знаю я, ты видишь. Расскажи же мне,
Как вам теперь живется в Лакедемонe?

Спартанский вестник

1010 Восстал весь Лакедемон, и союзники
Поднялись. «Дай Пеллану!» — восклицают все.

Афинянин

Но кто ж виновник бедствия народного?
Неужто Пан?

Спартанский вестник

Нет, нет! От Лампито пошла
Зараза. А потом, ее послушавшись,
Все женщины поклялись в Лакедемоне
Не подпускать мужчин к своим смоковницам.

Афинянин

Ну, как же вы?

Спартанский вестник

Одна беда! По городу
Как со свечами бродим, спотыкаемся.
Ведь женщины к себе и прикоснуться нам
1020 Не позволяют, прежде чем с Элладою
Не заключим мы мира и согласия.

Афинянин

Так вот оно! По всей Элладе женщины
О том же сговорились. Понимаю все!
Скажи же в Спарте, чтоб послов отправили
Сюда скорее, и с правами полными.
А я в Совете нашем объясню беду
И предложу послов избрать немедленно.

Спартанский вестник

Бегом бегу. Сказал ты слово здоровое!

Оба уходят.

Предводитель стариков

Зверя нет сильнее женщин ни на море, ни в лесу.
1030 И огонь не так ужасен, и не так бесстыдна рысь.

Предводительница женщин

Вот и видно! Потому-то и воюешь ты со мной?
А ведь мы с тобой могли бы в нерушимой дружбе

жить.

Предводитель стариков

Вечно женщин ненавижу обещаю и клянусь!

Предводительница женщин

Как угодно! Только все же видеть не могу тебя
Оголенным. Погляди-ка, все смеются над тобой!
Подойду и душегрейку на тебя надену я.

Предводитель стариков

Хорошо ты поступила, видит бог, не ожидал!
Распалившись в жарком споре, наземь сбросил я ее.

Предводительница женщин

1040 Вот теперь и ты — мужчина. Не смеются над тобой.
А когда б меня не злил ты, я б из глаза твоего
Злого вытащила зверя, что давно уже сидит.

Предводитель стариков

Потому-то так чесалось у меня. Возьми кольцо.
Прогони из глаза зверя, только покажи сперва,
Что так грызло и свербило мой несчастный старый
глаз.

Предводительница женщин

Так и сделаю, хоть был ты не любезен и сердит.
Зевс великий, ну и зверь же! Погляди, какой комар!
Из Трикорифа, должно быть, родом он. Ну что,
хорош?

Предводитель стариков

Зевс свидетель, вот спасибо! Буравом сверлил он глаз.
И сейчас еще, ты видишь, слезы катятся ручьем.

Предводительница женщин

1050 Вот тебе утру я слезы, хоть и был ты очень зол.
Поцелую.

Предводитель стариков

Прочь, не надо!

Предводительница женщин

Поцелую все равно!

Предводитель стариков

Отойди, меня не трогай! Все вы льстивы, кошки все!
В старой, мудрой поговорке правда сказана о вас:
«Ах, и с ними невозможно — и без них никак нельзя».

Предводительница женщин

Будем все-таки мириться! Сговоримся, и уж впредь
Ни тебя я не обижу, ни меня не тронешь ты.
Подойдите ж к нам, и вместе песню новую начнем!

Хоры соединяются.

Первое полухорие

Строфа Зла не помним, зло забудем.
1060 Братья, говорить не будем
Сплетен злых ни про кого.
Мы добры, мы щедры
Делом и советами.
Без того много бед
Боги посылают нам.
Каждый пусть скажет нам,
Женщина, мужчина ли,
Не хотите ли вы денег:
1070 Мины три или четыре
Или больше?
Кошелек полны у нас.
А когда настанет мир
И вернуть вы долг решите,
Ни полушки
Не придется вам платить.

Второе полухорие

Антистрофа Мы знакомых из Кариста
Поджидаем на пирушку,
Милых, дорогих гостей.
Есть у нас шей горшок,
С кашей поросенок есть.
1080 Нежен он, жирен он,
Только что заколот он.
Просим в дом, всех зовем:
Вместе приходите к нам!

Утром сразу после бани,
И детей с собой берите,
И знакомых!
Заходите смело в дом,
Проходите, не спросясь,
Чувствуйте себя как дома,
Только знайте —

1090 Будут двери на замке.

Предводитель хора

Вот идут, погляди, с бороδοю по грудь,— то посланцы народа
лаконян.
Что за ужас у них: между ребер забор-частокол, чтоб
привязывать свиней.

Э П И С О Д И Й П Я Т Ы Й

Входят спартанцы.

Предводитель хора

Привет мой вам, Лакедемона граждане!
Что скажете и как живете, милые?

Спартанский посол

Антэпиррема К чему слова, о чем еще рассказывать?
Как мы живем, сейчас вы сами видите.

Предводитель хора

Ой-ой-ой-ой, раздулась страшно опухоль
И воспаление сильно увеличилось.

Спартанский посол

1100 Ужасно, несказанно! Поскорее бы
Найти того, кто может возвратить нам мир!

Предводитель хора

И здешние сюда подходят жители
С накидкою, приподнятой у пояса

Как будто бы для бега. Право, кажется,
Что их болезнь природы гимнастической.

Входят афиняне.

Афинский посол

Кто нам расскажет, где найти Лисистрату?
Мужчины мы, и наша боль неслыханна.

Предводитель хора

Вот-вот, и здесь болезни той же признаки.
И вы под утро судорогой мучитесь?

Афинский посол

1110 О да! И скоро уж вконец измучимся.
И если мира не добудем тотчас же,
Так берегись, Клисфен, не попадайся нам!

Предводитель хора

Подолами прикрыться не мешает вам,
Чтобы, как Герму, вас не обесчестили.

Афинский посол

Совет разумный.

Спартанский посол

Полидевк свидетель мне!
Совет прекрасный. Вот плащом закрылись мы.

И те и другие закрываются.

Афинский посол

Привет, спартанцы! Боль мы терпим страшную.

Спартанский посол

О да, и мы! И как такую опухоль
Соседям мы покажем, и не знаю я.

Афинский посол

1120 Скажите ж прямо нам, лакедемоняне,
Зачем вы здесь?

Спартанский посол

За миром нас отправили.

Афинский посол

Отлично! Для того и мы пришли сюда.
Так почему ж нам не позвать Лисистрату?
Ведь примирить она одна сумеет нас.

Спартанский посол

Прекрасно, позовите же Лисистрату!

Афинский посол

И звать ее как будто не приходится.
Она нас услышала и сама идет.

Из ворот выходит Лисистрата.

Предводитель хора

О владычица женщин, мы славим тебя! Покажи себя
снова царицей.

Непреклонной и кроткой, искусной, прямой,
величавой, прелестной и мудрой!

1130 Колдовством твоим связаны, видишь, стоят пред
тобой полководцы Эллады,
Доверяя тебе, поручая тебе разрешить свое горе и
беды!

Лисистрата

Совсем это нетрудно, если мучатся
Они тоской и страстью ненасытной.
Сейчас мы все увидим. Тишина, ко мне!

Является нимфа Тишина.

Возьми сперва лакедемонян за руки,
Не грубо, не насильно, не назойливо —
Как делали мужчины наши глупые, —
1140 Как женщина, учтиво и приветливо.
А не дадут руки, схвати их иначе.
Вот так! Теперь афинян приведи ко мне!
За то возьми их, что тебе дадут они.

Ко мне приблизьтесь, граждане лаконские!
И вы, другие! Что скажу вам, слушайте!
Я женщина и рождена разумною.
Меня природа наградила знанием:
От старших, от отца немало доброго
Слыхала я и научилась многому.
Вас побранить хочу я, взявши за руки,
И справедливо. Как родные, кровные,
1150 Из одного ковша вы возливаете
На алтари — у Фермопил, в Олимпии,
В Пифо, да где еще, не перечить всего!
И вот, перед лицом враждебных варваров,
Поля Эллады вы опустошаете!

А ф и н я н и н
(в сторону)

Меня, увы, опустошают колики!

Л и с и с т р а т а

Одно я вам сказала — дело важное!
К вам речь моя теперь, лакедемоняне!
Забыли вы, как алтари афинские
1160 С мольбою обнял Периклид лаконянин,
Бледнее снега, хоть в одежде пурпурной,
И помощи просил. А вся Мессения
Тогда востала, и земли дрожанием
Казнил вас бог. Щитов четыре тысячи
Повел наш Кимон в Спарту, и пришел — и спас.
И чем же отплатили вы афинянам?
Вы землю, вам помогшую, сжигаете!

А ф и н я н и н

Обида, Зевс свидетель, о Лисистрата!

С п а р т а н е ц

Обида, да!

(В сторону.)
Какие грудки круглые.

Лисистрата

1170 Ты думаешь, афинян я не выберю?
Забыли вы, как воины спартапские
Пришли к нам в город, в дни, когда ходили вы
В рубашке рабьей? Как наймитов Гиппия
Прогнали прочь и фессалийских всадников?
Они одни в тот год друзьями были вам
И вас спасли и, рабье скинув рубище,
Народу возвратили гражданина плащ.

Спартапнец
(в сторону)

Нигде разумней я не видел женщины!

Афинянин
(так же)

А я прелестней стана не видал нигде!

Лисистрата

1180 Зачем же, дружбу позабыв старинную,
Вы спорите и споров не кончаете,
Не заключите мира? Что мешает вам?

Спартапнец

Мириться мы согласны, возвратите лишь
Колечко наше!

Лисистрата

Что? Колечко?

Спартапнец

Пилос наш!
Мы по нему давно уже соскучились!

Афинянин
Свидетель Зевс, колечка мы не выдадим!

Лисистрата

Отдайте им!

Афинянин

Стоянку превосходную?

Лисистрата

Взамен его другое что потребуйте!

Афинянин

Отлично! Так сперва нам дайте, как его?..
Да, Эхинунт! Потом бугры Мегарские
1190 И перешеек и косу Мелийскую!

Спартанец

Не все зараз! Всего отдать не можем мы!

Лисистрата

Из-за косы неужли спорить станете?

Афинянин

Ах, я б рубашку скинул и пахать пошел!

Спартанец

А я сперва навоз бы вывез на поле!

Лисистрата

Вот помириться — и за соху приметесь.
Ну, если так, приступим к совещанию
И заодно уж пригласим союзников.

Афиопянин

Союзников? На что их? Все пылаем мы.
Ты думаешь, что не хотят союзники
Того же?

Спартанец

1200 Зевс свидетель, да и как еще!

Афинянин

Клянусь богами, даже и каристяне!

Лисистрата

Отлично! Так идите и очиститесь!
Потом к себе вас пригласим мы, женщины,
И, чем богаты, угостим вас с радостью.

Друг другу там вы присягнете в верности,
А после каждый вновь возьмет жену свою
И в дом свой возвратится. Так ступайте же!

С п а р т а н е ц

Иди вперед, а там и мы!

А ф и н я н и н

Скорей! Скорей!

(Уходит.)

П е р в о е п о л у х о р и е

Строфа 1210 Есть у нас ковры цветные,
Ожерелья золотые,
Покрывала и платки.
Нам не жаль ничего!
Уносите все с собой.
Мальчик ваш, дочка — пусть
В праздник нарядится в них.
Все для вас, все даем!
Выбирайте все, что есть!
Что в ларях у нас найдете.
И замочков и печатей
1220 Не жалейте!
Рвите смело красный воск!
Что найдете — ваше все!
Но чтоб что-нибудь найти там
И увидеть,
Надо зорче быть, чем я!

В т о р о е п о л у х о р и е

Антистрофа 1230 Если хлеба в доме мало,
На руках семья большая,
Слуг, детишек полон дом,
У меня тот пускай
Заберет пшеницы куль.
Хватит меры одной,
Чтобы каравай испечь.
Кто в беде, кто в нужде,
Приходите все ко мне!
Поспешите за пшеницей

С коробами и с мешками,
Все насыплет
Вам до верха мой Манет.
1240 Но прошу к моим дверям
Близко вас не подходить:
Знайте, в доме
На цепи сердитый пес.

Пляска хора.

Э К С О Д

А ф и н я н и н
(*выходит с факелом*)

Кто там? Откройте двери! Ты чего стоишь?
С дороги прочь, не то вот этим факелом
Прижгу тебя, хоть эта шутка грубая!

П р е д в о д и т е л ь с т а р и к о в

Конечно, да, но чтобы вам понравиться,
Когда угодно, пострадать согласен я.

П р е д в о д и т е л ь н и ц а ж е н щ и н

С тобою, друг, согласны пострадать и мы.

Продолжают плясать.

А ф и н я н и н

1250 Пошли с дороги! Вот прижгу вам волосы!
Пошли с дороги! Чтоб лакедемоняне
Могли спокойно выйти, пообедавши.

Выходит группа афинян.

В т о р о й а ф и н я н и н

Такой пирушки мы еще не видели!
И как спартанцы нынче были вежливы!
Мы ж, как всегда, за чашей всех находчивей.

Т р е т ь и й а ф и н я н и н

Вот-вот! А в трезвом виде — безрассудней всех,

Когда б меня афиняне послушались,
Они б вели переговоры выпивши.
Теперь же в Спарту мы приходим трезвые,
Того и ищем, что́ бы замутить еще,
1260 Того, что говорят нам, мы не слушаем,
И то подозреваем, что не сказано,
Потом доносим то, чего и не было.
Теперь же все отлично; и пускай они,
Запев «Аянта», кончат «Клидагорою»,—
Похвалим мы и присягнем с охотою!

Второй афинянин
(хору)

Но вот они уж снова возвращаются.
Пошли, пошли, с дороги прочь, негодные!

Третий афинянин

Свидетель Зевс, выходят гости из дому!

Выходят спартапцы в сопровождении флейтистов.

Спартапнец
(флейтисту)

Возьми, дружочек, флейту и играть начни!
А я станцую и спою вам песенку —
1270 Про нас и про афинян, песню дружества.

Афинянин

Да, да, возьми дуделку и сыграй на ней!
Как рад я слышать песенку лаконскую!

Спартапнец
(поет и пляшет)

Мнемосина!
Памяти нашей
Голос дай, вспомнить дай,
Как с афинянами рядом
Дружно мы бились.
1280 Артемисия видели воды
Славу нашу.
И бежали персы.

Помню, в битву Леонид
Нас повел, кабанов стаю.
Крепкие мы наточили клыки.

Струи

1290 Пота текли по щекам,
И сковывал холодный страх колена.
Столько, столько было персов,
Как песка у моря!
О Артемида, охотница славная,
К нам приди, дева лесов!
Мира желанного, доброго, долгого,
Радости долгой, согласия вечного
Нам положи начало!
Пусть лукавство лисье, норов волчий
Навсегда теперь забудем мы!
Приди же, приди же,
Дева-охотница!

Выходят Лисистрата и женщины.

Лисистрата

1300 Теперь, когда счастливо все покончено,
Своих возьмите жен, лакедемоняне!
А вы — своих! Пусть к мужу подойдет жена
И муж — к жене. Сейчас, друзья, на радостях
Богам во славу спляшем мы, а в будущем
Остерегайтесь, не грешите более!

Спартанцы и спартанки образуют один хор, афиняне и афинянки — другой.

Хор афинян
(поет и пляшет)

Пойте, пляшите,
Зовите прекрасную
К нам Артемиду, Харит призывайте!
Хоров водителя светлого славьте Иэя,
Славьте владыку Нисийского
1310 Вакха, Менад иступленных властителя буйного.
Зевса зовите, держащего молнию,
Зевса супругу державную,
Все божества призывайте в свидетели,
Вечные, зоркие, мудрые,

Нашего мира, согласия нашего,
Властной Кипридой рожденного!
Ала-ла-ла! иэ! пеан!
Скачите все, иэ!
1320 Славьте победу! иэ!
Эвой! эвой! эва! эва!

Лисистрата

Теперь о новом спойте песню новую!

Хор спартанцев
(поет и пляшет)

Милый склон оставив Тайгета,
К нам приди, о муза спартиатов!
Прославь Амиклейского бога,
Владычицу в капище медном
И Тиндарея детей,
Пляшущих возле Эвроты.
Кружитесь дружно, ноги поднимайте!
Свою мы Спарту славим.

1330 Эти хоры, топот, пляска — в честь родных богов.
Над Эвротом дочери Спарты ведут хоровод.
Разом в землю ногами бьют,
Кружатся быстро.

Косы порхают, как у вакханок,
Поднявших в воздух легкий тирс.
Дочь Леды впереди их
Ведет веселый хоровод.

Вплетите в волосы цветы, скачите выше, выше,
Как в поле молодой олень! В ладони ударяйте!
Прославьте грозную в боях Богиню в медном

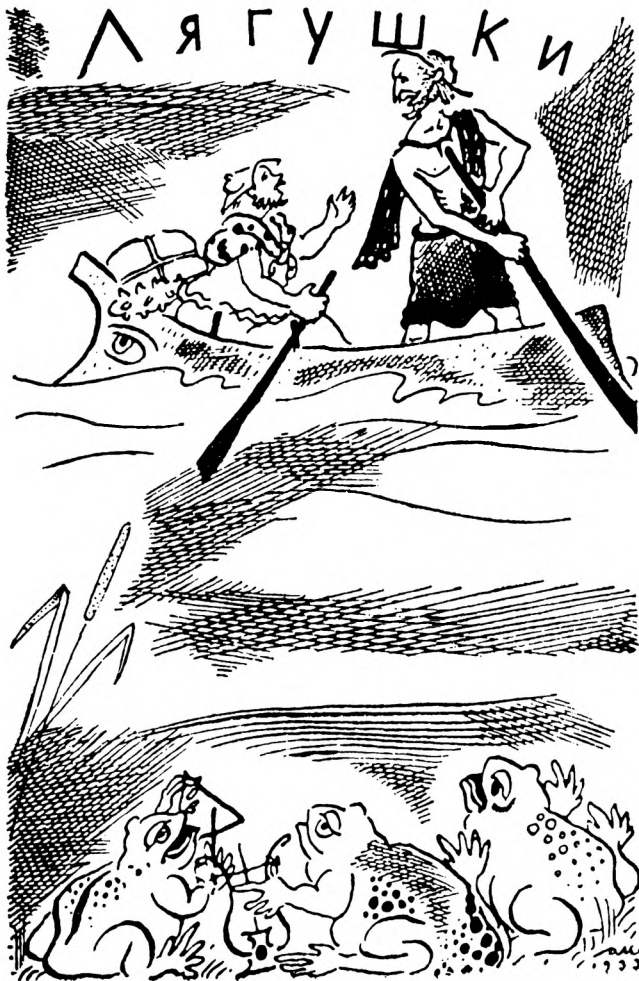
храме!

Актеры и хоры покидают оркестру.

ЛЯГУШКИ

Л Я Г У Ш К И

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дионис — бог театра.
Ксанфий — его слуга.
Геракл.
Покойник.
Харон — перевозчик в царство мертвых.
Плутон — бог преисподней.
Эсхил — трагический поэт.
Еврипид — трагический поэт.
Эак — слуга Плутона.
Служанка Персефоны.
Первая торговка.
Вторая торговка.
Хор лягушек.
Хор из двадцати четырех мистов.

ПРОЛОГ

Пустая орхестра. В глубине постройка — «Храм Геракла». Дионис, наряженный в шкуру льва, с палицей в руке, и Ксанфий с поклажей, верхом на бутафорском осле, выходят на орхестру.

Ксанфий

Сказать ли, сударь, шуточку привычную
Из тех, что вечно потешают зрителей?

Дионис

Скажи! Не говори лишь: задыхаюсь я!
Уж это — шутка чрезвычайно старая.

Ксанфий

Так что ж сказать?

Дионис

Не говори: ой, лопаюсь!

Ксанфий

Вот шуточка отличная!

Дионис

Скажи смелей!
Не говори лишь одного.

Ксанфий

Чего еще?

Дионис

Что, ношу перекладывая, треснешь ты.

Ксанфий

А это: издыхаю я под тяжестью.
Снимите, а не то в штаны...

Дионис

10 Прощу тебя.
Не продолжай! Давно уже тошнит меня.

Ксанфий

Зачем же я поклажу на себе ташу,
Когда и пошутить нельзя, как водится
У Фриниха, у Ликида с Амипсием?
У них рабы таскают груз в комедиях.

Дионис

Не надо лучше! Всякий раз, как вижу я
В театре эти штучки знаменитые,
Иду домой, на целый год состарившись.

Ксанфий

20 Чтоб ты свернулась, шея злополучная!
Вся в синяках, а пошутить не велено.

Дионис

А разве не нахальство, не разврат сплошной:
Я как-никак, а Дионис, Бочонка сын,
Тружусь пешком, а этого — верхом везу,
Чтоб не устал он и не нес бы тяжестей!

К с а н ф и й

Я разве не несу?

Д и о н и с

Ничуть, ведь едешь ты!

К с а н ф и й

Несу же вот!

Д и о н и с

Да как же?..

К с а н ф и й

Еле-елешки!

Д и о н и с

Да ведь не ты поклажу, а осел везет.

К с а н ф и й

Я и везу, я и несу, свидетель Зевс!

Д и о н и с

30 Да как несешь, ведь самого другой несет?

К с а н ф и й

Не знаю, но плечо совсем раздавлено.

Д и о н и с

Раз никакой нет пользы от осла тебе,
Слезай живее, на себе тащи осла!

Шуточная потасовка.

К с а н ф и й

Ай-ой, зачем я не сражался на море!
Тогда б — шалишь! — плевать я на тебя хотел!

Д и о н и с

Слезай, негодный! Вот уже добрались мы
До двери. Здесь нам остановка первая.

Они останавливаются в глубине оркестры перед дверью храма.

Дионис
(стучит в дверь)

Эй, мальчик! Эй, скорее! Открывай, эй-эй!

В дверях показывается Геракл.

Геракл

Кто в дверь стучит? Что за кентавры ломаются?

Да что это такое? Говори, ты кто?

Дионис в ужасе спрятался за Ксанфия. Шепчет.

Дионис

Эй, Ксанфий!

Ксанфий

Что?

Дионис

Ты не заметил?

Ксанфий

40

Что еще?

Дионис

Как испугался он меня?

Ксанфий

С ума сойти!

Геракл
(громко хохочет)

От смеха удержаться не могу никак,

Кусаю губы, а смеюсь. Хо-хо-хо-хо!

(Продолжает хохотать раскатисто.)

Дионис

Чудак, послушай, подойди! Ты нужен мне.

Геракл

Да не могу отделаться от хохота.

На женской рубашонке шкура львиная!

Вот вздор! В чем дело? Туфельки и палица!
Куда собрался?

Дионис

Воевал с Клисфеном я.

Геракл

И на море сразился?

Дионис

И пустил ко дну

50 Двенадцать или двадцать суден вражеских.

Геракл

Кто? Ты?

Дионис

Да, Зевс свидетель!

Ксанфий

(в сторону, с ужимкой)

Тут проснулся я!

Дионис

На корабле я перечел трагедию,
Творенье Еврипида «Андромеду».
(Очень торжественно.)

Тут

Желанье прямо в сердце мне ударило.

Геракл

Желанье?

Дионис

Ростом с великана Молона.

Геракл

По женщине?

Дионис

Нисколько.

Г е р а к л

По мальчишке?

Д и о н и с

Нет.

Г е р а к л

Так по мужчине?

Д и о н и с
(в ужасе)

Ой!

Г е р а к л

С Клисфеном спутался?

Д и о н и с

Не смейся, брат, а лучше пожалей меня!
Томление такое душу жжет мою.

Г е р а к л

Какое ж, братец?

Д и о н и с

60 Рассказать не в силах я,
Но попытаюсь разъяснить сравнением.
Тоску по каше ты знавал когда-нибудь?

Г е р а к л

По каше, ну, еще бы! Тридцать тысяч раз.

Д и о н и с

Сказал я ясно, или объяснить еще?

Г е р а к л

Про кашу? Нет, не надо! Понямаю все.

Д и о н и с

Такое же грызет меня томление
По Еврипиду.

Г е р а к л

Что ты, по покойнику?

Д и о н и с

Да, и ничто меня не остановит, знай!
Иду за ним.

Г е р а к л

И даже в глуби Тартара?

Д и о н и с

70 И если нужно, то еще глубиннее.

Г е р а к л

Зачем?

Д и о н и с

Ищу поэта настоящего.
(Торжественно.)

«Одних уж нет, а те, кто есть, — ничтожество».

Г е р а к л

Как, разве умер Иофонт?

Д и о н и с

Один лишь он
Чего-нибудь да стоит, Да и то вопрос,
И в этом не уверен я как следует.

Г е р а к л

Софокл ведь лучше Еврипида. Что же ты,
Когда идти собрался, не за ним идешь?

Д и о н и с

Нет, нет, сначала поглядеть мне хочется,
Что без отца сумеет Иофонт создать.
80 К тому же Еврипид — пройдоха, каверзник —
Удрать из присподней приспособится.
А тот и здесь был тихим, и остался тих.

Г е р а к л

А Агафон? Где этот?

Д и о н и с

Он ушел от нас,
Поэт отличный и друзьям примерный друг.

Г е р а к л

Куда ж?

Д и о н и с

Куда Макар не загонял телят.

Г е р а к л

А где Ксенокл?

Д и о н и с

Чтоб сгинул он, свидетель Зевс!

Г е р а к л

Пифангел где?

К с а н ф и й

(изнемогая под тяжестью поклажи, про себя)

А про меня и речи нет.

А плечи я натер почти что до крови.

Г е р а к л

Да разве нет у вас мальчишек множества?

Трагедии они строчат по тысяче

⁹⁰ И Еврипида на версту болтливее.

Д и о н и с

Все это пустоцветы, болтунишки, мразь,

Сороки бестолковые, кропатели!

Как однодневки сгинут, получивши хор,

Один разочек переспав с трагедией.

Но днем с огнем не сыщешь прирожденного

Поэта с величавым, зычным голосом,

Г е р а к л

Какого величавого?

Д и о н и с

Такого вот,

100 Чтоб отколол коленце позабористей:
«Эфир — квартира Зевса», «лапа времени»,
Или про то, что клясться не желала мысль
И стал язык без мысли лжесвидетелем.

Г е р а к л

И это все ты любишь?

Д и о н и с

До безумия!

Г е р а к л

По-моему, так это — вздор и глупости.

Д и о н и с

Не залезай мне в голову, своей живи!

Г е р а к л

Но, право, это просто надувательство!

Д и о н и с

Учи меня обедать!

К с а н ф и й

(в сторону, со вздохом)

Обо мне — ни-ни!

Д и о н и с

110 Вот почему, наряд надев диковинный,
В тебя переодевшись, я пришел. Прошу,
Друзей своих мне назови, с которыми
Якшался ты, когда ходил за Кербером,
Все перечисли: булочные, гавани,
Ручьи, колодцы, перекрестки, тропочки,

Мосты, местечки, бардачки, гостиницы —
Там, где клопов поменьше.

К с а н ф и й
(в сторону)

Обо мне ни-ни!

Г е р а к л

И ты идти дерзаешь, сумасшедший?

Д и о н и с

Друг!

Об этом ни полслова. Назови скорей
Дорогу, чтоб сойти мне в преисподнюю,
Ни жаркую, ни чересчур холодную.

Г е р а к л

Какую же назвать тебе дорогу? А?
Одна дорожка — волоком: на бечеве
120 Повеситься.

Д и о н и с

Дорожка слишком душная!

Г е р а к л

Другая есть: короткая и торная...
Взять ступку...

Д и о н и с

На цикуту намекаешь ты?

Г е р а к л

Ну да!

Д и о н и с

Холодный, мерзлый и ненастный путь.
Тотчас зачоченеют обе голени.

Г е р а к л

Еще есть путь, не длинный: стремя голову...

Д и о н и с

Скажи, прошу, ведь я ходоk неопытный.

Г е р а к л

Сперва на Керамик приволокись...

Д и о н и с

И что?

Г е р а к л

На столп высокий поднимись...

Д и о н и с

И дальше что?

Г е р а к л

Гляди и жди, чтоб факелов начался бег.

Когда же заторопят шумно зрители:

«Валяй!» Тогда и ты валяй!

Д и о н и с

Куда же?

Г е р а к л

Вниз!

Д и о н и с

Мозги свои порастрясу, пожалуй, так.

Дорогой этой не пойду.

Г е р а к л

Какою же?

Д и о н и с

Какою ты когда-то шел.

Г е р а к л

Велик тот путь.

Сперва увидишь озеро огромное,

Бездонное.

Д и о н и с

Кто ж будет мне паромщиком?

Г е р а к л

На челночишке маленьком старик седой,

140 Гребец, за два гроша перевезет тебя.

Дионис

Ого!

Как всемогущи всюду эти два гроша.
Да как в Аид они попали?

Геракл

Ввел Тесей.

Потом увидишь змей и чудищ полчища
Страшнейшие.

Дионис

Не ври и не пугай меня!
Не запугаешь!

Геракл

Дальше — грязь ужасная,
Навоз бездонный. В нем зарыты грешники.
Кто чужеземца оскорбил заезжего,
Кто мальчика облапив, не платя, удрал,
Кто мать родную обесчестил, кто отца
150 По морде стукнул, кто поклялся кривою...

Дионис

Да, да, и с ними вместе тот несчастнейший,
Кто песнопенья выучил Кинесия
И выписал на память стих из Морсима.

Геракл

А дале — флейт услышишь дуновения
И свет увидишь дивный, как надземный день.
И рощи мирт, и радостные сонмища
Мужей и жен, и рук неисчислимых плеск.

Дионис

А это кто ж такие?

Геракл

Посвященные.

К с а н ф и й
(про себя)

Я ж, право, как осел при посвящениях.
Довольно, положу поклажу на землю.
(Кладет поклажу наземь.)

Г е р а к л

160 Они тебе расскажут все, что надобно.
Сейчас же по соседству с их жилищами
Идет дорога ко дворцу Плутонову.
Прощай теперь!

Д и о н и с

И ты, братишка, будь здоров!

Геракл уходит в дверь храма.

Д и о н и с
(Ксанфию)

А ты мешки клади обратно на плечи.

К с а н ф и й

Да я и снять их не успел.

Д и о н и с

Живее, ну!

К с а н ф и й

Нет, нет, не надо! В помощь мне найми, прошу,
Покойника, из тех, кто нам попутчиком.

Д и о н и с

А вдруг никто не встретится?

К с а н ф и й

Так я ташу.

Д и о н и с

Согласен!

На оркестре, в сопровождении музыкантов, появляется похоронное шествие.

Дионис

(останавливает шествие и обращается к покойнику)

Погляди, выносят мертвого.

Эй ты, тебе я говорю, покойничек!

170 Снести возьмешься ношу в преисподнюю?

Покойник

(с готовностью приподымаясь на смертном одре)

А ноша тяжела?

Дионис

(показывая поклажу)

Гляди!

Покойник

Две драхмы дашь?

Дионис

А меньше?

Покойник

(снова ложится на одр)

Живо, трогайте, могильщики!

Дионис

Постой, чудак, давай же поторгуемся!

Покойник

Две драхмы, баста! Понапрасну слов не трать!

Дионис

Ну, скинь хоть три обола!

Покойник

(в негодовании)

Чтоб мне вновь ожить!

Могильщики уносят покойника.

К с а н ф и й

Как важничает, подлый. Погоди же, плут!
Я понесу.

Д и о н и с

О, честный, благородный муж!
Пойдем же к перевозу!

На оркестре появляется челнок Харона.

Х а р о н

Эй, причаливай!

Д и о н и с

180 А это что?

К с а н ф и й

Что? Озеро.

Д и о н и с

Свидетель Зевс!

То самое. А вот и челночок на нем.

К с а н ф и й

Да, видят боги! Тут же и старик Харон.

Д и о н и с
(кричит)

Сюда, Харон, сюда, Харон, сюда, Харон!

Х а р о н

(подплывает на своем челноке, восклицает)

Кому в места блаженногоuspения?
Кому в равнину Леты, в доли ужаса,
В юдоль печалей, в яму, к черту, к дьяволу?

Д и о н и с

Мне!

Х а р о н

Заходи живее!

Дионис

Поплывем куда?
Неужто к черту?

Харон

Только для тебя, входи!

Дионис

(входит в челнок, зовет Ксанфия)

Эй, мальчик!

Харон

190 Стой, рабов не перевозим мы,
Когда они не воевали на море.

Ксанфий

Мне не пришлось. Ячмень над глазом выскочил.

Харон

Так обежать тебе придется озеро.

Ксанфий

А где вас ждать?

Харон

У пристаней отчаянья,
В ущельях мрака.

Дионис

Понял?

Ксанфий

(в сторону)

Понимаю, да!

И что я встретил, бедный, выйдя из дому!

Бежит кругом оркестры. Челн с Хароном и Дионисом движется поперек оркестры.

Харон
(Дионису)

Садись на весла! Кто еще плывет, входи!
Эй, эй, ты что?

Дионис

Как что? Да это самое.
Сел на весло, как ты мне сам приказывал.

Харон

Сюда, сюда садись, брюхан!

Дионис

Ну вот, сажу.

Харон

И вытяни ладони, и держи!

Дионис

Держу.

Комическая пантомима.

Харон

Довольно балагурить! В дно упрись ногой,
Греби, натужься!

Дионис

Как же мне грести, чудак,
Юнцу, береговому, сухопутному?

Харон

Сгребешь отлично. Пение услышишь ты —
И в лад ударишь веслами.

Дионис

Чье пение?

Харон

Лягушек-лебедей. Чудесно!

Дионис

Дай же знак!

Харон

Начинай, начинай!

Раздается пение лягушек. Дионис гребет в такт лягушечьей песне.

Лягушки

Брекекекекс, коакс, коакс!
Брекекекекс, коакс, коакс!
210 Болотных вод дети мы,
Затянем гимн, дружный хор,
Протяжный стон, звонкую нашу песню.
Коакс, коакс!
Нисийского бога так
Мы чествуем Бромия
На древних болотах,
В час, когда пьяной толпою,
Праздник справляя Кувшинов,
Народ за оградой нашей кружится.
220 Брекекекекс, коакс, коакс!

Дионис

А я мозоль себе натер,
А вам шутить! Коакс, коакс!
А вам плевать, а вам играть!

Лягушки

Брекекекекс, коакс, коакс!

Поют все быстрее и быстрее. Дионис все быстрее гребет, выбиваясь из сил.

Дионис

Чтоб сдохнуть вам, крича: коакс!
Заладили одно: коакс!

Лягушки

Ты просто — трус, болтун, лентяй!
Любят наше пение сладостные музы,
230 Любит козлоногий игрец на свирели, Пан,
Аполлона форминга напевам нашим вторит,
В нашей утешительной болотине

Певучий зыблется тростник.
Брекекекекс, коакс, коакс!

Д и о н и с

Я в пузырях, я в волдырях,
Измученный потеет зад,
Еще лишь миг — и прогремит...

Л я г у ш к и

Брекекекекс, коакс, коакс!

Д и о н и с

Квакучий род, тише вы!
Молчите!

Л я г у ш к и

240

Нет, будем петь
Вдвое громче. Так мы скачем
Яркосолнечными днями
Меж аира и кувшинок,
Прорезая тишь веселой
Переливчатой песней.
Так пред Зевсовым ненастьем
В час дождливый в глуби водной
Блещет след проворных плясок,
Лопающихся пузырьков.

Д и о н и с

Брекекекекс, коакс, коакс!

Квакают наперегонки и все громче и быстрее.

250

У вас я кваканью учусь.

Л я г у ш к и

Обижаешь нас ужасно.

Д и о н и с

Вы — меня. Гребу идохну.
Чуть не лопаюсь, гребу.

Л я г у ш к и

Брекекекекс, коакс, коакс!

Д и о н и с

Пишите, мне и дела нет!

Л я г у ш к и

Будем голосить, горланить,
Сколько в зычных, громких глотках
Хватит силы, день-деньской.

Д и о н и с

260 Брекекекекс, коакс, коакс!
Мне нипочем ваш горлодер.

Л я г у ш к и

А твой нам и подавно жалок.

Д и о н и с

Посмотрим, буду выть, вопить,
День целый не закрою рта,
Пока не пересилю ваше кваканье.
Брекекекекс, коакс, коакс!
Что ж замолчали? Квакайте, ну, квакайте!

Х а р о н

Постой, довольно! К пристани причаливай!
Слезай! Плати паромщику!

Д и о н и с

270 Эй, Ксанфий, эй! Где Ксанфий, где? Мой
Ксанфий, ой!

К с а н ф и й
(появляясь)

Ау!

Д и о н и с

Иди живее!

К с а н ф и й

Вот и я, ау!

Д и о н и с

Ну, что ты видел?

К с а н ф и й

Грязь и тьму кромешную.

Д и о н и с

А видел ты, скажи мне, лжесвидетелей?
Отцеубийц и взяточников?

К с а н ф и й

Да, а ты?

Д и о н и с

Конечно, видел. Вижу и сейчас еще.
(Показывает на зрителей, сидящих в амфитеатре.)
Что ж делать нам?

К с а н ф и й

Пойдем вперед, я думаю.
Ведь мы в местах, где чудища страшнейшие.
Так он сказал нам.

Д и о н и с

280

Я еще задам ему!
Он просто хвастал, чтобы напугать меня.
Он знал, как я отважен, и завидовал,
Бахвал известный, пустослов и трус Геракл.
А я хотел бы встретить приключение,
Достойное меня и путешествия.

К с а н ф и й

Какой-то шум и странный шорох слышится.

Д и о н и с
(испуганно)

Где, где?

К с а н ф и й

Да сзади.

Д и о н и с

Ну, так позади иди!

К с а н ф и й

Нет, спереди как будто.

Д и о н и с

Впереди иди!

К с а н ф и й

О боги, вижу чудище ужасное.

Д и о н и с

Какое?

К с а н ф и й

Дивное. Оно меняется.

290 То бык, то мул, а то — как будто женщина
Прелестная.

Д и о н и с

(обрадованно)

Но где же? Я прижму ее.

К с а н ф и й

И вот уже не женщина, а страшный пес.

Д и о н и с

(в ужасе)

Эмпуса, верно.

К с а н ф и й

Да, ужасным пламенем

Лицо пылает.

Д и о н и с

Да, а ноги медные?

К с а н ф и й

Одна. Другая же нога — навозная.
Чудовищно!

Д и о н и с

Куда бежать?

К с а н ф и й

А мне куда?

Д и о н и с

(бежит через оркестру к креслу, занимаемому жрецом)

О жрец мой, защити же божество свое!

К с а н ф и й

Погибли мы, Геракл, владыка!

Д и о н и с

Замолчи!

Не называй меня Гераклом, миленький.

К с а н ф и й

Ну, Дионис!

Д и о н и с

300

А это хуже в десять раз!

К с а н ф и й

Тогда ступай! Хозяин мой, сюда, сюда!

Д и о н и с

А что?

К с а н ф и й

Мужайся, снова все наладилось,
И можем мы, как бедный Гегелох, сказать:
«Из бездны волн спасло нас... привидение».
Эмпуса смылась.

Д и о н и с

Поклянись!

К с а н ф и й

Свидетель Зевс!

Д и о н и с

Клянись еще раз!

К с а н ф и й

Видит Зевс!

Д и о н и с

Клянись!

К с а н ф и й

Ей, Зевс!

Д и о н и с

Я, право, побледнел, ее увидевши.

К с а н ф и й

А плащ со страху порыжел как будто бы.

Д и о н и с

310 За что напастей столько на меня, ой-ой!
Кто из богов задумал погубить меня?

К с а н ф и й
(насмешливо)

«Эфир — квартира Зевса», «лапа времени».
Эй-эй!

Д и о н и с

Ты что?

К с а н ф и й

Не слышишь ничего?

Д и о н и с

А что?

Слышится музыка флейт.

К с а н ф и й

Играют на свирелях.

Дионис

И от факелов
Пахнуло духом смольным. Как таинственно!
Давай в сторонку встанем и послушаем.

Слышится пение хора.

Хор мистов
Иакх, о Иакх!
Иакх, о Иакх!

Ксанфий
Да это — те места, где посвященные
Поют и пляшут. Говорил Геракл о них;
320 Как грешник Диагор, Иакха чествуют.

Дионис
Ты не ошибся. Тихо постоим теперь
И разузнаем все во всех подробностях.

Отходят в сторону.

ПАРОД

На оркестру входит хор из двадцати четырех мистов с факелами в руках.

Первое полухорие

Строфа Иакх наш, снизойди к нам, золотых стен обитатель!
Иакх, о Иакх!
К нам приди, на святой луг, на зеленый!
С нами будь рад, в наш вступи ряд!
330 Пусть венок мирт многоцветных
Пышнокудрый окружит лоб!
Попляши, бог! И ногой в лад бей о землю!
Восхити дерзновенный
И веселый хоровод,
Наших игр сонм, наших плясок богомольных череду,
Песни мистов посвященных!

Хор пляшет.

- 360 Кто раздоры растит, раздувает вражду, для себя
приблелей добиваясь,
Кто лихву вымогает и взятки берет, правя городом
в годы ненастья,
Кто корабль или крепость врагу передал иль
запретный запас из Эгины
Вывозил, как бессовестный Форикион, откупщик
злополучный и мытарь,
Наши снасти, уключья, смолу, паруса в Эпидавр для
врагов отправлявший,
Кто за золотом едет в чужие края, на отчизну врагов
призывая,
Кто в часовню Гекаты зайдет за нуждой, хороводную
песню мурлыча,
Кто в отместку за шутку на играх святых, на веселых
пирах Диониса,
На собрание потребует хлеба кусок у поэтов отгрызть
комедийных, —
Налагаю запрет, и еще раз запрет, вновь и снова запрет
налагаю
- 370 Я на них, от веселия мистов гоню. Вы ж, другие,
полночную песню
Затяните, приличную часу и дню и возвышенным
праздникам нашим.

Х о р

Пусть все прилежно пляшут,
Стуча ногой о землю,
Топча святые травы
В ночных лугах.
Шутите, тешьтесь, смейтесь,
Набив живот досыта!
Пляшите, песней громкой
Спасительницу нашу
380 Воспойте и прославьте!
Она хранит
Страну вовеки эту,
Назло Форикиону.

Хоры пляшут.

Предводитель второго полухория

Затяните теперь особливую песнь, возвеличьте

владычицу жатвы,

Нашу мать Деметру — в высоких словах величавое

имя почитите!

Первое полухорие

Строфа Деметра, таинств пресвятых
Царица! Ныне с нами будь,
Твой богомольный хор храни,
Нам без помехи дай весь день
Плясать и забавляться!

Второе полухорие

Антистрофа Смешного много нам позволь
390 И много важного сказать,
Потешившись и поиграв
Достойно праздников твоих,
Дай победить на славу!
Эво!

Хоры пляшут.

Предводитель мистов

И бога-юношу теперь песней призовите!

Пускай приходит, с нами пусть празднует и пляшет!

Первое полухорие

Иакх любезный, радость наших празднеств
400 Сладчайшая, поводырем будь нашим
К богине в дом!
И покажи, что долгий путь
Нам легок и короток.
Иакх, владыка плясок, проводи меня!

Второе полухорие

Ты любишь смех. И пусть в лохмотьях платья,
Подметки рвутся, скарედность забыта.
Ты лоскуты
Благословил, чтоб без забот
Плясать могли мы и шутить.
410 Иакх, владыка плясок, проводи меня!

Первое полухорие

Плясунья быстроногая, подружка,
Красавица, одежду растрепала.
Из лоскутов
Глядит девическая грудь
Цветком розоволистым.
Иакх, владыка плясок, проводи меня!

Ксанфий

(высовывается из своего угла)

Где мир, там я. Жить не могу без общества.
Хочу плясать, хочу гулять!

Дионис

И я хочу!

Компическая пляска обоих актеров.

Предводитель мистов

Хотите, будем вместе
Шутить над Архидемом!
Семи годочков был он без родителей.
Теперь он верховодит
420 Там, на земле, у мертвых,
Главарь бродяг, воров и всякой сволочи.
Я чую, копошится
Клисфен в своей могиле.
В печали чешет зад, лицо царапает,
Колотится, согнувшись,
И плачет, и взывает
К Ядриле, чтобы в страсти он помог ему.
А Каллий знаменитый,
430 Сыночек Гиппоблуда,
Налег на девку, шкурой льва украсившись.

Дионис

(выходит вперед)

Прошу вас, объясните:
Где тут дворец Плутона?
Мы — странники и только что пришли сюда.

Предводитель мистов

Не отходи далеко,
Не спрашивай нас больше,
Но знай, у двери ты стоишь Плутоновой.

Дионис
(Ксанфию)

Возьми поклажу, мальчик!

Ксанфий

Час от часу не легче.
440 Не мех, а прямо хвастовство коринфское.
(Навьючивает на себя поклажу.)

Предводитель мистов

Ступайте

На луг богини, в круг святой,

Где цветы и травы.

Играйте и ликуйте там, с вами милость вышних,

Со мной идет пусть хоровод девушек и женщин,

В сиянье факелов всю ночь пусть богиню славят.

Первое полухорие

Строфа Пойдем туда, где купы роз,
Цветов благоуханье.

Забавы прелестных игр,

Чудеснейших плясок рой

Там ждут нас. Лелеют нас

450 Блаженные Мойры.

Второе полухорие

Антистрофа Сияет солнце нам одним.
Для нас лишь горний пламень дня.
Священные мисты — мы,
Мы чисто сквозь жизнь идем,
Союзу друзей верны
И милых сограждан.

Часть хора уходит. Другая занимает места на оркестре. Актеры подходят к постройке в глубине, изображающей сейчас дворец Плутона.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Дионис

Но как же в дверь мне постучаться, как мне быть?
Когда б я знал, как в дверь стучатся мертвые!

Ксанфий

460 Не размышляй! По двери двинь как следует!
Ведь у тебя Геракла вид и палица.

Дионис

(стучит в дверь дворца Плутона)

Эй! Эй!

Из дверей выходит Эак-привратник.

Эак

Кто там?

Дионис

Геракл, силач известнейший.

Эак

470 Ах, мерзкий, ах, треклятый, ах, негоднейший!
Подлец! Из подлых подлый, распреподлейший!
Ты уволок у нас собаку Кербера.
Душил ее, давил и бил, с собой увел
Мою собачку милую. Постой же, вор!
Теперь утесы Стикса черnodонные
И Ахеронта гребень окровавленный,
И псы Кокита резвые, и сто голов
Чудовишной ехидны будут грызть тебя
И рвать твою утробу. А нутро пожрет
Тартесская мурена. Потроха твои
И черева твои кровоточивые
Горгоны сгложут, страшные тифрасские.
Я к ним, не медля, быстрый направляю бег.

В ярости уходит. Ксанфий подымает забившегося на край оркестры и упавшего со страха Диониса.

К с а н ф и й

Эй! что с тобой?

Д и о н и с

Обклялся. Призови богов!

К с а н ф и й

480 Чудак! Вставай живее! Подымайся, эй!
Пока никто не видел из чужих.

Д и о н и с

Нет сил!

Я в обмороке. Губку положи на грудь.

К с а н ф и й

Ну, вот возьми!

Д и о н и с

Да где же?

(Берет губку и кладет ее довольно далеко от сердца.)

К с а н ф и й

Боги чистые!

Где сердце у тебя?

Д и о н и с

Наверно, екнуло

И в пятки соскочило и запряталось.

К с а н ф и й

Последний трус ты из богов и смертных!

Д и о н и с

Я?

Какой же трус? Ведь губку я потребовал,
А кто б другой был столь отважен?

К с а н ф и й

Где ему!

Дионис

490 Лежал бы трус в навозе, не посмел бы встать,
А я поднялся. Я посмел и вытерся.

Ксанфий

Храбрец ты, Зевс свидетель!

Дионис

Да, поистине.

А ты не испугался слов ужаснейших
И страшной брани?

Ксанфий

Я? Да вот ни чуточки!

Дионис

Когда ты так отважен, впереди иди
И богом будь! Возьми и шкуру львиную,
И палицу, храбрец неустрашимейший!
А я, как твой носильщик, позади пойду.
Они переодеваются. Комическая пантомима.

Ксанфий

Отлично, я согласен. Поменяемся!
500 Ну, погляди же на Геракло-Ксанфия,
По-твоему, я буду труса праздновать?

Дионис

Отнюдь! Ты прямо из Мелитты каторжник.
Иди вперед! Поклажу подниму я сам.

Снова подходят к двери Плутонова дворца. Из дверей выходит служанка Персефоны.

Служанка

(приветливо Ксанфию, принимая его за Геракла)

Геракл милейший, здравствуй, заходи сюда!
Богиня, чуть услышала, что прибыл ты,
Лепешки замесила, два иль три горшка
Сварила каши, полбыка зажарила,
Коврижек, колобочков напекла. Входи!

К с а н ф и й
(робко поглядывая на Диониса)

Отлично, одобряю.

С л у ж а н к а

Видит бог, не дам
Тебе уйти голодным. Птичьи крылышки
Поджарены. Печенье подрумянено,
Вино разлито по ковшам сладчайшее,
510 Иди за мною!

К с а н ф и й
(неуверенно)

Я сейчас.

С л у ж а н к а

Все шутишь ты.
Не отпущу я, так и знай. Флейтисточка
Хорошенькая ждет нас и танцовщицы,
Не то ли две, не то ли три.

К с а н ф и й
(не выдержал)

Танцовщицы?

С л у ж а н к а

Молоденькие, только что побритые.
Входи скорее! Повар приготовился
Вносить копченье. И столы расставлены.

К с а н ф и й

520 Ступай! Привет мой передай танцовщицам.
Им расскажи, что сам я за тобой иду.

Служанка уходит.

К с а н ф и й
(с важностью чванной Дионису)

Эй, раб, скорей поклажу понеси за мной!

Дионис

Постой, дружок, за правду, вижу, принял ты,
Что я шутя Гераклом нарядил тебя.
Меня не разыграешь, Ксанфий миленький!
Остановись и на плечи взвали мешки!

Ксанфий

Да что это? Отнять ты собираешься,
Что сам же дал?

Дионис

Не собираюсь, делаю.
Снимай наряд!

Ксанфий
(к зрителям)

Вас всех зову в свидетели
И обращаюсь к божествам.

Дионис

К каким богам?
530 Ну не потеха разве, не посмешище —
Ты, смертный, раб, Алкмены сыном назвался.

Ксанфий

Что ж, отнимай, отлично. Все же, думаю,
Меня еще попросишь, если бог велит.

Они снова переодеваются. Комическая пантомима.

Первое полухорие

Строфа Видно сразу хитроумца,
Ловчака и остроумца,
Много повидавшего.
Извиваться и вертеться,
Нос всегда держать по ветру —
Это лучше, чем стоять
Разрисованной статуей.
Поворачиваться бортом,
Как удобней, как помягче —

540 Это умников достойно
В духе Фераменовом.

Хор пляшет.

Дионис

(пляшет комический танец)

Разве ж не потешно было б,
Если б Ксанфий, раб негодный,
На милетские ковры
Лег, с танцовщицей балуясь
И в посудину рыгая.
Я бы дураком глядел,
Он же, вор и проходимец,
Дал мне в скулы кулаком,
Трахнул в челюсть, двинул в зубы,
Выбил целый огород.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Из бокового прохода на оркестру вбегают в ярости торговка. За ней другая.

Первая торговка

Платана, эй, беги, держи! Мошенник тут,
Ввалившийся намедни в нашу лавочку
И дюжину сожравший калачей.

Вторая торговка

550

Ну да!

Он — этот самый.

Обе накидываются на Диониса, наряженного Гераклом.

Ксанфий

(в сторону, со злорадством)

Попадет кому-то здесь!

Первая торговка

Стащил он двадцать пять кусков говядины
По три гроша кусок.

Ксанфий
(в сторону)

Побьют кого-нибудь!

Первая торговка

И чесноку без счета.

Дионис

Брешь, женщина!

Не знаешь, что болтаешь.

Первая торговка

Туфли на ноги

Надел и думал, от меня укроешься?

Еще чего! Сельдей уж не считаю я.

Вторая торговка

Да, видят боги, а сыры зеленые!

Он проглотил их заодно с корзинами.

Первая торговка

⁵⁶⁰ Да, а когда потребовала денег я,

Он глянул дико, зарычал чудовищно.

Ксанфий

Его проделки, нрав его всегда таков.

Первая торговка

И вынул нож, прикинулся помешанным.

Вторая торговка

Ай-ай, ужасно!

Первая торговка

Мы же, перетрусивши,

Вбежали в сени и в сундук запрятались.

Вторая торговка

А он удрал, подстилки и мешки забрав.

Ксанфий

Его повадка! Что ж вы делать станете?

Первая торговка

Ступай, покличь сюда Клеона-пристава!

Вторая торговка

570 Ты ж, если повстречается,— Гипербола.
Уж мы его потешим!

Первая торговка

Пасть обжорная!

С какой охотой выбью я булыжником
Твои клыки, мое добро пожравшие.

Вторая торговка

А я бы в ров тебя, как падаль, сбросила.

Первая торговка

А я бы нож взяла и глотку взрезала,
Куда грудинку и рубцы запрятал ты.
Бегу, зову Клеона. Он сегодня же
Тебя облупит и ошиплет начисто.

Обе в бешенстве убегают.

Дионис

(ласково Ксанфию)

580 Пускай умру, коль не люблю я Ксанфия.

Ксанфий

Оставь, оставь! Все вижу, понимаю все.
Не буду больше я Гераклом!

Дионис

Миленский,

Не зарекайся!

Ксанфий

Как же называться вдруг
Алкмены сыном мне, рабу и смертному?

Дионис

Сердит ты, знаю. Что ж, сердись, ты прав, ты прав!
Ударь меня — тебя не трону пальчиком.
И если впредь тебя обижу чем-нибудь,
Пускай погибну с корнем, и жена, и с ней
Сиротки-детки, с ними Архидем-Бельмо.

Ксанфий

590 Я верю клятве. Принимаю договор.

Они снова переодеваются. Пантомима.

Второе полухорие

Антистрофа Докажи теперь на деле,
Что недаром нарядился.
Снова неприступным будь,
Важным, чванным и надутым,
Вкруг поглядывай сердито,
Что ты бог, не забывай,
Раз уж нарядился богом.
Если струсишь, сковырнешься
Или сдуру маху дашь,
Снова тотчас же придется
На плечи поклажу взять.

Хор пляшет.

Ксанфий

(*пляшет комический танец*)

600 За советы вам спасибо.
Но и сам я умным вырос,
Раскумекал все я сам.
Если встретится удача,
Знаю, он захочет снова
Свой подарок отобрать.
Буду все-таки отважным,
Будет взгляд полыни злее.
Буду лих и буду смел.
Время настает. У двери
Шорох слышится и шум.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Вбегает Эак со стражею.

Эак

Скорей вяжите, бейте вора псиного!
Уж я его! Спешите!

Дионис

(в сторону, злорадно)

Кто-то влипнет здесь!

Ксанфий

К чертям, не подходите!

Эак

Он грозит еще?

(К страже.)

Эй-эй, Удав, эй, Дыба, эй, Ярыга, эй!
Сюда, сюда, хватайте распроклятого!

Стража с комическим остервенением накидывается на Ксанфия.

Дионис

⁶¹⁰ Вот чудеса, еще и драться смеет он!
Нахал и вор вдобавок!

Эак

Возмутительно!

Дионис

Бессовестно и дерзко!

Ксанфий

(которого схватили и связали)

Зевс свидетель мне,
Пусть сдохну, если прежде приходил сюда
И обокрал тебя хотя бы на волос.
Постой, вот предложенье благородное.
Вот мой слуга.

(Указывает на Диониса.)

Бери его, пытай его!
Вину мою докажет, так казни тотчас!

Э а к

Но как пытать?

К с а н ф и й

По-разному: плетями бей,
620 Души, дави, на дыбу вздери, жги, дери,
Крути суставы, можешь в поздри уксус лить,
Класть кирпичи на брюхо. Можешь все! Прошу
Лишь об одном: не бей его былинкою!

Э а к

Совет разумный. Если ж изувечу я
Раба на пытке, деньги возьмешь сполна.

К с а н ф и й

Не надо денег, уводи, пытай его!

Э а к

Пусть здесь он признается, на глазах твоих.
(Дионису.)

Снимай скорей поклажу! И смотри не смей
Ни слова лгать!

Д и о н и с

Постойте! Запрещаю я
Меня пытать! Я — божество бессмертное!
А тронете — пеняйте на себя!

Э а к

630

Ты что?

Д и о н и с

(с великой торжественностью)

Я заявляю, что я — бог и бога сын.
Я — Дионис, а это — раб.

Э а к

(Ксанфию)

Ты слышишь?

Ксанфий

Что ж?

Тем более его пытаться вам следует.
Ведь если бог он, боли не почувствует.

Дионис

Ну, что же, богом ведь и ты зовешь себя?
Так почему же и тебя не выпороть?

Эак

Совет отличный!

Ксанфий

Тот же из обоих нас,
Кто первым перетрусит и вопить начнет
Под розгами, считай, что тот совсем не бог.

Эак

640 Я вижу сразу, человек достойный ты
И мыслишь справедливо. Раздевайтесь же!

Оба раздеваются и готовятся к пытке.

Ксаифий

Как испытаешь нас, по справедливости?

Эак

Отменно! Буду бить поочередно.

Ксанфий

Так.

Эак

Готовься!

Ксанфий

Погляди же, и не двинусь я.

Эак

(ударяет Ксанфия)

Ну, вот ударил.

К с а н ф и й

Да ничуть, свидетель Зевс!

Э а к

Теперь того ударю.

(Бьет Диониса.)

Д и о н и с

Ну, когда же ты?

Э а к

Да я ж ударил!

Д и о н и с

Не сморгнул и глазом я.

Э а к

Загадка! Этого опять попробую.

(Бьет Ксанфия.)

К с а н ф и й

Чего же ты медлишь!

(Кричит.)

Ай-ай-ай!

Э а к

Что, ай-ай-ай?

Задело за живое?

К с а н ф и й

650

Нет, подумал я,

Когда ж Геракла праздника в Диомиях?

Э а к

Вот муж благочестивый!

(Дионису.)

Твой черед теперь.

(Бьет его.)

Д и о н и с

Ой-ой!

Э а к

Что, больно?

Ди о н и с

Всадников увидел я.

Э а к

Чего ж ты плачешь?

Ди о н и с

Чеснока нанюхался.

Э а к

Ни чуточки не режет?

Ди о н и с

Ни вот столечко!

Э а к

Пора приняться сызнова за этого.

(Бьет Ксанфий.)

К с а н ф и й

Ай! ай!

Э а к

А что?

К с а н ф и й

Занозу вынь, пожалуйста!

Э а к

Ну и дела! Опять примусь за этого.

(Бьет Диониса.)

Ди о н и с

Великий Феб! Владыка Дельф и Делоса!

К с а н ф и й

660 Ты слышишь, он от боли закричал.

Дионис

Отнюдь!

Мне просто ямбы Гиппонакта вспомнились.

Ксанфий

Не так сечешь. Под душку и в подвздошь бей!

Эак

Да, вижу.

(Ксанфию.)

Поворачивайся передом!

(Лупит его.)

Ксанфий

О Посейдон!

Эак

Что, больно?

Ксанфий

Господин зыбей,

И скал эгейских, и седых глубин морских!

Эак

Клянусь Деметрой, разобрать не в силах я,

Кто бог из вас обоих. Так войдите в дом —

Пусть сам хозяин признает родню свою

670 И Персефона. Оба божества они.

Дионис

Благая мысль. Досадно лишь, что этого

Ты не придумал прежде, чем избить меня.

Все актеры уходят с оркестры, на которой остается хор. Музыка.

ПАРАБАСА

Первое полухорие

Ода Муза, к святым хороводам приблизься,

На голос приди и услышь

Песни зов!

Глянь на великие толпы народа.
Мудрость в них
И высокий разум.
680 Ты достойнее славы, чем сам Клеофонт,
Болтун, на губах у него
В щебете темном и злом
Варварскую песню
Тянет ласточка, гостя фракийских трущоб.
Под стать соловью она стонет и плачет
О том, что погибнет
Муж на жеребьевке.

Хор пляшет.

Предводитель первого полухория

Эпир-рема Дело праздничного хора — город доброму учить
И давать совет разумный. Вот и мы вам говорим:
Уравнять должны вы граждан, снять с души тревожный
страх.

690 Если кто и поскользнулся в хитрой Фриниха сети,
Оступившимся когда-то ныне помогите встать!
Случай дайте им загладить стародавнюю вину.
Говорим еще: бесчестьем граждан нечего казнить.
Стыд и срам! Рабов, однажды лишь сражавшихся в бою,
Как платейцев благородных, вы подняли до господ.
(Впрочем, этого нимало не хотим мы осудить.
Нет же, хвалим, только это вы и сделали с умом.)
Все же тех, кто с вами рядом воевал не раз, не два,
700 Чьи отцы за город бились, кто вам кровная родня,
Старую одну невзгоду им вы ставите в вину!
Нет, злопамятство оставьте, по природе вы мудры.
Всех, кто близок нам, кто в битву рядом с нами выйти
рад,

С них бесчестье мы снимем, званье граждан возвратим,
А побрезгуете просьбой, чванно стороной пройдя,
Вас, родной доведших город до пучины черных бед,
Умными и мудрецами впредь не будем мы считать.

Второе полухорие

Антода Если умен я и правильно вижу
Людскую судьбу и людской

Злой конец,
710 Этот Клиген, коротыш, обезьяна,
Вор негодный,
Всем надоевший,
Этот банщик проклятый,
Владыка золы,
Земли кимолийской, песка,
Щелочи, шаек, мочал
И грязных обмылков,
Не проживет уже долго. И вот почему:
Он мира не любит
И ходит с дубинкою всюду, чтоб одежек
Вор с него не сдернул.

Хор пляшет.

Предводитель второго полухория

*Антэпир-
рема* 720

Часто кажется, что город граждан и сынов своих,
И достойных и негодных, ценит совершенно так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан.
Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
Лучшими из самых лучших, знаменитыми везде
Среди эллинов и даже в дальней варварской стране,
С крепким правильным чеканом, с пробой верной,

золотой

Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые, наспех, дрянь и порча, без цены.
Так и граждан благородных, славных домом и умом,
Справедливых, безупречных, убежденных сединой,
Выросших в хорах, в палестрах, знающих кифарный

строй,

730

Их мы гоним, любим медных, чужеземцев и рабов,
Подлых и отродье подлых, ловких новичков из тех,
Кто на виселицу прежде пригодился бы едва.
Хоть сейчас-то измените свой обычай вы, глупцы,
Верьте тем, кто стоит веры, сразу все похвалят вас.
Если ж и случится злое, так не попусту, не зря,
А на дереве хорошем и повеситься не жаль.

Э П И С О Д И Й Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

Из дверей выходят Э а к и К с а н ф и й.

Э а к

Свидетель Зевс, мужчина благороднейший
Хозяин твой.

К с а н ф и й

Еще б не благороднейший!
740 Ему бы только пьянствовать и девок мять!

Э а к

А странно, что тебя не изувечил он,
Когда ты, раб, назвал себя хозяином.

К с а н ф и й

Попробовал бы только!

Э а к

Это сказано,
Как слугам подобает. Так и я люблю.

К с а н ф и й

Ты любишь?

Э а к

Да, себя царем я чувствую,
Чуть выберю исподтишка хозяина.

К с а н ф и й

А любишь ты ворчать, когда посеченный
Идешь к дверям?

Э а к

Мне это тоже нравится.

К с а н ф и й

А суетиться попусту?

Э а к

Еще бы нет!

К с а н ф и й

750 О Зевс рабов! А болтовню хозяйскую
Подслушивать?

Э а к

Люблю до сумасшествия!

К с а н ф и й

И за дверьми выбалтывать?

Э а к

И как еще!

Мне это слаще, чем валяться с бабою.

К с а н ф и й

О Феб! Так протяни мне руку правую,
И поцелуй, и дай поцеловать тебя!

Нежные объятия. Во дворце слышится шум.

Но ради Зевса, во плетях нам общего,
Скажи мне, это что за крик ужаснейший
И ругань?

Э а к

Еврипид с Эсхилом ссорятся.

К с а н ф и й

Да ну?

Э а к

Дела, дела пошли великие.

760 Средь мертвецов восстанье небывалое!

К с а н ф и й

А что?

Э а к

Закон старинный установлен здесь
Для всех искусств, могучих и прославленных:

Кто всех сильней и выше в мастерстве своем,
Тем в Пританее угощение дарится
И трон с Плутоном рядом.

К с а н ф и й

Понимаю все.

Э а к

Когда другой придет, сильнее прежнего,
Соперники в искусстве состязаются.

К с а н ф и й

Эсхила что ж так сильно опечалило?

Э а к

Трагическим престолом он давно владел,
Как величайший мастер.

К с а н ф и й

770

Ну, и что ж теперь?

Э а к

Когда сошел под землю Еврипид, собрал
Вокруг себя воров он и налетчиков,
Отцеубийц, грабителей и взломщиков —
Их в преисподней множество. Наслушавшись
Словечек ловких, доводов и выдумок,
Они взбесились и мудрейшим мастером
Его признали. Возгордившись, занял он
Эсхила трон.

К с а н ф и й

Его избили до крови?

Э а к

780 Ничуть! Народ судилища потребовал,
Чтобы решить, кто в мастерстве искуснее.

К с а н ф и й

Вот негодяи!

Э а к

И какие! Подлые!

К с а н ф и й

Но разве не нашел Эсхил союзников?

Э а к

Людей не много честных на земле и здесь.

К с а н ф и й

А что ж Плутон намерен предпринять теперь?

Э а к

Велел он к состязанию готовиться
И к тяжбе из-за трона.

К с а н ф и й

Почему, скажи,
Престола и Софокл себе не требовал.

Э а к

790 И не подумал даже. Снизойдя в Аид,
Поцеловал Эсхила он и руку дал,
И тот его на троне посадил с собой.
Теперь же обещал он (Кледемид сказал)
Быть очередным. Если победит Эсхил,
Не тронется он с места. Если ж нет, тогда
Он с Еврипидом вступит в состязание.

К с а н ф и й

Когда ж начало?

Э а к

Скоро, Зевс свидетель мне.
Вот здесь, пред нами, совершится судьбище.
Здесь на таланты будут весить музыку.

К с а н ф и й

Они подвешат на безмен трагедию?

Э а к

Они линейки вынесут, и гири слов,
И слитки изречений.

К с а н ф и й

800

Будут плиты лить?

Э а к

И рычаги и клинья. Еврипид клялся,
Что по словечкам разберет трагедии.

К с а н ф и й

Я думаю, Эсхил ужасно сердится.

Э а к

Как грозный бык взглянул он и нахмурил лоб.

К с а н ф и й

А кто ж судьей будет?

Э а к

Много спорили.

Людей с рассудком не легко нигде найти,
К тому же брать афинян не хотел Эсхил.

К с а н ф и й

Воров нашел бы много и налетчиков.

Э а к

810 А остальные все — невежды круглые
В делах искусства. К твоему хозяину
Тут обратились. Он знаток художества.
Но в дом войдем! Где господа дерутся, там
Достаточно и нам перенадает слез.

Уходят в дом.

Х о р

Желчью чудовищной здесь изойдет громоносный вития
В час, как увидит врага, наточившего едкие зубы,
С острым оскалом. Тогда в исступенье и злобе
Завращаются глаза.

Спор шлемоблещущий вспыхнет словес, оперенных султаном.
С колкими стружками шустрых острот и с занозами мыслей

Хитрого мужа. Подымется он против силы
Конновздыбленных речей.

Всхолмив чудовищных косм золотую летучую гриву,
Страшно морщины стянув и насупив тяжелую складку,
Этот взревет и речений, окованных медью,
Исполинский вырвет вздох.

Тот же — расчетливый фокусник слов, изощренный
искусник,—

Гибкий язык наточив, раскидает словечки, расщепит
Зычную бурю речей и запутает петли,
Губы ядовито сжав.

Э П И С О Д И Й П Я Т Ы Й

В яростном споре входят Еврипид и Эсхил. С ними Дионис.

Еврипид

Не откажись от трона, уговоры брось!
Я говорю, что в мастерстве сильней его.

Дионис

830 Эсхил, чего ж молчишь ты, иль не слышишь слов?

Еврипид

Сначала станет важничать. Ведь всякий раз
Чудачит точно так же он в трагедии.

Дионис

Постой, дружок, не городи напраслину!

Еврипид

Его давно я знаю, раскусил давно.
Певца невежд, горластого, строптивного,
С безудержным, неистовым, безумным ртом,
Бахвала, витьеватого, трескучего.

Эсхил

840 Богини огородной порождение,
Что ты сказать посмел мне! Попрошайка слов,

Тряпичников властитель и лоскутьев швец!
Не будешь рад отваге!

Дионис

Замолчи, Эсхил!
Не раздувай дыханье в жаркой ярости!

Эсхил

Отнюдь, сперва изобличу я этого
Творца уродов. Кто он? И насколько нагл?

Дионис

Овцу, овцу, рабы, ведите черную!
Грозит нагрязнуть ураган чудовищный.

Эсхил

850 Изобретатель песенок изнеженных,
Любви развратной выдумщик, ужо тебе!

Дионис

Замолкни, удержишься, Эсхил почтеннейший!
А ты, несчастный Еврипид, покуда жив,
Беги от бури и от градобития,
Чтобы, метнув увесистым речением,
Не разможил он темени и «Телефа»!
А ты, Эсхил, без ярости, но с кротостью
Доказывай, доказывай! Не дело ведь,
Чтоб трагики бранились, как разносчики.
Ты ж сразу вспыхнул, словно подоженный дуб.

Еврипид

860 Что до меня, готов я, не боясь пичуть,
Кусать и получать укусы, взвесив все:
Стихи и песни и костяк трагедии.
«Эола» и «Пелея» отдаю на суд,
И «Мелеагра», и, конечно, «Телефа».

Дионис

А ты что делать хочешь, говори, Эсхил?

Э с х и л

Не препираться — вот мое желание.
Здесь не равны мы в споре.

Д и о н и с

Почему ж это?

Э с х и л

Моя со мной не умерла поэзия.
Его же — с ним скончалась, под рукой она.
870 Но если хочешь, будет пусть по-твоему!

Д и о н и с

Сюда огня нам дайте и кропильницу.
Я помолюсь пред тем, как в состязании
Судить начну. Пусть будет мудр и прям мой суд.
А вы начните песню, восхвалите муз.

Х о р

Зевсовы дочери, чистые девы,
Музы, о дивные девять! Вы видите замысел смелый
Этих мужей, созидателей слов. Они ринутся в битву
Ярую, в споре сойдутся, метнутся в словесном
ристанье.

Музы, явитесь и силу вселите
880 В страшную распря речей,
Стружек словесных и кряжей стихов!
Мудрость вступила в великую битву. Час приходит.

Д и о н и с

Вы оба помолитесь перед приемом.

Э с х и л

(торжественно)

Деметра мать, разум мой вскормившая,
Твоих мистерий даруй мне достойным быть!

Д и о н и с

(Еврипиду)

Возьми и ты кропильницу, молись!

Еврипид

Готов!

Но я богам молюсь совсем особенным.

Дионис

Как? Собственным и нового чекана?

Еврипид

890

Да!

Дионис

Что ж! Помолись особым божествам своим!

Еврипид

Эфир, питатель мыслей, языка рычаг,
Со мною будь! Ищейки — ноздри чуткие,
Слова хватать и расщеплять позвольте мне!

Совершается жертвоприношение.

АГОН

Первое полухорие

Ода Мы пришли и здесь собрались
Выслушать от хитроумцев,
Как из-за стихов и песен
В боевой пойдут поход.
Распален язык отвагой,
Нрав свиреп, ужасно сердце,
Мысли быстры и легки.
Знаем, будет спор жестокий,
Утонченно, изощренно
Будет говорить один,
А другой, с корнями вырвав
900 Слов стволы,
Бросит их. И хруст промчится
По ристалищу речей.

Хор пляшет.

Предводитель хора

Для прений время настает. Так говори ж искусно,
Не подражая никому, по-своему и тонко.

Еврипид

*Эпир-
рема* 910 Каков я сам и каково мое искусство, после
Я всесторонне разьясню. Сперва ж его ошибки
Разоблачу и докажу, что он — бахвал и гаер
И вводит зрителей в обман. Немало уж и Фриних
Морочил нас. Сперва, лицо закутав покрывалом,
Сажает в одиночку он Ахилла иль Ниобу —
Трагические чучела. Они молчат, не пикнут.

Дионис

Клянусь богами, да!

Еврипид

А хор четыре песни кряду,
Топоча оземь, пробубнит. Актеры ж все ни слова.

Дионис

А мне вот нравилось, клянусь, молчанье их не меньше,
Чем нынешняя болтовня.

Еврипид

Ты глуп и неотесан,
Поверь мне!

Дионис

Видимо, что так. Зачем же так чудит он?

Еврипид

920 От шарлатанства, для того чтоб зритель ждал смиренно,
Пока откроет рот Ахилл. Тут и конец всей драме.

Дионис

Каков мошенник! Нагло как обмануты мы были!
(*Эсхилу.*)
Чего ж мычишь ты, что рычишь?

Еврипид

Бонятся обличений.

Покуда он дурачит вас, подходит к середине
Потеха. Дюжину еще словес прибавит бычьих,
С бровищами, с хвостищами, как пугала ребячьи,
А зрители ни бе, ни ме.

Эсхил

О, горе!

Дионис

Помолчи ты!

Еврипид

Не скажет слова в простоте.

Дионис
(Эсхилу)

Да не скрипи зубами!

Еврипид

Скамандры всё, и крепости, и на щитах звенящих
Орлы-грифоны, медь и блеск речей головоногих,—
Понять их — величайший труд.

Дионис

Да, видит Зевс, вот так же

930 И я промучился без сна всю ночь! Понять старался,
Что значит рыжий конь-петух. Ну что это за птица?

Эсхил

Невежда! Знак на кораблях такой изображают.

Дионис

Я ж коне-петухом считал павлина Филоксена.

Эсхил

А ты, посмешище богов, какие пишешь драмы?

Еврипид

Да не про коне-петухов, не про козлов-олений,

Как любишь ты, как чертят их на завесах мидийских.
Ничуть! Когда из рук твоих поэзию я принял,
940 Распухшую от пышных слов, надутую от бредней,
Сперва ее я подсушил, от тучности избавил
Пилюлями истертых слов, слабительным из мыслей
И кислым соком болтовни, настоящим на книжках.
Потом на песнях воспитал Кефисофонта тонких.
Герой не мямлит у меня и вздора не городит,
Нет, выходя, он всякий раз свое происхождение
Сперва рассказывает.

Дионис

Да, твое намного хуже.

Еврипид

С начала драмы ни один актер не остается
Без дела. Всем даю слова: и женщинам, и слугам,
И девушкам, и господам, старухам даже.

Эсхил

Боги!

950 Какой ты казни заслужил за дерзость?

Еврипид

Зевс свидетель!

Любовь народа — цель моя!

Дионис

Дружок, молчал бы лучше,
Тебе не очень-то к лицу такие разговоры!

Еврипид

Витийствовать я научил вас всех.

Эсхил

Ну да, негодный!
А лучше прежде, чем учить, ты сам бы разорвался.

Еврипид

Безмены ввел я и углы и меры красноречья,

Чтоб можно было весить, жать поэзию и мерить,
Стругать, слесарничать, паять.

Э с х и л

Вот-вот, паять,— согласен.

Е в р и п и д

960 Заговорил я о простом, привычном и домашнем.
Меня проверить всякий мог. В ошибках каждый зритель
Мог уличить. Но я не врал, не фанфаронил вздорно,
Не надувался как индюк, не надувал сограждан,
Кичливых Кикнов вывода, Мемнонов-пустозвонов.
Теперь его учеников с моими вы сравните.
Его — отпетый Меганет и рукосуй Формизий,
Удар-ярыго-дракуны, трескун-ревуи-редеди.
Мои же — умник Клитофонт и Ферамен глумливый.

Д и о н и с

970 Да, Ферамен — премудрый ум и мастер на все руки,
Пускай товарищи в беде, пусть поскользнется ближний,—
Сухим он выйдет из воды, за грош алтын получит.

Е в р и п и д

Умело их я обучил,
Пример для жизни показал,
В поэзию науку ввел
И здравый разум. Рассуждать
Теперь способны все про все,
И в государстве, и в домах,
Хозяйничать на новый лад
Способен всяк, и всяк кричит:
Уж я задам, уж я вас!

Д и о н и с

980 Да, Зевс свидетель мне. Теперь
Афинянин, в свой дом войдя,
На домочадцев и на слуг
Кричит: подать сюда горшок!
Кто голову у пескаря
Отгрыз? На рынке прошлый год

Кувшин купил я, он погиб.
Позавчерашний где чеснок?
Оливку кто тут надкусил?
А домочадцы-дурачки,
990 Как фатюки, как малюки,
Сидят, разинув глотки.

Второе полухорие
(Эсхилу)

Антода Это видит твой взор, блестящий Ахилл,
Что же ты на это скажешь?
Но держи себя в поводах,
Чтобы грохочущий гнев
Не умчал тебя за вехи.
Издевался враг ужасно.
1000 Ты же, милый, воздержись,
Не плати за ругань бранью.
Паруса свернувши, в море
Осторожно выплывай!
Бег ускорив понемногу,
Зорко бодрствуй,
Чтоб устойчиво и ровно
Легкий ветер вел корабль!

Хор пляшет.

Дионис

Ты ж, средь эллинов первый, кто важных речей
взгромоздил величавые башни,
Кто трагедию вырядил в блеск золотой, дай излиться
ключу красноречья!

Эсхил

Антэпир-рема Эта встреча ярит меня. Злоба горит, распалается сердце
от гнева.
Неужели с ним спорить я должен? Но все ж, чтоб меня
не считал побежденным,
Отвечай мне: за что почитать мы должны и венчать
похвалою поэтов?

Еврипид

За правдивые речи, за добрый совет и за то, что разумней
и лучше

1010 Они делают граждан родимой земли.

Эсхил

Если ж ты поступал по-иному,
Если честных, разумных, почтенных людей негодяями
низкими делал,
Так чего ты тогда заслужил, говори!

Дионис

Лютой казни! Не спрашивай дальше!

Эсхил

Погляди, поразмысли, какими тебе передал я когда-то
сограждан.
Молодцами двуязыльными были они, недонмок за ними не
знали,
Шалыганями не были, дрязг не плели, как сейчас, не
водились с ворами.
Нет, отвагой дышали они и копьем и шумящим султаном
на шлемах,
Как огонь были поножи, панцирь как блеск, бычье
мужество в пламенном сердце.

Еврипид

Заварилась беда, завелась болтовня! Ведь не в лавке мы
здесь оружейной,
Расскажи нам толково, как добрыми ты и достойными
делал сограждан.

Дионис

1020 Объясни нам, Эсхил, своенравным не будь, не упорствуй,
не важничай чванно!

Эсхил

Создал драму я, полную духа войны.

Дионис

Но какую же?

Эсхил

«Семь полководцев».

Кто увидит ее, тот о львиной душе затоскует и сердце
отважном.

Дионис

В этом очень ошибся ты. Сделал фиван и воинственной
всех, и храбрее,
И в осадах сильнее,— обида для нас. Получай поделом
пораженье!

Эсхил

Вы могли бы сравниться, героями стать не слабей, не
хотите, однако.
Я трагедию «Персы» поставил потом, чтоб вложить в вас
стремленье к победе,
К превосходству великую волю вдохнуть. Я одел ее в
блеск и величье.

Дионис

До упаду смеялся я, помню, тогда, про покойника Дария
слыша,
Вышел хор и в ладони захлопал, завыл и протяжно
заплакал: «Иайой!»

Эсхил

1030

Вот о чем мы, поэты, и мыслить должны, и заботиться
с первой же песни,
Чтоб полезными быть, чтобы мудрость и честь среди
граждан послушливых сеять.
Исцеленью болезней учил нас Мусей и пророчествам.
Сельскую страду,
Пахотьбу, и посевы, и жатвы воспел Гесиод. А Гомер
богоравный
Потому и стяжал восхваленье и честь, что прославил
в стихах величавых
Битвы, воинский подвиг, оружие мужей.

Дионис

У Гомера напрасно учился
Пантаклей, злополучный левша. Прошлый год, выступая
на праздниках в хоре,
Шлем сперва он навьючил, а после султан навязать
собирался на гребень.

Эсхил

Но припомни о многих, о славных других! О воителе
Ламахе вспомни!
1040 По заветам Гомера в трагедиях я сотворил величавых
героев —
И Патроклов и Тевкров, с душой как у льва. Я до них
хотел граждан возвысить,
Чтобы вровень с героями встали они, боевые слышавши
трубы.
Но, свидетель мне Зевс, не выдумывал я Сфенебей или
Федр — потаскушек.
И не скажет никто, чтоб когда-нибудь я образ женщины
создал влюбленной.

Еврипид

Ну, еще бы, тебе незнакома была Афродита!

Эсхил

Пускай незнакома!
Но зато и тебе, и всему, что с тобой, она слишком уж
близко известна.
Оттого-то навеки ушиблен ты ей.

Дионис

Это верно, свидетели боги!
Что о женщинах выдумал подлого, все по своей это
знаешь ты шкуре.

Еврипид

1050 Ну, а чем повредили отчизне, скажи, неразумный, мои
Сфенебей?

Э с х и л

Ты царей и владык в лоскуты нарядил и в лохмотья, чтоб
жалкими людям
Показались они.

Е в р и п и д

Ну, и что ж? Нарядил. Объясни, что
плохого я сделал?

Э с х и л

Из богатых и знатных не хочет теперь ни один выходить
в триерархи.
Они рубища носят, как ты им велел, сиротами
безродными плачут.

Д и о н и с

Да, Деметрой клянусь, а внизу, под тряпьем — из
отменнейшей шерсти рубашку.
И, разжалобив всхлипом и ложью народ, выплывают
в садках живорыбных.

Э с х и л

1070 Научил ты весь город без толку болтать, без умолку
судачить и спорить.
Ты пустынными сделал площадки палестр, в хвастунов
говорливых и вздорных
Превратил молодежи прекраснейший цвет. Ты гребцов
обучил прекословить
Полководцам и старшим. А в годы мои у гребцов только
слышны и были
Благодушные крики над сытным горшком и веселая песня:
«Эй, ухнем!»

Д и о н и с

От натуги вдобавок воняли они прямо в рожу соседям по
трюму,
У товарищей крали похлебку тишком и плащи
у прохожих сдирали.
Нынче спорят и вздорят, грести не хотят и плывут то
сюда, то обратно.

Э с х и л

Сколько зла и пороков пошло от него:
Это он показал и народ научил,
1080 Как в священнейших храмах младенцев рожать,
Как сестрицам с родимыми братьями спать,
Как про жизнь говорить очень дерзко — не-жизнь.
Вот от этих-то мерзостей город у нас
Стал столицей писцов, крючкотворов, лгунов,
Лицемерных мартышек, бесстыдных шутов,
Что морочат, калечат, дурачат народ.
Средь уродов и кляч не найдешь никого,
Кто бы с факелом гордо промчался.

Д и о н и с

Никого! Видят боги! До колик на днях
1090 Я смеялся на празднике Панафиней.
Вздумал в беге участвовать кто-то, кривой,
Белотелый и пухлый. Он страшно отстал,
Он пыхтел и хрипел и сопел. У ворот
Керамика народ колотить его стал
По загровку, по заду, под ребра, в бока.
Отбиваясь от палок, щелчков и пинков,
Навоняв, пропотев,
Он свой факел задул и умчался.

Первое полухорие

Строфа Спор сердитый, гнев великий, бой жестокий закипел.
Кто рассудит злую тяжбу,
В десять ртов один грохочет,
1100 А другой ударить сзади норовит, врага прижав.
Ждать нельзя, не время мешкать,
И сноровок, и уловок, и лазеек много есть.
Если вышли состязаться,
Говорите, спорьте, ссорьтесь
Об искусстве старом, новом.

Второе полухорие

Антистрофа Постарайтесь поизящней, помудрее говорить.
Если страшно вам, боитесь, что невежественный зритель
1110 Не оценит полновесно ваших тонких, острых мыслей,
Попечения оставьте! Не заботьтесь! Страх смешон.
Здесь сидит народ бывалый,
Книгам каждый обучался, правду каждый разберет.
Все — испытанные судьбы,
Изошренные в ристаньях,
Так не бойтесь, спорьте смело,
Состязайтесь. По заслугам
Зрители оплатят вам.

Хор пляшет.

Еврипид

1120 Сперва твоими я займусь прологами —
Ведь это доля первая в трагедиях.
Твое искусство взвешу достохвальное.

Дионис

А что ты будешь весить?

Еврипид

Все и всячески.
Сперва из «Орестей» прочитай стихи!

Дионис

Все замолчите, тише! Говори, Эсхил!

Эсхил

(говорит стихи)

«Бог недр, Гермес, отца наместник властного,
Спасителем явись мне и союзником!
В страну сию притек и возвратился я...»

Дионис

Ну что? Нашел ошибку?

Еврипид

Сразу дюжину.

Дионис

1130 Да тут всего лишь три стиха без малого.

Еврипид

Но в каждой строчке два десятка промахов.

Эсхил

Бесстыдно лжешь!

Еврипид

Болтай, болтай, мне дела нет!

Дионис

Прошу тебя, молчанье сохрани, Эсхил.
Не то в трех строчках триста он грехов найдет.

Эсхил

Пред ним молчать?

Дионис

Прошу, меня послушайся!

Еврипид

Да сам же нагрешил он гору целую.

Эсхил

В чем грех, скажи!

Еврипид

Сначала повтори стихи!

Эсхил

«Бог недр, Гермес, отца наместник властного...»

Еврипид

Ведь это говорит Орест как будто бы?
Перед могилой мертвого отца?

Эсхил

1140

Да, так.

Еврипид

Ведь пал отец его, рукою женскою
Коварно убиенный? Почему ж тогда
Гермеса величает он наместником?

Эсхил

Совсем не так! Гермеса-благодетеля,
Владыку недр, зовет он, подтверждая тем,
Что власть от Зевса тот приял, родителя.

Еврипид

Тогда твоя ошибка тяжелей вдвойне,
Раз над гробами властен он и недрами...

Дионис

Выходит, был Орест гробокопателем?

Эсхил

1150

О Дионис, твое вино не вкусное!

Дионис

Читай сначала!

(Еврипиду.)

Прوماхи подсчитывай!

Эсхил

«...Союзником явись мне и спасителем!
В страну сию притек и возвратился я...»

Еврипид

Эсхил достопочтенный повторяется!

Дионис

Но как?

Еврипид

В стихи взглядишь! Я объясню тебе.
Тут сказано: «Притек и возвратился я».
Притек и возвратился — в чем тут разница?

Дионис

И верно. Кто ж соседа станет спрашивать:
Квашонку одолжи мне и корчажину?

Эсхил

1160 Неправда, болтунишка, есть различие.
Здесь нужные слова и верно выбраны.

Дионис

Да почему? Будь добрым, научи меня!

Эсхил

Притечь в страну не значит возвратиться вспять.
Притечь спокойно можно, без опасности,
А тот, кто изгнан, в дом свой возвращается.

Дионис

И верно! Что ты скажешь, Еврипид, на то?

Еврипид

Я утверждаю, что Орест не мог «притечь».
Тайком, у власти не спросясь, явился он.

Эсхил

И верно! Впрочем, вовсе я запутался.

Еврипид

Ну, продолжай!

Дионис

1170 Конечно, продолжай, Эсхил,
А ты грехи по-прежнему выслеживай!

Э с х и л
(читает)

«...На холме, пред гробницей, я молю отца
Услышать, внять...»

Е в р и п и д

Опять он повторяется!
Услышать, внять — здесь тождество бесспорное.

Д и о н и с

Чудак, ведь он же говорит с покойником:
Хоть трижды повторай, не докричишься тут.

Э с х и л

А как же ты прологи строишь?

Е в р и п и д

Расскажу.

И если слово лишнее разыщешь ты
Иль повторенье, смело мне в глаза наплюй!

Д и о н и с

1180 Начни! А мы посмотрим и послушаем,
Насколько речь в твоих прологах правильна.

Е в р и п и д
(читает)

«Счастливейшим из смертных был Эдип сперва...»

Э с х и л

Свидетель Зевс, неверно! Был несчастнейшим.
Еще не родился он и не начал жить,
А Феб отца зарезать предсказал ему.
Так почему ж зовешь его счастливейшим?

Е в р и п и д

«...А после стал среди людей несчастнейшим...»

Э с х и л

1190 Да нет, несчастным был и оставался он.
Еще бы: чуть родился, в стужу зимнюю
На черепице выбросили мальчика,
Чтоб, выросши, не стал отцеубийцей он.
Едва дополз на костылях к Полибию.
Потом старуху в жены взял, молоденький,
К тому ж вдобавок — мать свою родимую,—
И выколол себе глаза.

Д и о н и с

Счастливец, да,
С Эрасинидом только что не бился он.

Е в р и п и д

Все брешешь, я прологи хорошо пишу.

Э с х и л

1200 Свидетель Зевс, тебя шепить не думаю
По строчке, по словечку. С божьей помощью,
В бутылочку тебя я загоню легко.

Е в р и п и д

В бутылочку меня?

Э с х и л

В пустую скляночку.
Так пинешь ты, что можно без труда влечь
Бутылочку, подушечку, корзиночку
В твои стихи. На деле докажу сейчас.

Е в р и п и д

Ну, докажи!

Э с х и л

Конечно!

Д и о н и с

Начинай пролог!

Еврипид
(читает)

«Египт, который, славясь многочадием,
С пятьюдесятью сыновьями корабли
Направил в Аргос...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Дионис

1210 При чем же здесь бутылочка? Не клеится!
Другой пролог начни нам! Поглядим еще!

Еврипид
(читает)

«Бог Дионис, который, тирс в руке подъяв
И шкурою покрывшись, в блеске факелов
У Дельфов пляшет...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Дионис

Ой-ой, опять побиты мы бутылочкой.

Еврипид

Пустое дело! Я другой пролог прочту.
К нему уж не приклеится бутылочка.
(Читает.)

«Не может смертный быть во всем удачливым:
Один, достойный, погибает в бедности,
Другой, негодный...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Дионис

Эй, Еврипид!

Еврипид

Ну, что тебе?

Дионис

1220

Беда идет.

Опасною становится бутылочка.

Еврипид

Кляпуть Деметрой, не боюсь ни чуточки.
Его обезоружу я немедленно.

Дионис

Так начинай сначала, без бутылочки.

Еврипид

«Могучий Кадм, великий сын Агенора,
Сидон покинув...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Дионис

Чудак, пусть он продаст тебе бутылочку,
Пока прологи в порох не истер твои.

Еврипид

Мне у него просить?

Дионис

Меня послушайся!

Еврипид

1230

Отнюдь, прологов у меня достаточно,
К которым ни за что он не привяжется.
«Пелоп, дитя Тантала, на лихих конях
Примчавшись в Пизу...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Дионис

Опять уж он вогнал тебя в бутылочку.
(Эсхилу.)

Милейший, нам по дружбе уступи ее,
За грош другую ты добудешь, лучшую.

Еврипид

Да нет, прологов у меня большой запас.
(Читает.)

«Эней однажды...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Еврипид

1240 Дай до конца сперва договорить строку.
«Эней однажды, сноп колосьев жертвенных
С земли поднявши...»

Эсхил

Потерял бутылочку.

Дионис

Во время жертвы? Кто же подобрал ее?

Еврипид

Оставь его, я для тебя продолжу стих.
«Бессмертный Зевс, как говорят поистине...»

Дионис

Погибнешь? Скажет: потерял бутылочку.
Бутылка на твоих прологах выросла,
Как на глазах припухлых ячмени растут.
Во имя бога, песнями займись теперь!

Еврипид

1250 Отлично. Докажу, что отвратительно
Слагал он песни и однообразнейше.

Первое полухорие

Строфа Что же теперь приключится?
Мы в раздумье, какой порок
В песнях поэта найдет он.
1260 Среди тех, кто живет и жил,
Всех прекрасней и всех сильней
Он в создании хоров.

Еврипид

Отличнейшие хоры! Вот увидите!

Выходит флейтистка.

Я все его напевы к одному сведу.

Дионис

Подсчитывать готов я. Вот и камешки!

Заигрывает с флейтисткой, та начинает игру на флейте.

Еврипид

(пародируя, поет под музыку флейты)

«Герой Ахилл! Звяку внимая убийственной сечи,
Почто не спешишь на подмогу усталым?
Народ по-над озером молится богу Гермесу,
Почто не спешишь на подмогу усталым?..»

Дионис

Вторая уж подмога. Берегись, Эсхил!

Еврипид

«Ахейцев вождь, скажи, многомудрое чадо Атрея,
Почто не спешишь на подмогу усталым?»

Дионис

1270 Эй, Эсхил! Это — третья подмога.

Еврипид

«Все молчите, подходят к вратам Артемиды
священные пчелы,
Почто не спешишь на подмогу усталым?»

Я возвещаю о счастье, что силу вселила в героя,
Почто не спешишь на подмогу усталым?..»

Дионис

Великий Зевс, подмога невозможная!
Бежать мне в баню нужно и попариться.
1280 От всех подмог нутро оборвалось в кишках.

Еврипид

Теперь другое песнопенье выслушай!
Оно из гимнов взято кифарических.

Дионис

Ну, начинай, но без подмог, пожалуйста!
Выходит кифаристка. Начинает играть.

Еврипид

(пародируя, поет под музыку кифары)

«Когда вожди юного воинства славной Эллады,
Флатофраттофлатофрат,
Сфингу, постылую суку, губящую душу, наслали,
Флатофраттофлатофрат,
1290 С медью в руке и с отвагою в сердце орел
остроклювый,
Флатофраттофлатофрат,
На бой зовя хищных, летающих в тучах чудовищ,
Флатофраттофлатофрат,
На погребень Аянта,
Флатофраттофлатофрат».

Дионис

А что такое флатофрат? С каких болот
Пеньку собрал он для напевов крученых?

Эсхил

Прекрасное собрал я из прекрасного
В единое искусство, чтобы Фриниха
1300 Не истоптать харитами любимый луг.
А он, как шлюха, натаскал со всех сторон

Мелета прибаутки, песни Кариев,
Заплачки, плясы, все он обобрал, и все
Сейчас разоблачу я. Дайте лиру мне!
На что тут лира, впрочем? Где гремки твои,
О муза Еврипида? В побрякушки бей!
Под бубен твой споем мы эти песенки.

Входит комическая танцовщица с бубном.

Дионис

Да, эта муза родилась не в Лесбосе.

Эсхил

(поет под комическое сопровождение бубна)

1310 «Чайки, над вечно подвижными волнами
Моря щебет ваш звенит!
Перья крыл ослепительных
Вы росой увлажняете.
А в углах, по карнизам, у притолок
Ни-и-и-и-ти, томи-и-и-тельно прядут
Пауки тонконогие.
Засновал по утку челнок,
Заиграл песнелюб дельфин,
Прижимаясь к цветным киям,
Понеслись прорицанья.
1320 Светлый дар виноградных лоз,
Гроздь усладительных ягод.
О, дитя, протяни мне ручонки!»
Видишь, что за размер?

Дионис

Ну, да!

Удар в бубен.

Эсхил

Этот слышишь стишок?

Дионис

Ну, да!

Удар в бубен.

Мне остались рыдания, рыдания.
Слезы да слезы текут из глаз.
Кинул, ах, кинул меня петух.
Э-эй, критяне, дети гор,
Спешите на помощь со стрелами, с луками,
Скачите, безумствуйте, дом окружите воровки!
С ними ты, дочь Лето,
Артемида!

1360 Поспеши, приведи своих псиц,
Обыщи дом и двор!
И ты, дочь Зевса, смолистые факелы
В руках подымая,
Геката, явись, озари
Глики дом! Я войду,
Все добро перерою».

Д и о н и с

Довольно петь, прошу тебя!

Э с х и л

И я устал.

Его сейчас я на весах испробую.
Последнее осталось испытание:
Стихов и слов теперь мы тяжесть взвешаем.

Д и о н и с

1370 Ну, что ж, начнем! Никак не собирался я
На вес поэтов покупать, как козий сыр.

В т о р о е п о л у х о р и е

Антистрофа Ум на выдумки хитер:
Диво новое нас ждет —
Чудо чудное идет.
Кто б другой сумел придумать,
Рассказал бы мне об этом
Кто-нибудь из очевидцев, —
Видят боги, я б не верил,
Думал бы, что враки.

На орхестре устанавливают исполинские веса.

Дионис

Эй, становитесь оба у весов!

Эсхил и Еврипид
(занимают места у весов)

Ну, вот!

Дионис

1380 Схватившись за стихи свои, читайте велух
Без устали, пока вам не скажу: ку-ку!

Эсхил

Готовы мы!

Дионис

Кидайте на весы стихи!

Еврипид
(читает)

«О, если б бег Арго остановила свой...»

Эсхил
(читает)

«Поток Сперхей, через луга лиющийся...»

Дионис

Ку-ку! Довольно! Тяжелей во много раз
Его строка.

Еврипид

Но чем же тяжелей, скажи?

Дионис

Поток метнул он. Как торговец войлоком,
Он подмочил стихи свои, как шерсти куль.
А ты нам бросил легкий, оперенный стих.

Э с х и л

Опять начнем! Повторим состязание!

Д и о н и с

Еще раз приготовьтесь!

Э с х и л и Ев р и п и д

Мы готовы.

Д и о н и с

1390

Раз!

Ев р и п и д
(читает)

«Нет сил сильнее, чем слово убеждения...»

Э с х и л
(читает)

«Не ищет припошений и не просит смерть...»

Д и о н и с

Довольно, до земли он наклонил весы.
Он смерть-поверг, из бедствий тяжелейшее.

Ев р и п и д

Я ж кинул убежденье, речь разумную.

Д и о н и с

Без веса убежденье и без разума.
Нет, поищи другой, потяжелее стих,
Увесистый, и плотный, и объемистый!

Ев р и п и д

Где ж у меня стихи такие, где?

Д и о н и с

А вот!

(Подсказывает.)

1400

«Метнул Ахилл костяшки — дважды три очка...»
Начните ж! Состязание конечное.

Еврипид
(чтает)

«Окованную медью взял он палицу...»

Эсхил
(чтает)

«Повозка на повозке и на трупе труп...»

Дионис

Опять тебя он переплюнул.

Еврипид

Как же так?

Дионис

Два трупа взгромоздил он и повозки две.
Египтян сотни столько не стащили бы.

Эсхил

Да не в стихах тут дело. На весы пускай
Детей, жену, раба Кефисофонта с ней
Пускай положит, сам пусть сядет с книгами,
1410 Его двумя словами пересилю я.

Входит Плутон со свитою.

Дионис

Друзья мои, судить их не желаю я.
Обоим и не буду и не был врагом.
(Еврипиду.)

Считаю мудрым этого,
(Эсхилу)

того — люблю.

Плутон

Зачем пришел, ты, стало быть, не исполнишь?

Дионис

А если объявлю свой приговор?

Плутон

Тогда
Избранника с собою уведешь наверх.

Дионис
(Еврипиду и Эсхилу)

Спасибо, друг! Вы оба помогите мне!
Сюда пришел я за почетом.

Еврипид
Для чего?

Дионис

1420 Чтоб город был спасен и правил праздники,
Того из вас, кто городу совет подаст
Мудрейший, поведу с собой на землю я.
Скажите же, какого мненья держитесь
Насчет Алкивиада. Город болен им.

Еврипид

Что ж город думает о нем?

Дионис

Что думает?

Желает, ненавидит, хочет все ж иметь.
А вы какого мненья, расскажите мне?

Еврипид

1430 Мне ненавистен гражданин, что медленен
На помощь государству, на беду же скор.
Кто ловок для себя, ленив для города.

Дионис

Отлично, видят боги!
(Эсхилу.)

Ты что думаешь?

Эсхил

Не надо львенка в городе воспитывать.
А вырос он — себя заставит слушаться.

Дионис

Свидетель Зевс, я снова в нерешимости.
Один ответил мудро, а другой — мудрей.

Другой совет подайте мне, пожалуйста,
Про город: где и в чем найдет спасенье он?

Еврипид

Я знаю и хочу сказать.

Дионис

Скажи скорей!

Еврипид

Когда считать неверным будем верное,
Неверное же верным...

Дионис

1440

Как? Не понял я.
Не так учено, объясни отчетливей.

Еврипид

1450

Когда не будем верить тем, кто городом
Сейчас владеет, и вручим правление
Тому, кто нынче не у дел, спасемся все,
Раз нынче терлим неудачу, счастливы
Наверно будем, действуя навыворот.

Дионис

Прекрасно, хитрый Паламед, лукавый дух!
(*Эсхилу.*)

А ты что скажешь?

Эсхил

Город наш, ответь сперва,
Кем правится? Достойными людьми?

Дионис

Отнюдь!

Достойные в загоне.

Эсхил

А в чести воры?

Дионис

Да не в чести, выходит поневоле так.

Эсхил

Да кто ж спасти сумеет государство то,
Где ни дерюга, ни парча не по сердцу.

Дионис

1460 Найди спасенье! Взять тебя с собой хочу.

Эсхил

Там, на земле, отвечу. Здесь нельзя сказать.

Дионис

Тебя я умоляю, здесь ответ нам дай!

Эсхил

Когда страну враждебную своей считать
Не станем, а свою — пределом вражеским,
Доход увидим в кораблях, в налогах — вред.

Дионис

Доходы сгложут все равно присяжные.

Плутон

Ну, что ж, решил?

Дионис

Готово уж решение.
Кого душа избрала, я того возьму.
(*Берет за руку Эсхила.*)

Еврипид

1470 Богов припомни, пред богами клялся ты
Меня на землю возвратить. Бери меня!

Дионис
(*насмешливо*)

Не я, язык поклялся. Избран мной Эсхил.

Еврипид

Что сделал ты, последний из людей?

Дионис

А что?

Эсхилу я победу присудил. Что, взял?

Еврипид

Обидев кровно, смеешь мне в глаза смотреть?

Дионис
(издеваясь)

В чем грех, когда его не видят зрители.

Еврипид

Несчастный, ты над мертвым издеваешься.

Дионис
(шутовски)

Кто знает, жить не то же ли, что мертвым быть?
А жизнь не то ль, что выпивка, а смерть — тюфяк?

Плутон

Друг Дионис, войди с Эсхилом в дом!

Дионис

А что?

Плутон

Хочу вас угостить перед отъездом.

Дионис

Что ж?

Отказываться не люблю, свидетель Зевс!

Актеры входят во дворец Плутона.

Первое полухорие
(поет и пляшет)

Строфа Счастлив тот, в ком ясный ум,
Мудрость, опыт, дух прямой,
Вправе он толпу учить.
Доказав свой острый разум,
Вновь поэт идет на землю,
Всем согражданам на благо,
Самому себе на благо,
Всем друзьям и кровным близким.
1490 Мудрость в нем, и в этом — все.

Второе полухорие

Антистрофа Не сидеть у ног Сократа,
Не болтать, забыв про муз,
Позабыв про высший смысл
Трагедийного искусства, —
В этом верный, мудрый путь.
Слов громоздких и пустых
Городить забор воздушный,
Празднословьем заниматься —
Это могут лишь глупцы.

Выходит Плутон с Дионисом и Эсхилом.

Плутон

1500 Будь же счастлив, Эсхил, и на землю вернись,
Сохрани и спаси государство свое,
Научи и наставь, дай хороший совет
Неразумным, их много, их целый народ!
Передай от меня Клеофонту кинжал!
(*Передает огромный кинжал.*)
Городским казначеям и мытарям всем,
Никомаху и Мирмеку — петлю вручи!
(*Дает.*)
Археному же — яд!
(*Дает.*)

Передай, чтоб ко мне торопились прийти,
Чтоб не мешкали больше; скажи им, что жду.
1510 А попробуют медлить, так, Феб мне судья,
Заклеймив и связав,
Адиманту, Левколофа сыну, вослед
Я велю их согнать в преисподню.

Э с х и л

Так и сделаю, помни! А ты мой престол
Передай под охрану Софоклу, пускай
Он блюдет мое место! Пускай меня ждет!
Я вернусь, а Софокла поэтом вторым
Я считаю. Высок и велик его дух.
1520 Берегись, чтобы вор, чтоб обманщик и плут,
Балаганный дурак, площадной шарлатан
Без меня на престоле моем не воссел.
Чтобы случай ему не помог бы!

П л у т о н

Подымите священные факелы ввысь,
Проводите на землю гостей дорогих!
Из напевов поэта прекрасную песнь
Пропоем мы во славу поэта.

Х о р

1530 Песней напутственной, радостной души подземного царства
Славят поэта прекрасного: он возвратится на землю.
Городу славному счастья, добра и удач пожелаем.
Скоро от бед и жестоких скорбей мы спасемся, забудем
Тяготу воинских сборов. Пускай Клеофонт уберется!
Пусть на далской отчизне своей продолжает он битвы!

Актеры и хор покидают оркестру.

КОММЕНТАРИИ

Текст комедий Аристофана перепечатывается в настоящем однотомнике с издания: А р и с т о ф а н. Комедии, тт. I—II. Перевод, вступительные статьи и комментарии Адр. Пиотровского. М.—Л., «Academia», 1934. Внесены изменения только в членение комедий, соответствующее современным научным представлениям о структуре древней аттической комедии.

Адриану Пиотровскому, проработавшему над переводами Аристофана свыше десяти лет, принадлежит несомненная заслуга приобщения русского читателя к духу и стилю древнего оригинала. Перевод Пиотровского отмечен прежде всего художественной цельностью, единством колорита, пониманием композиционных и стилистических особенностей древней аттической комедии. С выходом в свет в 1934 г. двухтомника Аристофана читатель не только впервые получил в руки полный перевод его комедий,— по нему он впервые мог составить себе представление о яркой образности, богатой метафоричности, сложной и пестрой ритмической структуре оригинала. Разговорные сцены в ямбических триметрах, речитативы в восьмистопных хорях, торжественные анапесты корифея в парабасе или двух спорщиков в агоне, лирические строфы хора и комически звучащие эпические гексаметры в пародийных пророчествах,— все это передает сочетание вдохновенной лирики с оживленной перебранкой речевых дуэтов, столь обычное в комедиях Аристофана. Переводчик часто находит удачные эквиваленты, чтобы воспроизвести по-русски плоды необузданной словотворческой фантазии

древнего поэта, придуманные им названия местностей («Раззавино», «Грабильное», «Жулики»); он имитирует вслед за автором стиль официальных или эпических формул, воспроизводит «многоступенчатые» анафоры или рифмованные концовки стихов. Пиотровский, несомненно, во многом добился поставленной им перед собой цели — дать сегодняшней аудитории живого, не хрестоматийного Аристофана.

Вместе с тем читатель, не владеющий древнегреческим языком, должен быть предупрежден и о некоторых увлечениях переводчика, который, стремясь воспроизвести живость и яркость языка Аристофана, а также компенсировать утраченные сценические эффекты, в отдельных местах значительно отступал от оригинала. Так, он прибегал к распространению аристофановских речевых образов путем накопления излишних синонимов. Например, в «Лигистрате» хор женщин, торопящихся на выручку подругам, осажженным в Акрополе, сообщает, что им с трудом удалось набрать воды у городского колодца «из-за толпы, шума и стука горшков; отовсюду толкают служанки и клейменные рабы» (ст. 339—341). У Пиотровского: «Там у ручья гомон и гам, ругань и крик, хохот и стук кувшинов, служанок визг, плеск родника, пинки, толчки, локти, бока». Переводчик создает весьма оживленную картину, но в ней он использует двенадцать образов там, где автор обходится пятью.

Наряду с этим Пиотровский иногда модернизирует текст, вводя не свойственные античности понятия, нарочито усиливает эмоциональное звучание оригинала: там, где есть только презрительное удивление и насмешка, у него звучит порой и негодование и брань. По-видимому, то же стремление к повышенной выразительности русского текста является причиной многочисленных вульгаризмов в переводе. В оригинале персонажи Аристофана «едят», «спят», «бродят», «кричат», «умирают», — в переводе Пиотровского они нередко «жрут», «лопают», «дрыхнут», «шляются», «орут», «подыхают». Неистощимый в нападках на объекты осмеяния, Аристофан достаточно часто называет их «негодниками», «подлецами» и «расподлецами», «трижды мерзкими» и т. п., но Пиотровский еще усиливает эту лексику, вводя слова типа «сволочь», «задрыга», «падаль» и т. д., — весь этот арсенал ругательств читатель должен отнести целиком за счет переводческой установки Адр. Пиотровского.

В. Яро

Комедия была поставлена на Ленеях 424 г. до н. э. Аристофан впервые выступил в ней под собственным именем и был удостоен первой премии. Второе место заняла комедия Кратина «Сатиры», третья — «Лесорубы» Аристомена.

«Всадники» были направлены персонально против лидера радикальной демократии Клеона, владельца кожевенной мастерской. В частности, Аристофан изображает здесь в пародийном плане недавнюю победу Клеона под Пилосом. В мае 425 г. до н. э. афиняне захватили гавань Пилос на юго-западе Пелопоннеского полуострова, в тылу у Спарты. Однако спартанцы обложили афинский гарнизон в Пилосе с суши и заняли остров Сфактерию, загоразивавший выход к морю. Клеон, обвинивший в народном собрании афинского стратега Никия в бездействии, должен был взять на себя командование под Пилосом. При энергичной поддержке другого стратега — Демосфена — ему удалось организовать высадку афинян на Сфактерию и разгромить спартанцев. Захватив в плен сто двадцать оставшихся в живых спартиатов, Клеон с триумфом возвратился в Афины и был избран стратегом на 424 г.

Этот факт Аристофан изображает как покупку афинским народом — Демосом — нового раба. Пафлагонцем он назван по двум причинам: во-первых, из малоазийской области Пафлагонии в Афины действительно привозили рабов, хотя и не часто; во-вторых, слово Пафлагония ассоциируется с греческим глаголом «пафлáo» — «бурлить, кипеть», который дает представление о характере нового раба.

В композиционном отношении для «Всадников» характерно наличие двух агоннов (ст. 301—498 и 755—995). К каждому из них примыкает небольшая диалогическая сценка. За малой парабасой следует эксод, включающий диалог Агоракрита с Демосом.

Ст. 9. *Олимп* — мифический музыкант-флейтист. Олимпу приписывалось изобретение заплячки и флейтового дуэта.

¹ Историко-литературные справки к комедиям принадлежат В. Ярхо. Конкретные комментарии — Адр. Пиотровскому (сокращенный текст из упомянутого выше издания 1934 г.). Нумерация строк в тексте и комментариях соответствует греческому оригиналу.

Ст. 14. ...*Чтоб мне не спорить!* — Употребительное разговорное выражение, приобретающее остроту в устах Никкия, известного своей перешительностью и миролюбием.

Ст. 15. *В слова, молю, признание облеку мое!* — Стих из трагедии Еврипида «Ипполит» (ст. 345). С такую мольбою, не решаясь назвать предмет своей преступной любви, Федра обращается к кормилице.

Ст. 19. *Ах, нет, не надо брюквы еврипидовской!* — Согласно сплетне, мать Еврипида была овощной торговкой. Этот мотив использован Аристофаном и в других комедиях.

Ст. 41. ...*Бобов грызун...* — Подобное прозвище Народа — намек на обычай пользоваться бобами при голосованиях в судах присяжных.

Ст. 51. ...*три грошика!* (В оригинале: «три обола!») — Такова была в годы Пелопоннесской войны суточная плата присяжным судьям, обратившаяся в своего рода государственное обеспечение для разоренной войною беднейшей части населения.

Ст. 77 сл. «*Все видит он, все знает, как всезрящее солнце*» («Одиссея», XII, 323). — Демосфен широко расставляет ноги и превращает свой жест в своего рода материализованную метафору. *Раззвяино* — в оригинале: Хаония (букв.: «Страна зияния»), по созвучию напоминает хаонов, название маленького народа в Эпире. Дальше в подлиннике: Κλοπίδοι («воры») вместо: Κροπίδαί — имя афинского дема, области Аттики; Aitoloi — одновременно «взятчик, жулик» и название страны.

Ст. 83. *Фемистокл* — афинский полководец и государственный деятель, победитель персов при Саламине (480 г. до н. э.) и основатель афинского морского могущества; позднее принужден был покинуть родину и бежать в Персию. Согласно преданию, умер, испив бычьей крови, которая считалась у древних сильнодействующим ядом.

Ст. 107. *Тяни, тяни дар демона Прамнийского!* — Перед попойкой было в обычае прихлебнуть от чаши чистого вина во славу доброго демона, «подарившего людям лозу» (Диониса). Прамнийский — обозначение сорта вина, упоминавшегося уже у Гомера.

Ст. 109. *Гаданье поскорей стяни...* — Всевозможные пророчества на политические темы всегда были распространены в Афи-

нах. Особенное значение приобрели они в полные превратностей годы Пелопоннесской войны.

Ст. 123. *Бакид* — мифический автор популярных прорицаний.

Ст. 129 сл. *В начале всех начал...*— В сказочных приемах, с соблюдением эпической трючности, перечисляются ненавистные древней аттической комедии деятели демократической партии: Евкрат, владелец канатных фабрик, Лисикл, торговец овцами, друг Перикла, после его смерти взявший жену его Аспасию, и, наконец, кожевенный заводчик Клеон.

Ст. 167. *Пританей* — здание в Афинах, предназначенное для торжественных приемов послов и заслуженных граждан. Клеон получил право стола в Пританее после победы у Пилоса. Колбаснику обещается еще большая почесть: он будет не только обедать, но и блудить на государственный счет.

Ст. 197. *«В день, когда волею рока...»* — Канонической формой предсказаний был гексаметр — священный стих Гомера и древнейших гимнов.

Ст. 213. *Заправишь славно.*— Характерный для Аристофана прием распространенной метафоры. Здесь, как и в дальнейшем, ремесло колбасника переносится на деятельность демагога.

Ст. 221. *...и бесу помолись Балде...*— Это божество, в подлиннике: Koalemos,— один из многих, мало нам известных, низших демонов эллинической религии.

Ст. 238 сл. *А чаша здесь зачем халкидская?* — Прием комического алогизма. Халкида — город на Эвбее, славившийся в древности изготовлением серебряных и глиняных чаш, не имеет ничего общего с *Халкидикой*, местностью во Фракии.

Ст. 244. *Мужи всадники!* — Приход хора сопровождается музыкой. Отсюда перемена размера. Предводители полухорий, Симон и Панетий, названы здесь по имени, как это обычно у Аристофана.

Ст. 254. *Евкрат.*— См. комм. к ст. 129.

Ст. 258. *И за дело!* — Перечисляется ряд обычных преступлений афинских чиновников: неправильное распределение государственных наделов, пристрастные ревизии, злоупотребление судебным следствием.

Ст. 284. *Сдохнешь в миг один от вол.*— Эпиррема переходит здесь в пнигос (букв.: «удушь»), короткую строфу, состоящую

бѣлошь из отрывистых строк, не дающих актеру возможности перевести дыхание. Таков традиционный конец агона.

Ст. 321. *Пергасы* — местечко подле Афин.

Ст. 328 сл. *Гипподам* — уроженец Родоса, не получивший афинского гражданства, славный архитектор, строитель Пирея и Фурий. Сын его, Архиптолем, в годы Пелопоннесской войны был одним из виднейших деятелей аристократической оппозиции и сторонником мира со Спартою. Почетное место в первом ряду театра было даровано Клеону после победы при Сфактерии (424 г.) Подобные кресла, с высеченными на мраморе именами владельцев, до сих пор сохранились в театре Диописа на склоне Акрополя.

Ст. 347 сл. *Небось процессик выиграл // У чужеземца-простака...*— Поселенец и заезжий гость в меньшей мере были ограждены законом, чем афинские граждане. Далее ставшая общим местом характеристика усердных, но бездарных ораторов.

Ст. 361. *Хоть камбалы наешь ты, милетян не осилишь.*— Намек на милетян, граждан богатой ионийской колонии, не вполне понятен.

Ст. 392. *Вот и те снопы...*— Под снопами, привезенными Клеоном в город, разумеются спартацы, взятые в плен на острове Сфактерия.

Ст. 398 сл. *Морсим* — трагический поэт, современник Аристофана и постоянная его жертва. В «Лягушках», например, утверждается, что выписать на память стихи Морсима — такое же преступление, как убить отца и сойтись с матерью. *Кратин* — талантливый комедийный поэт, старший современник и опасный противник Аристофана. Ниже ему посвящена двусмысленная похвала (ст. 526). Здесь имеется в виду склонность старого поэта к вину.

Ст. 404. *Сын Нулов* — по свидетельству схолиастов, пользовавшийся дурною славой расточительный и сластолюбивый старик.

Ст. 416. *Песьеголовец* — сказочное существо, здесь: по-видимому, прозвище Клеона. Подобным образом и Перикл был прозван комедией «лукоголовцем».

Ст. 419. «...*Нам ласточка весну несет*». — Ласточка чтится греками как «темнокрылая вестница благоухающей весны» (стих Симонида). Дети встречали ее прилетою особой песенкой: «Приди к нам, ласточка, приди. Весну и солнце принеси».

Стр. 422. ...*щипал ты до весны крапиву.*— Поговорка. Смысл ее: «Из молодых, да ранний».

Ст. 432 сл. *Я колбасы с мачт спущу...*— Материализованная метафора. Клеон угрожает: «Я устремлюсь как ураган». В ответ на это Колбасник садится на лоток, метафорически изображающий корабль, и принимает меры против шторма.

Ст. 434 сл. *Клянусь Деметрой...*— И этому, и бесчисленным другим обвинениям во взяточничестве, рассеянным в комедиях Аристофана, нельзя придавать серьезного значения. Все это не более как сплетни, разносимые и раздуваемые верной передатчицей молвы — комедией. Для большей убедительности всюду называются собственные имена и размер взятки.

Ст. 438. *Потидея* — колония во Фракии, позднее отпавшая от Афин и взятая обратно силой оружия.

Ст. 446 сл. ...*Алкмеонидов злая кровь.*— Противники стараются превзойти друг друга самыми невероятными обвинениями. В 612 г. до н. э., за двести лет до постановки «Всадников», представители знатного рода Алкмеонидов путем вероломства и клятв-вопреступления подавили попытку могущественного Килона захватить тиранию в Афинах. Род был проклят и изгнан из города. На это старинное проклятье позднее ссылались спартанцы, требуя удаления из Афин потомка Алкмеонидов Перикла. Сейчас членом этого древнейшего рода оказывается бездомный бродяга Колбасник. В ответ на это Клеону предъявляются обвинения в наследственной приверженности к Гиппию, тирану, властвовавшему в Афинах в конце VI в., и даже не к самому Гиппию, а к жене его — «Овчине» (вместо Миррины).

Ст. 464. ...*чем ты в Аргосе // Так занят.*— Переговоры с Аргосом, государством на севере Пелопоннеса, были начаты афинянами в 20-х годах V в. до н. э. и позднее привели к союзу.

Ст. 478. *Беотия* — местность в центральной Греции, вскоре после постановки «Всадников» стала ареной гражданской войны. Попытка афинян поддержать демократический переворот в Беотии окончилась в следующем году катастрофическим поражением у Делия.

Ст. 490. *Но прежде горло этим умасти себе...*— Сцена заканчивается материализованной метафорой. Колбасника снаряжают в поход и кормят чесноком, как петуха, готовящегося сразиться.

Ст. 510. *Тифон* — чудовищный сын Земли, восставший на богов и погребенный ими в недрах огнедышащей Этны. Здесь — все тот же Клеон.

Ст. 512 сл. *Удивлялись нередко друзья...* — «Всадники» были первой комедией, поставленной Аристофаном под собственным именем. Предшествовавшие пьесы его ставились Калистратом, который, как режиссер, просил хор у архонта.

Ст. 520 сл. *Магнет* — один из создателей аттической комедии. Позднейшая критика знала о нем очень мало и, приписывая ему одиннадцать побед, не могла привести ни одного подлинного отрывка из его, по всей вероятности, вовсе и не записанных комедий. О *Кратине* см. комм. к ст. 398. В год постановки «Всадников» он был уже стариком, почти классиком, любимцем старших поколений. Песни Кратина распевались повсюду. Презрительное сожаление Аристофана, по-видимому, в большей степени вызвано ревностью, чем действительным положением вещей.

Ст. 529 сл. *«Беру на сандалиях смоквы и лжи»*. — В песне воспевается божество Взятка, уподобляемое супруге Зевса — «Гере на золотых сандалиях». Древние схолиасты видят здесь намек на Аспасию, жену Перикла. Обе упомянутые песенки взяты из комедии Кратина «Евмениды».

Ст. 534 сл. *...пляшница Конн...* — Заодно с Кратином попадает и Конну, славному некогда кифареду, победителю на многих состязаниях. Под старость Конн впал в нищету, и гротескная фигура вечно жаждущего старого певца была одним из излюбленных образов древней комедии.

Ст. 537. *Кратет* — комический поэт, старший современник Аристофана.

Ст. 547. *Ленейский шум* — рукоплескания, свойственные веселому празднику Ленеев, на котором были представлены «Всадники».

Ст. 550. *...лучезарною плешью сверкая*. — Аристофан рано облысел и получил прозвище Плешивый. Над этим смеются его соперники, комические поэты, и добродушно подтрунивает он сам.

Ст. 551 сл. *Посейдон*, бог моря, почитался в Афинах также как создатель коней и покровитель наездников. В честь его устраивались состязания гребные и конские. *Суний* — мыс на восточной оконечности Аттики и *Герест* — на Эвбее посвящены

Посейдону. Огибая их и выходя в открытое море, пловец молился богу о даровании счастливого плавания.

Ст. 566. ...и покрова Госпожи.— Каждые четыре года, в торжественном шествии, афиняне подносили покров — пеплос — Палладе, покровительнице города. В процессии этой, изображенной Фидием на сохранившемся и поныне фризе Парфенона, видную роль играли празднично одетые всадники.

Ст. 599. ...Как, на барки погрузившись, в море выплыли они.— Имеется в виду морской поход против Коринфа, предпринятый Никием в 425 г. В нем участвовали и всадники, погрузившие своих лошадей на барки.

Ст. 728. *Иресиона* — масляная ветвь, обвитая белою шерстью и увешанная печениями и начатками плодов, прикреплялась над дверью дома как счастливый талисман.

Ст. 739. *Свечник* — Гипербол, единомышленник Клеона, *дубильщик* — Клеон.

Ст. 762. *Дельфин* — боевое приспособление, тяжелый свинцовый слиток в виде одноименной рыбы. Их сбрасывали с мачт на вражеский корабль, чтобы проломить палубу и дно.

Ст. 765. *Лисикл* — предшественник Клеона. Комическим образом имя его соединено с именами *Салабакхо* и *Кинны* — двух славившихся своей распущенностью гетер.

Ст. 768. *Керамик* — пригород Афин; на государственный счет там хоронили граждан, павших за отечество.

Ст. 786. *Гармодий* — убийца тирана Гиппарха, почитался как герой и патрон демократии.

Ст. 834. *Мигилена* — на острове Лесбосе, отпала от Афинского союза в 427 г. После взятия ее Клеоном было внесено предложение казнить все мужское население города. Тем нелепее, конечно, обвинения, предъявляемые здесь Колбасником.

Ст. 847 сл. ...*хотя б один из тех щитов пилосских*.— Трофеи своей пилосской победы, щиты пленных спартиатов, Клеон велел повесить вблизи Акрополя. Обычно при таких посвящениях у щитов снимали ненужные более рукоятки.

Ст. 895. *Сильфий* — растение, добываемое в северной Африке; был излюбленной афинянами приправой к кушаньям и служил предметом оживленной торговли. В чем выразилось вмешательство Клеона в эту торговлю, неизвестно.

Ст. 897. *Гелия* — афинский суд присяжных.

Ст. 912. *Триерарх* — общественная обязанность; оснастка во-

енных кораблей падала на богатейших граждан города. Здесь Клеон грозит возложить ее на нищего Колбасника.

Ст. 919. *Кипит! Бурлит!* — Материализованная метафора. Клеон кипит, как похлебка. Колбасник вынимает ложку, чтобы снять с него пенку.

Ст. 958. *Клеоним* — излюбленная фигура древней аттической комедии, легендарный трус, толстяк и обжора.

Ст. 984. *Пестил* — пест; с пестом, дробящим города, Клеон сравнивается и в других комедиях, например, в «Тишине».

Ст. 989. «*По-дарийски*». — Дорийский лад — один из четырех ладов античной кифары. В подлиннике родственная игра слов: по-дорийски и по-взяточноически (по-дарийски: от слова «дар»).

Ст. 1002 сл. *Бакид*. — См. комм. к ст. 123. Колбасник, желая и на этот раз превзойти Клеона, изобретает *Гланида*, мнимого старшего и, значит, мудрейшего брата Бакида.

Ст. 1012. *И то, что обо мне...* — Одним из популярнейших пророчеств, утешавших афинян в тяжелые годы войны, было следующее, приписываемое Бакиду:

«Радуйся ныне, Паллады-владычицы город блаженный,
Много страдавши и много изведав и много увидев,
Словно орел к облакам возлетишь ты на многие годы».

Ст. 1015. *Эрехфид*, как дальше *Кекропид* и *Эгеид* — торжественные наименования афинян по имени мифических предков Эрехфея, Кекропа и Эгея.

Ст. 1036. «*Будет жена, и родит она льва...*» — Снова пародия на распространенные пророчества. О «рождении льва» говорилось в ряде прорицаний, связанных с именами знаменитейших мужей древности. За «деревянной стеной», «на кораблях» советовало афинянам искать спасения от персов знаменитое дельфийское пророчество, данное накануне Саламинского сражения.

Ст. 1047. *Локсий* — Аполлон.

Ст. 1056. «*Время снесет и жена...*» — Нарочито двусмысленная пародия на стихи из не сохранный нам целиком эпической поэмы «Малая Илиада».

Ст. 1059. «*Есть кроме Пилоса Пилос...*» — Игра со словом «Пилос», проходящая через всю комедию, достигает здесь апогея. Впрочем, как говорит древний комментатор, действительно существовало пророчество, начинавшееся так: «Есть кроме Пилоса Пилос, но есть еще Пилос и третий» (имеются в виду города этого названия в разных частях Греции).

Ст. 1068. *«Псолисицы обманов и ков опасайся...»* — Под псолисицей сначала разумеется Клеон. Затем на место его подставляется псолисица *Филострат*, известный развратник и сводник.

Ст. 1080. *Киллена* — гора в Аркадии, родина Пана. Здесь повод для игры слов: *Kyllene* («Киллена») и *Kulle* («согнутая рука взяточника»).

Ст. 1085. *Диопиф* — жрец и прорицатель, криворукый, как утверждает древний схолиаст.

Ст. 1088. *Акбатаны* — столица далекой Персии, сказочная страна золота и роскоши.

Ст. 1089. *Мне же видение было.* — От пророчеств оба противника переходят к истолкованию снов, также имевшему в античной истории своеобразное политическое значение.

Ст. 1103. *Феофан* — единомышленник и секретарь Клеона.

Ст. 1150. *...нажав черепочком.* — Имеется в виду черепок судьи. Этот образ употреблен метафорически, в значении судебного следствия.

Ст. 1166 сл. *А вот тебе лепешку я принес...* — Вся сцена построена на каламбурах, сдвигающих бытовые черты в политический план.

Ст. 1168. *Вот корка для похлебки...* — Вместо ложек античные греки часто пользовались хлебной коркой, выдолбленной в виде ложки.

Ст. 1173. *Тебя богиня охраняет явственно...* — Колбасник пародирует культовое изречение, но вместо ожидаемого: «И над тобой простерла руку», — кончает: «...миску с кашей».

Ст. 1177 сл. *В Сечах Грозная, Совоокая, Эгидодержица* и др. — эпитеты богини Афины.

Ст. 1180. *Пеплос.* — См. комм. к ст. 566.

Ст. 1229. *Дано мне прорицание.* — Клеон возвращает комедию к началу, вспоминая о прорицании, выкраденном Никием. Вся следующая сцена допроса пародирует традиционные сцены «признания» в финале трагедии. Пародийна она и по своему словесному материалу, почти сплошь заимствованному из трагедии.

Ст. 1248 сл. *Увы! Свершилось богом предреченное!* — Пародия продолжается. Клеон говорит стихами из еврипидовских трагедий — сначала из «Беллерофонта» (нам не сохраненного), затем из «Алкесты». Умиравшая Алкеста говорит в этой траге-

дии (ст. 177 сл.): «Прощай навек и ты, о ложе брачное. // Тобой владеть другая будет женщина, // Не лучше, нет, а разве что счастливее». Дальше стих из еврипидовского «Пелеея».

Ст. 1256. *Фан* — по-видимому, сотрудник Клеона; в «Осах» (ст. 1220) он пирует рядом с Клеонимом на изысканной попойке.

Ст. 1257. *Агоракрит* — дословно: «бранящийся на рынке», имя, выдуманное Аристофаном.

Ст. 1263. *Разиняне* — здесь употреблено вместо «афиняне».

Ст. 1264 сл. *Что краше, чем песнь начиная...*— Первые четыре строки оды взяты из торжественного вступления Пиндара. Тем комичнее неожиданный переход к личной сатире, выдержанный в тех же торжественных стихах — дактилоэпитрихах. *Лисистрат* — мот и прихлебатель, названный в «Ахарянах» попором своего родного дема — Холарга, «как в пурпур, одетый в несчастье», «голодающий по тридцать дней в месяц». *Фумант* — по-видимому, известный в городе расточитель. Современники говорили о скоте, «тощем, как Фумант». *Аригнот*, сын Арифрада, — известный кифарист из окружения Аристофана. На *Арифрада*-младшего, брата Аригнота, и здесь, и в других комедиях сыплются ожесточеннейшие насмешки, создавшие из него своего рода тип негодяя, до такой степени устойчивый в литературной традиции, что Лукиан много столетий спустя мог называть его имя как нарицательное для порочного человека. О *Полимнесте* — авторе легкомысленных песенок — и *Эонихе* ничего не известно.

Ст. 1290 сл. *Давно уж в безмолвии ночи...*— Антода и антэпиррема, по свидетельству античного комментатора, написаны Евполидом, комическим поэтом, сначала другом, а позднее соперником и врагом Аристофана. Сам Евполид утверждал позднее, что «помог Плешивому написать «Всадников», а Кратин упрекал Аристофана в списывании с Евполида. Начало антоды, так же как соответствующая часть оды,— пародия, на этот раз на монолог Федры из еврипидовского «Ипполита»: «Как часто я без сна, ночами долгими // Томилась думой, отчего так тягостна // Людская жизнь».

Ст. 1304. *Гипербол*.— См. комм. к ст. 739. Нападки на эту видную политическую фигуру демократии были до такой степени в обычае древнеаттической комедии, что в «Облаках» приводятся как образчик банальной и избитой шутки. Это не мешало, впрочем, самому Аристофану постоянно пользоваться ими.

Ст. 1311. ...*в Тесеев храм*...— Храмы Тесея и Евменид служили убежищем для беглецов.

Ст. 1325. *Мильтиад* и *Аристид* — аристократические политические деятели Афин первой половины V в. до н. э. Первый — победитель персов у Марафона. Второй — один из основателей Делосского морского союза, молва прозвала его «справедливым».

Ст. 1329. «*О Афины, Афины, краса городов!*...» — Знаменитое обращение Пиндара к Афинам (отрывок из не дошедшего до нас целиком дифирамба).

Ст. 1368. *Задов потешишь много ты мозолистых*.— Та же шутка, что и в ст. 781 сл., характеризующая афинян как народ гребцов по преимуществу.

Ст. 1369. *Теперь гоплита, в списки занесенного*...— Для упорядочения военной службы ежегодно составлялись списки военнообязанных граждан.

Ст. 1373 сл. *Пускай молчат в Собрание безбородые!* — Комедия не раз жалуется на молодежь, захватившую в городе несвойственную ей власть. Далее высмеивается увлечение формальной техникой красноречия, получившее в Афинах распространение в связи с ростом демократии, в частности после приезда туда знаменитого основателя риторики Горгия.

Ст. 1377. *Феак* — дипломат и оратор из партии молодых. О нем говорит Евполид: «Искусен в слове, но в речах беспомощен».

ОБЛАКА

Комедия была поставлена на Великих Дионисиях 423 г. до н. э. и заняла третье место. Победу в состязании одержал Кратин с комедией «Бутылка», вторую премию получил Амипсий за комедию «Конн». Впоследствии Аристофан стал переделывать «Облака», но так и не сумел осуществить вторичную постановку.

Сцена Стрепсиада и Сократа (ст. 263—438) написана в анапестах — традиционном размере агона — и завершается блестящим речитативом Стрепсиада (ст. 439—456), напоминающим заключительные части агонов в других комедиях. Таким образом, первоначально содержание агона составляла дискуссия на естественнонаучные темы.

Второй же спор — между Правдой и Кривдой (ст. 889—1104) — был написан, по-видимому, для новой постановки, и принятый во второй половине размер (восьмистопный ямб)

не является характерным для агона. Два агона, не вызванные необходимостью, как во «Всадниках», в свою очередь свидетельствуют о незавершенности редакционной работы Аристофана над этой комедией.

В «Облаках» отсутствует эксод, а вступительный монолог корифея в парабасе написан не анапестами, как обычно, а так называемым евоподическим стихом.

Ст. 5. *Храпят рабы. Ах, прежде было иначе!* — Шутливое упоминание об очень серьезном явлении. Война и кризис расшатали основы рабовладельческого хозяйства Афин. Рабы во множестве убегали или перебежали к врагам. Государство принуждено было делать им ряд уступок и льгот, среди них — ограничение наказаний.

Ст. 15. *В седле гарцует, правит он четверкою...* — Конный спорт был дорогостоящим увлечением богатой и знатной молодежи Афин.

Ст. 37. *Грызет меня из-под перины староста.* — Греческая обиходная речь знала множество шутливых описательных выражений для клопов и подобных тварей.

Ст. 47. *Мегакл* — имя, часто повторявшееся в роду Алкмеонидов, одном из самых старинных и знатных афинских родов. *Кисира* — дочь одного из Мегаклов, жена афинского тирана Писистрата. И Кисира и Мегакл — здесь имена нарицательные для щеголей, кичащихся своей роскошью и богатством. К роду Мегакла принадлежал знаменитый афинский государственный деятель Перикл, умерший за несколько лет до постановки «Облаков», и молодой Алкивиад, только еще начинавший свою карьеру (см. «Лягушки», комм. к ст. 1424). Шутка Аристофана была, таким образом, достаточно злободневной.

Ст. 65. *Каллиппид, Харипп, Ксангипп* — все это говорящие имена. Аристократка-мать предлагает имена, производные от *hippos* («конь»), считавшиеся изысканными и благородными. Отец стоит за имя Фидонид, т. е. «бережливый». Компромиссное имя Фид-иппид совершенно бессмысленно, и в этом его комизм.

Ст. 94. *Здесь обитают мудрецы. Послушать их...* — Следует шутковское пародирование двух основных утверждений современной Аристофану просветительной, «софистической», философии: учения о механическом строении вселенной и о всеильном могуществе диалектики, т. е. убедительной речи. Учителя

«софисты» были одними из первых, бравших деньги за преподавание. Это нововведение, в консервативных кругах почитавшееся безнравственным, служит предметом постоянных нападок Аристофана и других комедийных поэтов.

Ст. 104. *Херефонт* — один из ближайших и преданнейших учеников Сократа.

Ст. 108. *Хотя бы ты // Фазанов подарил мне леагоровых!* — Во времена Аристофана фазаны считались еще редкостной заморской новинкой. Леагор, привезший их с востока, вышучивался в комедиях как ленивый и сумасбродный богач и мот.

Ст. 134. *Кикинна* — один из демонов Аттики.

Ст. 141. *Ученикам лишь слушать дозволяется.* — Насмешка над полным скрытностью обиходом тайных обществ и ученых школ, широко распространившихся в Афинах в годы Пелопоннесской войны.

Ст. 148. *И как же сосчитал он?* — Диковинные естественнонаучные эксперименты, производимые учеными софистической школы, были новинкой во времена Аристофана и, естественно, преломлялись в обывательской молве и верной передатчице ее, комедии, таким вот шутовским образом.

Ст. 174. *Смешно, Сократу в рот наклала ящерка!* — Подобным повторением, вложенным в уста собеседника, Аристофан любил подчеркивать острые шутки для невнимательных зрителей.

Ст. 179. *...И осторожно... из палестры плащ стянул.* — Родственная насмешка у поэта Евполида: «Задумав петь, кувшин с вином стянул Сократ».

Ст. 186. *За спартиатов тощих, взятых в Пилосе.* — Незадолго до постановки «Облаков» афинянам удалось взять в плен отряд спартиатов, отборного войска спартанцев. Их держали в тюрьме в качестве заложников.

Ст. 208. *Присяжных здесь не видно заседателей.* — В представлении Стрелсиада, его родной город и «суд присяжных» — неотделимы.

Ст. 211. *Эвбея* — плодородный остров на восток от Аттики, опустошенный одним из походов Перикла в первые же годы Пелопоннесской войны.

Ст. 218. *А это кто же в гамаке качается?* — Обычная у Аристофана материализованная метафора. «Парящий мыслями в облаках» Сократ изображен подвешенным в гамаке.

Ст. 234. *Не то же ли случается с капустою?* — Сократ, как и софисты, любил разъяснять непривычные для слушателей отвлеченные понятия через конкретные аналогии, заимствованные из повседневности. Аристофан здесь шутовски преувеличивает этот прием.

Ст. 257. *Афамант.*— Трагедия о принесенном в жертву Афаманте была поставлена Софоклом, вероятно, незадолго до представления «Облаков»; Аристофан мог поэтому рассчитывать, что она осталась в памяти зрителей. Весьма вероятно, что сходство между «Облаками» и «Афамантом» не ограничивалось одной этой сценой. Героиней трагедии, женой Афаманта, была Нефела — «Облако». Не исключено, что комедия Аристофана была сложной пародией на софокловскую трагедию.

Ст. 260. *В речах мучнистым станешь...*— Снова материализованная метафора. Стрепсиада делают «тертым», обсыпают «тертой» мукой.

Ст. 270 сл. *Олимп* — священная гора греков, расположенная на севере, в Фессалии. *Мимант* — гора в Малой Азии. *Меотида* — нынешнее Азовское море.

Ст. 300. *Город Кекропа* — Афины, считавшиеся основанными скаочным царем Кекропом. *Земля Паллады* — Аттика.

Ст. 311. *Бромий* — одно из культовых имен бога Диониса, которому были посвящены сценические игры и состязания.

Ст. 323. *Погляди же сюда, на Парнет!* — Один из самых ярких примеров нарушения Аристофаном сценической иллюзии. Актеры рассматривают с оркестры облачную шапку на Парнете, горе, возвышающейся к северу от Афин. Затем они ищут те же облака в театре, у его входов, подготавливая этим последующее появление на оркестре хора Облаков.

Ст. 331. *...это вот кто питает ученых...*— Представители новых в эпоху Аристофана, «интеллигентных» профессий перечисляются здесь в качестве слуг и прихлебателей Облаков.

Ст. 336 сл. *«Стоголового смерча летучую прядь»...*— Стрепсиад высмеивает напыщенный и вычурный стиль новейших дифирамбических и трагических поэтов, в частности, Еврипида. Под лакомствами, упоминаемыми далее, следует, вероятно, понимать угощение, по обычаю подносимое от устроителя праздника — хорега — его участникам: поэту и хору.

Ст. 348 сл. *Как хотят, обернуться умеют они.*— Попытка ко-

мически мотивировать явно недостаточную сценическую костюмировку Облаков. Выдумывается целая притча, дающая в дальнейшем повод к ряду забавных, свойственных аттическому остроумию, уподоблений. *Завитым красавцем* именуется Иероним, сын Ксенофонта, современный Аристофану лирический поэт. *Симон* — государственный деятель, пользующийся, как кажется, незавидной славой (см. о нем же ст. 399). О *Клеониме* — см. «Всадники», комм. к ст. 958.

Ст. 361. *Продик* — один из родоначальников просветительной софистической философии. Почтительный отзыв о нем Аристофана при общем отрицательном отношении поэта к новейшей философии несколько удивляет.

Ст. 380. *...нынче Вихрь управляет вселенной.* — Греческие ученые-материалисты приписывали вихревому движению первенствующую роль в образовании мира. Вихрь (Dinos) может быть приближен к корню Dis, т. е. к имени Зевс.

Стр. 387. *...на гулянии панафинейском...* — Панафиней — ежегодный праздник в честь покровительницы города Афины, сопровождавшийся угощением и гуляньями.

Ст. 400. *Феор* — единомышленник и друг Клеона.

Ст. 408. *Диасии* — старинный, посвященный Зевсу праздник, сопровождавшийся ярмаркой и гуляньем. В этот день было в обычае угощаться вскладчину и дарить подарки малым ребятам (см. об этом дальше, ст. 864).

Ст. 508. *Пещера Трофония* — знаменитый пещерный храм в северной Греции, в котором давались прорицания. Посвященные входили туда в одних рубашках. О пещере рассказывали чудеса и ужасы, так что имя ее сделалось нарицательным для места, полного страхов.

Ст. 518. *Зрители, хочу говорить с вами откровенно я...* — Здесь и далее предводитель хора выступает от имени самого Аристофана.

Ст. 529. *...«Добрый» мой и «ветреный брат»...* — В первой из комедий, написанных Аристофаном, «Гуляки» (427 г. до н. э.) были выведены два брата, «добрый» и «блудный». Комедия эта, потому ли, что поэт не достиг еще узаконенного возраста, по другой ли причине, была поставлена под именем актера Филонида, так же как и ряд последующих комедий Аристофана (вплоть до «Всадников»). «Гуляки» имели успех и укрепили славу молодого поэта.

Ст. 534. *Как Электра, мчится сейчас к вам моя комедия...*— В сохрненной нам трагедии Эсхила «Хоефоры» царевна Электра узнает по отрезанной пряди кудрей на могиле отца о возвращении брата своего Ореста. На это, знаменитое уже в древности, место здесь и намекает Аристофан.

Ст. 538 сл. *Как пристойны нравы ее, сами поглядите вы...*— Полемизируя со своими соперниками, Аристофан насмешливо перечисляет здесь основные приемы балаганной комедии. К ним он относит и разнузданную пляску *кордак*, и комическую драку, и беготню с факелами, и злоупотребление оставшейся, как пережиток древнего ритуала, частью комического костюма — бутаторским фаллом. В других своих комедиях, например в «Осах» и «Лягушках», Аристофан продолжает подобные нападки. Все это отнюдь не означает, что поэт сам не пользовался точно такими же приемами комизма. Наоборот, в комедиях его нетрудно подыскать примеры для всех упомянутых приемов. Политическая значительность и глубина основной идеи — вот что, по-видимому, в особенности ставит себе здесь в заслугу Аристофан. Вот почему он и здесь, и далее в «Осах» с гордостью вспоминает о своей борьбе с всемогущим вождем демократов — Клеоном. От общих обвинений поэт переходит к частностям, в первую очередь к нападкам на Евполида (см. «Всадники», комм. к ст. 1290 сл.). По преданию, Евполид помог ему в написании «Всадников». На этот раз Аристофан обвиняет самого Евполида в плагиате, в использовании мотивов из «Всадников» для комедии «Марикант», поставленной Евнолидом незадолго до «Облаков» и направленной против Гипербола, видного политического деятеля, впоследствии сменившего убитого во Фракии Клеона в руководстве городом. Мать этого Гипербола Евполид, как кажется, вывел в виде пьяной, комической старухи. Ей же посвятил целую комедию «Торговка» поэт Гермипп.

Ст. 558. *В мутных водах ловят они...*— Самоцитата Аристофана из упомянутых уже «Всадников» (ст. 864 сл.).

Ст. 576. *Рассудительные люди, нас послушайте теперь!*— Эпиррема, как и обычно в парабасах, посвящена самопрославлению хора. Ода — молитва Зевсу, Посейдону, Эфиру и Солнцу. В антоде последовательно прославляются боги Аполлон, Артемида, Афина и Дионис.

Ст. 588. *...не впервые божествам...*— Старое афинское по-

верье гласило, что «боги обращают на пользу афинянам их собственное безрассудство».

Ст. 591. *Если вы Клеона-вора...* Очевидная неувязка с предшествующими ст. 550 сл. Объяснение этого в том, что начальная часть парабасы, по-видимому, относится к позднейшей редакции комедии, созданной уже после гибели Клеона (422 г.).

Ст. 597. *Кинф* — гора на посвященном Аполлону острове Делосе, одном из островов греческого архипелага. Лидия — страна на западном побережье Малой Азии с знаменитым центром культа Артемиды — *Эфесом*.

Ст. 616. *...Дней ее ничуть не чтите, повернули все вверх дном.*— За год до постановки «Облаков» в Афинах была произведена частичная реформа календаря, в итоге которой дни ежегодных праздников и торжеств были передвинуты. Аристофан и здесь выступает глашатаем издевающейся над новизной молвы.

Ст. 622. *Сарпедон и Мемнон* — восточные герои, мифические любимцы богов, погибшие трагически. По логике комедии предполагается, что и боги соблюдают свои посты и дни траура, точно так же, как и люди.

Ст. 638. *С размеров, с диалогов иль с ладов — скажи?* — Наряду с основами естественной истории, учеными-софистами были начаты изыскания в области науки о языке. Исследованию подверглось содержание грамматических категорий: падежей, числа, рода. Комическая пародия на подобные изыскания дана здесь в сцене, где Стрепсиад, оставаясь верным своему амплу «шута», попросту, по-житейски толкует правила грамматики.

Ст. 665 сл. *Зови «фазыней».*— В подлиннике каламбур касается «петуха» и «курицы», для которых разговорный греческий язык не знал отдельных слов. Эта, довольно наивная, шутка — одна из основных в «Облаках»; она проходит сквозь всю комедию. Чтобы оценить шутки с именем *Клеонима*, следует помнить об обвинениях в трусости, обжорстве и женоподобности, постоянно предъявляемых к нему Аристофаном.

Ст. 687. *Да это ж не мужские имена совсем.*— Ряд мужских собственных имен в греческом языке (частично перешедших и в русский) имеет окончания на «ас» и «а». Как правило, эти окончания свойственны женскому роду.

Ст. 734. *Поймал вот этот...*— Аристофан пользуется здесь той самой игрой с привязанным бутафорским фаллом, которую он сам осудил несколькими строками выше (см. ст. 538 сл.).

Ст. 766. *У лекарей такой видал ты камешек...*— Речь идет о зажигательном стекле. В V в. до н. э. такое стекло было редкостью и ценилось высоко.

Ст. 829. *Безбожник с Мелоса.*— Родом с острова Мелоса был философ Диагор (V в. до н. э.), один из самых ожесточенных разрушителей традиционной греческой религии. Имя это, как нарицательное для «безбожника», перенесено здесь на Сократа, несколько десятилетий спустя казненного за «непочитание отечественных богов».

Ст. 836. *Никто из них не мажется...*— Мазаться маслом было общераспространенным гигиеническим правилом в Греции.

Ст. 859. *...«на надобности важные».*— Расходы на «важные» или «секретные надобности» были со времен Перикла постоянной частью афинского бюджета и, вместе с тем, постоянным источником злоупотреблений.

Ст. 900. *Опровергну тебя.*— Отрицание абсолютных моральных ценностей: истины как таковой и прирожденного права — было одним из боевых лозунгов софистической школы в борьбе против традиционных понятий о праве и правде. Их и пародирует здесь Аристофан.

Ст. 904. *Если правда не вздор...*— Рационалистическое, реализующее истолкование старинных мифов было также излюбленным методом софистов. Его можно встретить и в еврипидовских трагедиях, и в диалогах философа Платона. Для Правды это непереносимая банальность.

Ст. 922 сл. *Мисиец Телеф.*— Мисийский царь Телеф, мифический царь-нищий, был героем одноименной трагедии Еврипида. Современники видели в этой трагедии с ее мелодраматическим сюжетом и сентиментальным героем наиболее яркое произведение новой театральной школы, отказывающейся от традиционной трагической пышности и величия. Насмешкам над еврипидовским «Телефом» Аристофан посвящает большую часть комедии «Ахарняне». *Панделет*, как кажется, один из популярных учителей софистики.

Ст. 925. *...Развратителя юношей, язву страны.*— В таких же примерно выражениях с лишком двадцать лет спустя было сформулировано государственное обвинение против Сократа, «развратителя молодежи».

Ст. 966. *«Паллада в бою воевода»...*— Здесь цитируется отрывок из «Гимна к Афине» Фриниха, трагического поэта нач.

V в. до н. э., к которому, как и к другим старинным поэтам и музыкантам, Аристофан относится с почтением.

Ст. 969. *Фринид* — представитель новых течений в музыке, искавших, как кажется, более сильных эффектов и резкой эмоциональной выразительности. Аристофан смеется над этими приемами, но и сам иногда к ним прибегает в ритмической композиции своих песен.

Ст. 984—985. *Буфони* — то же, что и *Диполии*, — очень древний земледельческий праздник, в ритуал которого входило убийство быка. *Кикид* — старинный, полумифический певец. Все это — нарицательные имена для характеристики глубокой старины. Таким же старинным был обычай афинян носить длинные волосы, закалявая их золотой пряжкой в форме цикады — кузнечика.

Ст. 990. *Тригоения* — одно из культовых имен Афины-Паллады.

Ст. 1000. *...Поросят Гиппократ* напомнишь собой. — Гиппократ — афинский полководец, племянник Перикла. Над сыновьями его, воспитанными в обычаях дедов, любила смеяться комедия; так, Евполид говорит о них: «А дети Гиппократ — недоноски все, слюнтяи, нюни, нынче не ко времени».

Ст. 1005. *Академия* — роща в окрестностях Афин, названная так в честь мифического героя Академа. Любимый афинянами сад для гуляний, он получил всемирную известность впоследствии, когда Платон основал здесь свою школу, прославив в диалоге «Федр» платаны и маслины Академии.

Ст. 1022. *Антимах*. — Над хорегом и неудачливым поэтом — «брюзгой» Антимахом Аристофан издевается в комедии «Ахарняне» (ст. 1150). Тот ли Антимах имеется в виду здесь — с определенностью сказать трудно.

Ст. 1050. *...«Геракловой» зовем горячую мы воду!* — Знаменитые в древности горячие ключи в Фермопильском ущелье звались «Геракловыми». Предание гласило, что богиня Афина сотворила их, чтобы дать отдых изнемогшему в трудах Гераклу.

Ст. 1056. *...тогда б Гомер не вывел...* — Ссылки на авторитет древнего Гомера в подтверждение самоновейших теорий были любимым приемом софистов, искавших опоры в авторитетах для своих новых учений. Прием этот пародирует и философ Платон в диалоге, посвященном софисту Протагору.

Ст. 1063. *За скромный нрав Пелею меч достался.*— Согласно мифам, боги наградили героя Пелея мечом, приносящим победу, и дали ему в жены морскую богиню Фетиду. Этот сказочный брак, от которого мифология производила славнейшего из греческих героев Ахилла, Кривда толкует здесь с ошеломляющей новизной.

Ст. 1094. *Теперь из зрителей сочти...*— Сценическая иллюзия нарушается здесь, в финале агона, окончательно.

Ст. 1131 сл. *До новолунья пятый, и четвертый день...*— Греки отсчитывали вторую половину месяца с конца, говоря о «пятом» (с конца), «четвертом» (с конца) и т. д. днях. Последний день месяца назывался днем «старым и новым» (по отношению к истекшему и наступающему месяцам).

Ст. 1174. *«Ты что сказал?»*— Этот вопрос, произнесенный в угрожающей манере, был, по свидетельству древних комментаторов, характерным выражением афинских спорщиков.

Ст. 1188. *...Закона дух остался скрыт.*— Подобное толкование «духа закона» в противовес «мертвой букве»— часто встречающееся орудие софистов. Более или менее произвольные ссылки на Солона, афинского законодателя VI в. до н. э., также, вероятно, заимствованы из практики судебных ораторов.

Ст. 1199. *Пробник.*— Пробниками называлась специальная коллегия жрецов, предварительно пробовавшая мясо, предназначенное для жертвоприношений.

Ст. 1261. *Карки*— современный Аристофану трагический поэт, отец нескольких сыновей, поэтов и актеров. Все семейство Каркина Аристофан вывел позднее в комедии «Осы» в пародийно-комическом танце.

Ст. 1265 сл. *О бог суровый!*— Вошедший Аминий действительно говорит стихами из несохраненной нам трагедии сына Каркина, поэта Ксенокла. Героем ее был мифический *Глеподем*, бежавший под Трою и там убитый.

Ст. 1300. *...тrophай, торопись, саврас!*— Сцена заканчивается материализованной метафорой, замыкающей смысловое кольцо эпизода. Аминий входит, «упав с лошади», уходит, «как лошадь».

Ст. 1356. *Симонид*— один из трех великих лирических поэтов Греции. Для Аристофана он, как и Эсхил,— классик, предмет почтительного удивления.

Ст. 1371. *Из Еврипида говорить тут начал он...*— Поэтике с Еврипидом Аристофан посвятил целые сцены в «Ахарниах» и целые комедии («Фесмофориазусы», «Лягушки»). Здесь пародируется трагедия Еврипида «Эол», давшая современникам богатейший материал для шумных нападок и сплетен. В ней трагический поэт, в острейшей форме внося современную моральную оценку в древний генеалогический миф, вывел влюбленными друг в друга брата и сестру.

Ст. 1417. *Старик — вдвойне ребенок* — старинная греческая поговорка, получающая здесь неожиданный комический оборот.

Ст. 1421. *А кто обычай этот ввел...*— Одним из наиболее боевых лозунгов софистической философии было утверждение, что законы и правила нравственности существуют не сами по себе, не «по природе», а по «установлению», что они — создание людей и, значит, могут быть изменены и обновлены людьми же. Здесь этот чрезвычайно важный лозунг комически искажен и спародирован.

Ст. 1454. *Нет, нет, в своих несчастьях виноват ты сам...*— Хор, в течение спектакля занимавший довольно двусмысленную позицию, перед концом комедии решительно становится на сторону автора. Это необходимо для того, чтобы закончить комедию общим дружным плясом. При этом, как и во «Всадниках», делается попытка представить прежнее поведение Облаков сознательной ловушкой.

Ст. 1503. *Парю в пространствах, мысль о судьбе светил...*— Стреспиад пародирует здесь витиеватую речь Сократа в ст. 225.

Т И Ш И Н А (М И Р)

Комедия была поставлена на Великих Дионисиях 421 г. до н. э. и удостоилась второй награды. Первое место завоевал Евполид с комедией «Льстецы», третье — Левкон с комедией «Земляки».

В «Тихине» нашла отражение военно-политическая обстановка, сложившаяся в Греции осенью и зимой 422/21 г. В сентябре 422 г. афинское войско во главе с Клеоном направилось во Фракию, где в это время находились спартанцы под командованием энергичного полководца Брасида. В сражении у города Амфиполя, где афиняне потерпели поражение, погибли и Клеон и Брасид — два наиболее активных сторонника войны до

победного конца. Поскольку за десять лет военных действий ни одной из сторон не удалось добиться решающего успеха, зимой 422/21 г. начались переговоры о мире, которые завершились в апреле 421 г.—т. е. через несколько дней после Великих Дионисий — подписанием так называемого Никиевого мира.

Сюжет комедии строится в плане пародирования трагедии Еврипида «Беллерофонт». Согласно мифу, легендарный герой Беллерофонт попытался взлететь на крылатом коне Пегасе на Олимп. Однако Пегас сбросил нечестивца, который при падении охромел.

Композиция комедии примечательна тем, что еще до парода разыгрываются два эпизода: сцены Гермеса с Тригеем (ст. 180—235) и Тригея с Раздором (ст. 236—288). После парода, включающего вызволение богини мира Тишины (Ирины), разворачивается сцена: рассказ Гермеса о причинах войны и его «беседа» с богиней. Агона нет. Впервые у Аристофана встречается нарабаса без эфирем (ст. 775—818).

Ст. 20. *Прошу вас, если знаете...*— Обращение к зрителям — традиционное в прологах аристофановских комедий.

Стр. 40—41. *Афродита* и *Хариты* — как известно, божества красоты и изящества. Жук-навозник не мог быть их священным животным.

Ст. 47. *«Я понял: на Клеона намекают здесь...»* — Посмертный выпад против Клеона, павшего в 422 г., незадолго до постановки комедии, во Фракии. Эта острота вложена в уста «ионийца», может быть, для того, чтобы дать актеру возможность сыграть на специфическом ионийском говоре.

Ст. 73. *...жука этнейского...* — По свидетельству древнего комментатора, жуки на склонах горы сицилийской Этны славятся величиной.

Ст. 76. *«Пегасик мой!..»* — Тут и всюду проходит сравнение навозного жука с крылатым конем Пегасом, который, согласно преданию, помчал мифического героя Беллерофонта на небо, но потом сбросил его с себя.

Ст. 81. *Сев на жука верхом, парит он в воздухе.* — На сцене Тригей верхом на жуке с помощью подъемного крана подымался на кровлю бутафорской постройки.

Ст. 95. *В благоречье молчите!* — Монолог Тригея пародирует культовые формулы, обычные при начале всяческих общественных-значительных церемоний.

Ст. 107. *...что предал персам эллинов.*— Тригей намеревается предъявить самому Зевсу обвинение, которое часто раздавалось в афинских собраниях.

Ст. 113. *Детишки! Ваш родитель собрался удрать...*— Дети довольно часто используются в комедии с целью вызвать комический эффект. Техническое обозначение таких персонажей в греческом сценическом словаре «ραγαστορεγαστα», т. е. «добавочное лицо».

Ст. 129. *В баснях у Эзопа сказано...*— Басня, приписываемая Эзопу, рассказывала, что жук хитростью добрался до Зевса, чтобы отомстить орлу за уничтожение своего гнезда и истребить орлиные яйца, которые тот передал на сохранение самому Зевсу. «Смысл басни», как гласит древний комментарий, «в том, что от возмездия укрыться нельзя нигде, даже в лоне самого Зевса».

Ст. 140—141. *А что, когда в пучину моря влажную...*— Цитата из трагедии Еврипида «Беллерофонт».

Ст. 142 сл. *Есть у меня правило...*— «Показывая на свой (привязной) фалл», как разъясняет древний комментарий. Особый вид челнов на острове Наксосе назывался «жуками». В Пирее — приморском торговом городе Афин — было три гавани, одна из которых действительно звалась Жучьей.

Ст. 147. *...Еврипид тебя подцепит...*— О пристрастии Еврипида к изображению калек и убогих см. в комедии «Ахарняне». Здесь имеется в виду все та же трагедия Еврипида «Беллерофонт», герой которой, свалившись с Пегаса, стал хромцом.

Ст. 155 сл. *Подымайся бодрей...*— Монолог Тригея пародирует трагедию, вероятно, опять «Беллерофонта».

Ст. 171. *...заплатит хиосский народ...*— Намек на то, что, пользуясь своей гегемонией, афинское правительство вымогало у союзных городских общин, в частности у островной хиосской общины, налоги и пени под всевозможными предложениями.

Ст. 190. *Афмониец.*— Афмоны — один из демонов Аттики. Как было сказано, само имя Тригей значит «виноградарь».

Ст. 242 сл. *Вам, Прасии чесночные, конец пришел...*— Вся сцена со ступкой строится на приемах материализованной метафоры. Раздор прогрится истолочь в гигантской ступке города

Греции, втянутые в Пелопоннесскую войну, под видом съедобных вещей, так или иначе связанных с именем этих городов. *Прасии* — городок на Лаконском побережье, неоднократно разрушавшийся во время войны. Имя это означало по-гречески также «чеснок». *Мегара* — старинный торговый город по соседству с Атикой. Союз его со Спартой послужил одним из поводов к началу Пелопоннесской войны. Мегарцы славились в Греции как торговцы луком. Точно так же был знаменит сицилийский сыр, в не меньшей мере символом Атики был мед, собираемый на цветущих лугах по склонам соседней с Афинами горы Гиметта. Афинский патриот Тригей умоляет демона Раздора побережь «аттический мед».

Ст. 269 сл. *Пропал толкач афинский...* — Продолжается материализованная метафора. Чтобы размотать в ступке города Греции, демону войны нужен «пест», «толкач». Такой толкач в Афинах — кожевник Клеон, вождь воинственной демократической партии; но, как уже было сказано, Клеон погиб в 422 г., в битве при Амфиполе. Точно так же пропал и лакедемонский «толкач», полководец Брасид.

Ст. 278. *Самофракийские таинства* — мистерии в честь демонов плодородия Кабиров и Корибантов, справлявшиеся на прилежащем к Македонскому побережью острове Самофракия. В Афинах во времена Аристофана можно было встретить немало приверженцев как этого, так и других, входивших в моду, восточных культов.

Ст. 289. *Датид* — один из членов семьи современного ему трагического актера Каркина, постоянно высмеиваемый Аристофаном.

Ст. 294. Тригей сзывает на помощь представителей различных сословий и состояний Афин, представителей крестьянства, купечества, ремесленников, непривилегированных новоселов-поселенцев, чужеземцев (*пришлые*) и союзников-островитян. Далеко не все эти социальные группы в действительности были склонны к заключению мира с аристократической Спартой, но Аристофану важно здесь создать картину «общенародной», единой борьбы за мир.

Ст. 304. *...букам-ламахам назло!* — Ламах — афинский полководец, представитель и как бы символ крайних воинственных групп Афин.

Ст. 312. *...еды на трое суток...* — Афинские граждане, призы-

ваемые в войска, должны были иметь с собой провиант на трое суток.

Ст. 313. *Кербер* — сказочный пес, страж преисподней; здесь под этим именем разумеется все тот же недавно погибший Клеон. Следует опасаться, чтобы разбуженный Клеон не постарался помешать делу восстановления мира.

Ст. 348. *Формион* — начальник афинского флота, один из популярнейших героев Пелопоннесской войны, слышавший в городе человеком необычайно суровых и умеренных нравов. Аристофан, как обычно, отзывается о Формионе с оттенком слегка насмешливого почтения.

Ст. 355. *Ликей* — сад в окрестностях Афин, прославившийся впоследствии благодаря происходившим в нем философским беседам Аристотеля. В годы постановки комедии здесь находился один из трех афинских гимнасиев — спортивных площадок, на которых производились военные упражнения призванной в армию молодежи.

Ст. 363. *Килликон* — ставшее нарицательным имя легендарного преступника. Некий Килликон предал, как утверждала традиция, родной свой город Милет врагам. Он якобы сказал в свое оправдание: «Что я сделал? Да ничего худого».

Ст. 395. *Писандр* — современный Аристофану политический деятель. Городская молва и передатчица ее, комедия, утверждала, что Писандр, рисуясь своим видом вооруженного до зубов героя — гоплита, был на деле человеком слабосильным и крайне трусливым.

Ст. 406 сл. *Луна-Селена и мошенник Гелиос* // *Давно уж против вас готовят заговор...*— Угрозы всяческих действительных и мнимых заговоров были в большом ходу в бурные годы Пелопоннесской войны. Тригей изобретает заговор небесных светил, намекая, может быть, на затмения, имевшие место незадолго до постановки комедии, при выступлении афинского войска во главе с Клеоном в роковой Фракийский поход.

Ст. 418 сл. *И в честь тебя Панафинеи справим мы...*— В противовес «варварскому», азиатскому культу Солнца и Луны перечисляются некоторые аттические празднества: *Панафинеи* — в честь богини Афины-Паллады, покровительницы города, *Диполми* — во славу Зевса, *Адонии* — в честь Адониса, — хотя по происхождению это также восточный, но с древних времен освоенный в Афинах культ.

Ст. 424 сл. *...Тебе дарю вот этот золотой кубшин!* — Золотой кубшин играет здесь двойную роль. Посредством его Триггей подкупает Гермеса; он же в дальнейшем служит при ритуальной сцене жертвоприношения.

Ст. 456. *Оры* — богини времен года, покровительствующие земледельческим работам. *Хариты*, *Гермес*, *Афродита*, *Оры* — спутницы богини Тишины. Наоборот, враги мира: *Арес* — бо войны и *Посейдон* — покровитель коней и ристаний.

Ст. 468 сл. *Чтоб подошли вы все, беотийцы!* — Сцена работы у каната полна аллегорических намеков, раскрывающих роль и поведение различных городов и социальных групп Греции в годы Пелопоннесской войны. Не сочувствуют миру беотийцы; двусмысленно ведут себя аргивяне, заключающие союз то с Афинами, то со Спартой; склонны заключить мир лаконцы, и прежде всего лаконские «колодники», т. е. те воины-спартанцы, которые попали в афинский плен после взятия Илоса Клеоном. Мегарцы рады были бы миру, но, обессилив от блокады и разорения своей территории обеими воюющими сторонами, они мало что могут сделать для общего дела, лишены какого-либо политического значения; афиняне также, но мнению поэта, за спорами и прениями забыли о деле мира.

Ст. 502. *...Вы чесноком ее натерли первые.* — Мегарцы особенно ненавистны богине мира, потому что они явились непосредственными зачинщиками Пелопоннесской войны.

Ст. 604 сл. *...как погибла Тишина.* — Здесь Аристофан, устами Гермеса, излагает концепцию Пелопоннесской войны, которой придерживается он сам и его окружение. Вина за начало войны, как в «Ахарнях», взваливается на Перикла, в частности, на его знаменитый закон о блокаде Мегары. В качестве ближайшего соучастника Перикла называется знаменитый скульптор и друг Перикла Фидий, а как непосредственная причина войны выставляется желание Перикла и Фидия избежать личной ответственности за злоупотребления. Предводитель хора своими наивными репликами «простака» переводит в шутку рискованные оказаться слишком серьезными политические инвективы героев комедии.

Ст. 647. *А кожевник был во всем...* — Мельком опять вспоминается Клеон, вождь демократов. Его уже нет на земле, поэтому он подвластен подземному «вожатому душ» Гермесу.

Ст. 669. *Ушел у нас весь разум в кожу в те поры.*— Аристофан намекает на тот факт, что, после пленения афинянами под командой Клеона спартиатов у Пилоса, спартиатцы трижды предлагали мир Афинам и трижды предложение это отвергалось народным собранием по требованию демократов, в частности Клеона — «кожевника».

Ст. 690. *...ламповщик он.*— После смерти Клеона руководство демократической партией и афинской политикой на некоторое время перешло к Гиперболу, владельцу мастерской, изготовлявшей светильники. См. также «Всадники», комм. к ст. 739.

Ст. 697. *Да из Софокла вдруг он Симоном стал.*— Софокл обычно упоминается Аристофаном с нескрываемым уважением, и данный выпад — редкое исключение. Софокл уличается здесь в корыстолюбии и сравнивается с поэтом VI в. до н. э. Симоном, обвинявшимся в сочинении песен за деньги. Древний комментатор видит здесь намек на то, что Софокл незадолго до того обогатился, якобы участвуя в качестве полководца в морской экспедиции против восставшего острова Самоса. Не сочувствуя этой экспедиции, как и войне в целом, комедия нападает и на Софокла.

Ст. 700. *Кратин.*— См. «Всадники», комм. к ст. 398. Факт смерти Кратина незадолго до постановки «Тишины» — бесспорен. Но обстановка этой смерти от разрыва сердца, конечно, комедийная выдумка, хотя она и вошла затем, с легкой руки Аристофана, в литературную традицию.

Ст. 729. *А мы отдадим на хранение слугам...*— Перед началом парабасы хор по обычаю снимает с себя костюмировку, мешающую пляске. Раздевание это обычно комедийно мотивируется. Так, в данной комедии театральным служителям предлагается караулить одежды во время плясок.

Ст. 740 сл. *И Гераклов прогнал он с разинутым ртом...*— Аристофан перечисляет здесь, как и в ряде других мест, штампы балаганной комедии, которые он якобы избегает. Это — буффонная фигура прожорливого Геракла, плутующие и избиваемые палкой рабы и проч. В противовес этим грубым шуткам Аристофан подчеркивает политическую устремленность своей комедии, свое выступление против лидеров правящей демократической партии, в частности против Клеона, сравниваемого здесь со страшными зверями и сказочными пугалами вроде Ламии, с публичными девками вроде знаменитой в свое время Кинны.

Ст. 771. *«Дать плешивому это...»* — См. «Всадники», комм. к ст. 550.

Ст. 802. *Морсим и Мелантий* — два брата, оба трагические поэты, родственники Эсхила. Оба выступают также как актеры в трагедиях. О Морсме см. также «Всадники», комм. к ст. 398.

Ст. 828. *...Две-три души певцов дифирамбических.* — Дифирамбическая поэзия получила особенное распространение в последней четверти V в. Аристофан постоянно издевается над поэтами-дифирамбистами, как и над другими представителями модных художественных течений. Он обвиняет их в туманном лиризме, в пристрастии к «заоблачной» поэтике.

Ст. 835. *Ион*, родом с острова Хиоса, — знаменитый поэт, автор трагедий, комедий и дифирамбов. Славился его дифирамб «Утренняя звезда». Умер за несколько лет до постановки комедии.

Ст. 873. *Браврон* — село к востоку от Афин, славилось ежегодными празднествами в честь Артемиды Бравронской и ярмаркой. На этих празднествах, сопровождаемых пьянством, очевидно, нетрудно было встретить веселых девушек, в образе которых следует представить себе нимф, сопровождающих богиню Тишину в нашей комедии. Пелопоннесская война, приведшая к осаде Афин и опустошению Аттики, сделала временно невозможным справлять Бравронии, как и другие празднества сельской Аттики. Только мир может восстановить бравронское веселье.

Ст. 880. *Истмии* — другой излюбленный праздник, справлявшийся в честь бога Посейдона на Истмийском перешейке возле Коринфа. Приехавшие на праздник помещались обычно в палатках.

Ст. 884. *Арифрад* — музыкант-кифарист, пользовавшийся, по свидетельству комедии, дурной славой.

Ст. 928. *Феаген* — одна из постоянных жертв насмешек Аристофана.

Ст. 951. *Херид* — современный Аристофану флейтист. Поэт издевается над ним и в других комедиях.

Ст. 969. *Кто здесь собрался?* — При жертвоприношениях, согласно ритуалу, глашатай возглашал: «Кто здесь собрался?» Ему отвечали: «Благочестивый сонм».

Ст. 972. *Сколько ведер мы на них ни вылили...* — Вся сцена жертвоприношения строится на нарушении сценической

иллюзии. Актеры осыпают зрителей зерном, обливают их водой.

Ст. 1008. *Морих, Телей и Главкет* — современники Аристофана, обвиняемые комедией в обжорстве и расточительстве.

Ст. 1022. *А эту для хорега сохраним овцу.* — Заклание овцы было ритуальным моментом в хороводной комедии. Аристофан под разными шутовскими предложениями старается избежать ритуального заклания на оркестре, ссылаясь обычно, как и в нашей комедии, на «скупость хорега» — устроителя комедиийного представления.

Ст. 1032. *Стильбид* — известный в свое время прорицатель.

Ст. 1045. *Иерокл* — популярный гадатель, родом из Орея, городка на острове Евбее. Появление жрецов и прорицателей и издевательство над ними как над шарлатанами было обычным для аристофановской комедии в ритуальных сценах жертвоприношений.

Ст. 1070. *Ежели не обманули Бакида священные нимфы...* — Иерокл произносит пророчества якобы Бакида, легендарного прорицателя, чьи изречения были популярны в Афинах в годы Пелопоннесской войны. Развернутая сцена, высмеивающая прорицание Бакида, дана Аристофаном в комедии «Всадники» (ст. 1005 сл.).

Ст. 1090. *«Грозную тучу войны...»* — Стих не дословно гомеровский, а составленный из гомеровских оборотов и выражений.

Ст. 1096. *Сивиллы* — известные мифические прорицательницы. Под их именем в годы Пелопоннесской войны ходило немало оракулов.

Ст. 1127. *Элимний* — село рядом с Ореем на острове Евбее, следовательно, родина горемычного пророка Иерокла.

Ст. 1146. *И Манета пусть покличет Сира с улицы домой.* — Манет и Сира — обычные имена рабов.

Ст. 1158 сл. *Эсхиад, Харимед*, как и *Комархид* (выше) — мужские имена и прозвища, распространенные среди земледельцев.

Ст. 1173. *Сардский пурпур.* — Пурпур в малоазийском городе Сардах славился чистотой цвета и добротностью.

Ст. 1230. *Сюда еще три камешка...* — Была поговорка: «Достаточно для зада камешков трех». Современники Аристофана использовали гладкие камешки вместо туалетной бумаги.

Ст. 1232. *Вот так просушу руку через сважину...* — Имеется в виду боковое отверстие в панцире, куда Тригей всовывает

руку. Эти боковые отверстия он сравнивает также с пазами для весел на кораблях.

Ст. 1244. *Коттаб*.— Так называлась игра, особенно излюбленная на пирах и попойках. Игра заключалась в том, чтобы, плеснув вином, попасть на чашечку коттаба, несколько напоминающего устройством своим наши весы, и наклонить ее вниз.

Ст. 1251. *Ступай и шлемы предложи египтянам!* — Как рассказывает историк Геродот, «египтяне считали необходимым для сохранения здоровья раз в месяц в течение трех дней очищать желудок слабительным и рвотным. Для этого употреблялась тертая редька».

Ст. 1268. *...Те песни, что решили на пирушке спеть*.— На пирах были в обычае, в частности, песни юношей и мальчиков. Ниже оба мальчика повторяют характер своих родителей. Сын воинственного Ламаха поет песни во славу войны, заимствованные частью из Гомера, частью из других старинных эпических поэтов. Сын Клеонима цитирует знаменитое стихотворение Архилоха, в котором поэт признается, что бросил под кустом свой щит, убегая с поля битвы: «Но сохранил я дыханье. Пусть щит у врага пропадает. // Новый добуду я щит лучше, чем прежний еще».

ЛИСИСТРАТА

Комедия поставлена Аристофаном на Ленеях 411 г. до н. э. под именем Калистрата. Имена двух других участников состязания и его результат неизвестны.

Осенью 413 г. полным поражением окончилась Сицилийская экспедиция афинян. Погибло больше 150 триер и лучшая часть сухопутного войска (около 2700 гоплитов); катастрофически опустела казна. Еще раньше, весной 413 г., спартанцы, заняв селение Декелею, в двадцати километрах от Афин, начали новые набеги на аттическую землю. Крестьянам снова пришлось оставить родные поля, на которые они вернулись после Никсива мира.

В этих условиях стали переходить в наступление противники демократии. Под их давлением афиняне вынуждены были создать чрезвычайную коллегия «пробулов» (в данном переводе — Советник), сильно ограничивавшую полномочия Совета пятисот и народного собрания. Олигархи не гнушались и прямым физическим уничтожением демократических лидеров. Од-

ним из главарей олигархического заговора был Писандр, изменивший демократам (ст. 510—512).

В композиционном отношении «Лисистрата» представляет собой наиболее стройное произведение Аристофана. Поэт подчиняет все традиционные составные элементы комедии идейному замыслу. Хор почти до самого конца пьесы является активным действующим лицом, не нарушая ни в чем театральную иллюзию. В парабасе отсутствует вступительный монолог корифея, и она строится на четырех парах симметричных строф (по две оды, антоды, эфирремы и антэфирремы). Враждующие полухория стариков и женщин объединяются лишь незадолго до финала. В отличие от других комедий, где эпизоды обычно демонстрируют положение после победы одной из сторон в агоне, в «Лисистрате» действие продолжает развиваться и после агона.

Имя героини комедии (Лисистрата) значит по-русски «распускающая войско» или «прекращающая походы».

Ст. 1—2. *Когда б на Вакханалии позвали их...*— Праздники в честь Пана и Вакха сопровождались шумной музыкой тимпанов и бубнов. «Нельзя в молчании приближаться к Вакху» — гласила старая поговорка. *Богиня Роженец*, Генетиллида, — почитаемое женщинами божество из свиты Афродиты.

Ст. 35. *Угрей помилуй из Беотии!* — Жители Беотии пользовались славой как грубияны и обжоры. Угри из беотийского озера Копанды были любимым лакомством в Афинах.

Ст. 37. *Что до афинян, говорить не стану я...*— Об Афинах Лисистрата умалчивает, боясь навлечь на родной город скверную от дурного слова.

Ст. 44 сл. *...в шафрановых платочках...*— Шафранно-желтый цвет был излюбленным цветом греческих модниц. *Кимберийская ткань* — род прозрачной материи.

Ст. 58 сл. *Поморки* — здесь жительницы прибрежной полосы Аттики. *Саламинянки* — с острова Саламина, противоположащего Афинам. *Ахарнянки* — из пригородного села Ахарны, прославленного Аристофаном в комедии «Ахарняне».

Ст. 77. *Лампито* — имя, славное в Лакедемонне (Спарте). Так звали, между прочим, мать царя Агида, в те годы предводительствовавшего враждебным Афинам войском. В подлиннике Лампито говорит на грубом и жестком лаконском диалекте. Особенность эта не могла быть передана в переводе.

Ст. 89—90. *Добрая девчоночка, // Коринфянка.*— Нравственность обитательниц Коринфа, веселого города гетер, была под большим сомнением.

Ст. 103 сл. *Евкрат* — афинский полководец. Острота шутки Миррины в том, что вождь этот был, по-видимому, так надежен, что собственные солдаты должны были стеречь его. *Фракия*, усеянная афинскими колониями, во второй половине Пелопоннесской войны стала главным театром военных действий. *Пилос*, крепость в Пелопоннесе, был в те годы во владении афинян.

Ст. 108 сл. *От самого милетского предательства...*— Милет, один из богатейших торговых городов Ионии, вышел из Афинского союза за год до постановки комедии. Купечество этого города славилось роскошью и распущенностью.

Ст. 130. *...пусть идет война!* — Таков был, по-видимому, ставший уже банальным лозунг воинствующей партии.

Ст. 139. *...Лишь Посейдон нам нужен и челнок его.*— По-видимому, поговорка. Смысл не вполне ясен. Древний комментатор припоминает здесь трагедию Софокла «Тиро», где Посейдон в челноке соединился с избранницей своей, царевной Тиро.

Ст. 155. *И Менелай, увидя грудки голые...*— «Малая Илиада», а вслед за ней лирика и трагедия рассказывали, что после падения Илиона Менелай с обнаженным мечом ворвался в дом изменницы жены своей Елены, но не смог убить ее, вновь плененный ее красотой.

Ст. 158. *Ферекрат* — комический поэт, старший современник Аристофана.

Ст. 183 сл. *Так говори присягу...*— По древнему обычаю, присяга скреплялась жертвоприношением. Посредством приема материализованной метафоры жертвенное животное (козленок) в дальнейшем заменяется козьим мехом с вином.

Ст. 203. *Пифо* — богиня убеждения и доброго совета.

Ст. 270. *Жена Ликона* — по объяснению древнего комментатора, славившаяся своей распущенностью и красотой женщины родом из Родоса. О ней писал современный Аристофану комический поэт Евполид: «Словно на жену Ликона, каждый тут вперед полез».

Ст. 272. *Клеомен* — спартанский царь конца VI в. до н. э., пытавшийся захватить Акрополь. Хор в комедии состоит не из реальных афинян 411 г., это — воплощение афинского народа. Поэтому он, как современник, может говорить и о со-

бытиях VI в., и о Марафонском сражении, и о битве при Фермопилах.

Ст. 300. *Лемнийский огонек* — пламя из древнего, ныне погасшего вулкана на острове Лемносе. По преданию, здесь находились кузницы бога Гефеста.

Ст. 304. *Лакет* — имя славного афинского полководца. Здесь употреблено как нарицательное.

Ст. 379. *Гиппонакт* — лирический поэт VII в. до н. э. *Бупал* — его недруг, постоянная жертва его насмешек. Сохранился следующий стих Гиппонакта о нем: «Плащ из рук моих примите, я Бупалу выбью глаз».

Ст. 399. *В последний раз судил ты.* — Участие в суде присяжных, «гелнее», было источником заработка беднейшей части афинского демоса.

Ст. 407 сл. Первая часть монолога Советника относится к году Сицилийской экспедиции, когда ораторы воинствующей партии, в том числе и упомянутый здесь Демострат, вели в народном собрании агитацию в пользу похода. *Закинф* — остров в Ионийском море, союзный Афинам. *Сабасий* и *Адонис* — восточные божества весны и плодородия, оргиастические культы которых в те годы только еще начали проникать в Афины и получали распространение по преимуществу среди женщин.

Ст. 454 сл. *Артемида, Пандроса, Фосфора, Тавропола* — имена одного и того же женского божества, синонимностью своей подчеркивающие прием комического повторения, на котором построена эта сцена.

Ст. 511. *Писандр* — государственный деятель олигархической партии. Комедия обличала его во взяточничестве и трусости. В «Птицах» поется о том, как трус Писандр приходит в таинственный край Скианодов, чтобы вызвать собственную свою душу, при жизни оставившую его.

Ст. 541. «...*А война — это дело мужское!*» — Знаменитые слова Гектора в «Илиаде», кн. 6, ст. 492.

Ст. 585. *Терей* — мифический образ жестокого царя фракийцев, обесчестившего сестру жены своей Филомелу и превращенного за это в удода. Герой целого ряда трагедий и аристофановской комедии «Птицы».

Ст. 619. *...и старуха сидит и гадает.* — К этому стиху древний комментатор простодушно добавляет: «Ибо старые девы постоянно гадают, не выйдут ли они замуж».

Ст. 626 сл. *Эти ленты к венку от меня получи.*— Ленты, венок, медовая лепешка — принадлежности греческого погребального обряда: лепешка — чтобы умилостивить подземного пса Кербера; венок — в знак того, что покойный окончил состязание — жизнь. *Харон* — мифический образ перевозчика душ в Аиде.

Ст. 640. *Гиппий*, сын Писистрата, был тираном в Афинах до 540 г. Имя его для демократического V в. было вместилищем всего ненавистного и страшного.

Ст. 643. *Клисфен* — некий женоподобный афинянин, политический противник и постоянная жертва Аристофана. Ему естественно вести переговоры с женщинами.

Ст. 655. *Меч отточенный я буду...*— Пародия на любимую афинянами застольную песенку «сколию», посвященную Гармодию и Аристокитону, в 514 г. убившим брата тирана Гиппия — Гиппарха: «Меч я буду носить под веткой мирта, // Как Гармодий и как Аристокитон».

Ст. 664 сл. *Семь годков было мне...*— Хор женщин перечисляет почетные культовые церемонии, последовательно выпадавшие на долю свободнорожденной девочки-афинянки из знатной семьи. Четыре семилетние девочки каждые пять лет выбирались для прислуживания Афине-Палладе. Из зерен, выросших на священной ниве в Акрополе, девушки приготавливали муку и просфоры в честь Афины — Владычицы города. Во славу Артемиды-Медведицы каждые пять лет справлялся праздник Бравроний, где девушки в ярких платьях изображали культовое животное богини — медведицу. Торжественное шествие афинянок с корзинами на головах увековечено на фризе Парфенона и в образах дев-кариатид, подпирающих крыльцо храма Эрехфея в Акрополе.

Ст. 676. *Мидийский клад* — слава победы над персами.

Ст. 687. *Липсидрий* — укрепление в Аттике, у подошвы горы Паргета. Туда бежали в 513 г. афинские аристократы, укрывавшиеся от гнева тирана Гиппия.

Ст. 695. *Артемисия* — царица Эфеса, бывшая союзницей персов в морском сражении при Саламине (480 г.).

Ст. 698. *Амазонки вспомни рать...*— Имеется в виду «Амазонмахия» работы Микона, знаменитого живописца середины V в.

Ст. 711. *...Словно жук в орла...*— См. «Тишина», комм. к ст. 129.

Ст. 722. *...Взяв за пятки и встряхнувши...*— Комическая цитата-пародия из не дошедшей до нас Еврипидовой трагедии «Телеф».

Ст. 736. *...Что под стеной у Панаова святилища.*— Святилище Пана находилось в маленьком гроте у подножия Акрополя.

Ст. 739. *Орсилох* — по свидетельствам древних комментаторов, развратник и сводник.

Ст. 758. *Молю, богиня, роды удержи мои...*— Женщина обращается к Илифии, разрешительнице родов. Рожать в освященном месте, в Акрополе, было осквернением святыни.

Ст. 776. *...С тех пор, как змея в капище увидела.*— Священная змея Афины, по народному верованию, обитала в ее храме. Сова, птицы Афины, сотнями гнездились в Акрополе.

Ст. 787. *«В день, когда ласточки стаей...»* — В тяжелые годы Пелопоннесской войны в Афинах ходило по рукам великое множество всяких прорицаний об исходе войны. Формой их большей частью были гексаметры. В основании пророчества, читаемого Лисистратой, лежит, по-видимому, старая сказка об Удоде-Терее и жене его — Ласточке (см. прим. к ст. 585).

Ст. 799 сл. *Жил на свете молодой Миланион.*— Обе следующие ниже песенки выдержаны в приемах сказки: «Жил на свете...» и дальше (ст. 822): «Жил был Тимон». Замечателен полнейший параллелизм обеих песен, комизм которого усиливается тем, что в первом случае имеется в виду мифический образ девственного юноши-охотника, а во втором — фигура исторического лица, почти современника, Тимона, только впоследствии обратившаяся в легенду.

Ст. 816 сл. *Миронид* — славный афинский полководец, победитель при Энофитах (457 г.). *Формион.*— См. «Тишина», комм. к ст. 348.

Ст. 850. *Возле храма Хлоина.*— Храм Деметры-Хлон находился у южной стороны Акрополя.

Ст. 853. *Кинесий* — прозрачное имя, намекающее на эротические способности носящего его (греч. κινῖδ — двигаю, шевелю).

Ст. 926. *Клепсидра* — существующий и поныне родник под Акрополем.

Ст. 972. *Филострат* — известный в те годы сводник.

Ст. 994 сл. *Спартанский вестник*, как и Лампито и далее спартанский посол, в подлиннике говорят на лаконском диалекте.

Ст. 1047 сл. *Трикориф* — по словам древнего схолиаста, город в болотистой местности, богатой комарами.

Ст. 1075. *Карист* — городок на Эвбее. Название его (как бы «толкач») давало повод к легкомысленной шутке.

Ст. 1114. *Гермы* — колонны, обычно с головой Гермеса, ставились на перекрестках улиц. За несколько дней до отплытия флота в Сицилию жители Афин были потрясены известием об изуродовании городских Герм. На это событие, объясняемое в свое время как дурное предзнаменование, намекает здесь Аристофан.

Ст. 1151 сл. *Фермопилы, Олимпия, Пифо* (Дельфы) — культовые центры у древних эллинов.

Ст. 1158 сл. *Забыли вы...* — Далее Лисистрата вспоминает случаи взаимной помощи Афин и Спарты: события конца 60-х годов, когда спартанская аристократия, вовлеченная в опасность одновременным восстанием рабов и чудовищным землетрясением, обратилась за помощью в Афины; афинянам в свою очередь предлагается вспомнить о свержении тирана Гиппия, якобы достигнутом при помощи Спарты. Серьезный тон этого политического манифеста Лисистраты компрометируется легкомысленным отношением к нему обоих слушателей.

Ст. 1264. ...*Залев «Аянта», кончат «Клиагорою»*... — Об Аянте пелось в популярной сколии: «Сын Теламона, друг Аянт, после Ахилла ты // Лучшим среди данайцев всех в Троию отправился бойцом». *Клиагора* — поэтесса из Спарты. Смысл шутки приблизительно тот же, что в русской поговорке: «Начал за здравие, кончил за упокой».

Ст. 1273. *Мнемосина* — богиня памяти и мать муз. Как раньше речь Лисистраты, песнь спартаца посвящена совместным боевым подвигам спартацев и афинян. На этот раз имеются в виду греко-персидские войны, морская битва при Артемисии и сражение при Фермопилах.

Ст. 1324 сл. *Прославь Амиклейского бога...* — Здесь вспоминаются спартанские святыни: храм Аполлона в Амиклах и медное капище Афины. *Дети Тиндаря* — близнецы Кастор и Полидевк, покровители Спарты. *Дочь Леды* — Елена.

Комедия была поставлена автором под именем Филонида на Ленеях 405 г. до н. э. и удостоена первой награды. Второе место занял Фриних с комедией «Музы», третье — Платон с комедией «Клефонт». «Лягушки» встретили столь восторженный прием, что были поставлены вторично — либо тут же на Ленеях, либо на Великих Дионисиях в том же году.

За шесть лет, прошедших после постановки «Лисистраты», в Афинах произошли крупные события. В мае 411 г. олигархи захватили власть в стране и ограничили число полноправных граждан пятью тысячами человек. Но уже осенью того же года демократическая конституция была восстановлена и главари заговора (Фриних, Антифонт, Писандр) устранены. Ряд лиц, замешанных в олигархическом перевороте, был лишен гражданских прав.

С большим трудом афинянам удалось восстановить флот, который под командованием возвратившегося в Афины Алкивиада одержал ряд побед над спартацами у побережья Малой Азии и вернул Афинам ключевые позиции в районе проливов. К этому же периоду относятся успешные действия афинского флота при Аргинусских островах (406 г.). Однако людские резервы Афин были настолько истощены, что пришлось призвать на военную службу рабов.

С точки зрения композиции, «Лягушки» принадлежат к числу наиболее архаических комедий Аристофана. В них отчетливо различаются три плана, никак между собой не связанные: путешествие Диониса в подземное царство и его приключения, в которые вклиниваются анапесты корифея (ст. 351—371); высказывания по политическим вопросам, содержащиеся в парабасе; и, наконец, литературный спор Эсхила с Еврипидом, облеченный в форму агона. Впрочем, спор их продолжается и после того, как агон формально заканчивается (ст. 1098).

Ст. 14. *Фриних, Ликид, Амипсий* — комедийные поэты, современники и соперники Аристофана.

Ст. 23. *Бочонка сын* — шутливо о Дионисе, боге вина, вместо «сына Зевсова».

Ст. 34. *Ай-ой, зачем я не сражался на море!* — Во время Пелопоннесской войны афинское правительство было принуждено призывать в войско рабов, обещая им за это свободу.

Ст. 38. *Что за кентавры ломаются?* — Кентавры — сказочные полукони-полулюди, в представлении греков — воплощенные грубости и дикарства.

Ст. 46. *На женской рубашонке шкура львиная!* — Женская рубашонка — обычный наряд изнеженного, женоподобного Диониса, на этот раз прикрытый маскарадным костюмом Геракла — львиной шкурой.

Ст. 48. *Клисфен.* — См. «Лисистрата», комм. к ст. 643.

Ст. 51. *Тут проснулся я!* — Поговорка, показывавшая, что речь идет о баснословном вранье.

Ст. 53. *«Андромеда»* — одна из знаменитейших трагедий Еврипида, поставленная в 412 г. до н. э., т. е. за семь лет до представления «Лягушек». То, что по прошествии такого долгого срока Аристофан имел возможность играть на названии «Андромеды», доказывает силу впечатления, произведенного в свое время этой трагедией.

Ст. 55. *Молон* — славившийся большим ростом протагонист (первый актер) в труппе Еврипида.

Ст. 72. *«Одних уж нет, а те, кто есть, — ничтожество».* — Стих из не сохранившейся нам трагедии Еврипида «Эней». Дионис и здесь и в дальнейшем охотно цитирует излюбленного своего поэта.

Ст. 73. *Иофонт* — сын Софокла, унаследовавший от отца трагическое искусство. Его слава была велика. Он соперничал с трагедией Еврипида «Ипполит» (в 428 г.). Ничего, кроме отрывков, от его произведений не сохранилось.

Ст. 79. *...что без отца сумеет Иофонт создать.* — Отголосок городской сплетни. При первых успехах Иофонты болтали, что ему помогает в написании трагедий старый отец его Софокл.

Ст. 83. *Агафон* — один из знаменитейших в свое время трагических поэтов Греции. Он стал героем «Пира», одного из славейших диалогов философа Платона. Его трагедия «Цветок» была известна как единственный образчик трагедии не с мифологическим и не историческим, а с выдуманным сюжетом. После поражения аристократов Агафон бежал в Македонию, ко двору царя Архелая.

Ст. 86—87. *Ксенокл* — современник комедии трагический поэт, постоянная мишень насмешек Аристофана. *Пифангел* — также трагический поэт, о котором нам ничего неизвестно, кроме имени.

Ст. 99 сл. *«Эфир — квартира Зевса»*...— Здесь и далее пародийные цитаты из Еврипида. В первых двух высмеивается натуралистическая сниженность («квартира Зевса») и манерность («лапа времени»). Дальше — намек на знаменитую строчку из трагедии «Ипполит», ставшую в свое время одним из лозунгов софистического учения: «Язык поклялся. Но не присягала мысль».

Ст. 111. *...когда ходил за Кербером*...— Имеется в виду мифическое сошествие Геракла в Аид по приказу царя Еврисфея.

Ст. 123. *На цикуту намекаешь ты?*— Цикута — яд, употребленный при государственных казнях в Афинах; так ею был отравлен Сократ.

Ст. 129 сл. *Керамик* — «Горшечный рынок», пригород в Афинах, где обычно происходили традиционные состязания в беге с факелами.

Ст. 140. *Гребец* — старик Харон, сказочный перевозчик в царстве мертвых.

Ст. 142. *Ввел Тесея*.— Добродушная насмешка. Афиняне имели обыкновение объяснять происхождение всякого обычая реформаторской деятельностью мифического основателя Афин царя Тесея.

Ст. 146 сл. *В нем зарыты грешники*.— Описание преисподней, данное Аристофаном в соответствии с мистическими представлениями греческой земледельческой религии, разделяет царство мертвых на ад для грешников и рай для блаженных душ, в особенности для «посвященных». Наоборот, преисподняя в поэмах Гомера и в учении ряда древнегреческих философов не знает ни вечных мучений за грехи, ни вечного блаженства для праведных.

Ст. 152. *...Кто песнопенья выучил Кинесия*...— Как обычно у Аристофана, серьезные строки чередуются с издевательскими, шуточными. Издевки и на этот раз имеют мишенью людей из сценического мира. Аристофан смеется над Кинесием, знаменитым в свое время автором напыщенных дифирамбических песен, и над *Морсимом* (см. «Всадники», комм. к ст. 398).

Ст. 157. *...осел при посвящениях!*— Поговорка. Смысл ее: «В чужом пиру похмелье», так как осел ташил тяжести на праздниках, не принимая участия в праздничном веселье.

Ст. 215 сл. *Нисийский бог* (по имени горы Нисы в Малой Азии) и *Бромий* («гремящий») — культовые прозвища Диониса.

Праздник Кувшинов (Хитры) — один из дней «празднества цветов» — Анфестерий, посвященного богу плодородия Дионису. Представление комедии «Лягушки» состоялось в театре Диониса, расположенном на болоте, и в те самые праздничные дни, о которых поют лягушки. Их гимн, таким образом, имеет самое непосредственное отношение к обстановке представления комедии.

Ст. 283. *А я хотел бы встретить приключение...* — Пародийная цитата из трагедии Еврипида «Филоктет».

Ст. 292. *Эмпуса* — мифическое чудовище, оборотень древнегреческих сказок.

Ст. 297. *О, жрец мой...* — Один из ярчайших образцов нарушения сценической иллюзии у Аристофана. Дионис, балаганный герой комедии, бежит за помощью через оркестру к креслу жреца бога Диониса. Такое кресло с надписью «принадлежит жрецу Диониса» сохранилось и до наших дней в первом ряду амфитеатра в афинском театре Диониса на склонах Акрополя.

Ст. 303. *Гегелок* — первый актер (протагонист) в трагедиях Еврипида. Его высмеивали за неясное и нечеткое произношение. Отсюда каламбур, который перевод пытается сохранить («привидение» и «провидение»).

Ст. 318. *Накх* — один из троицы богов, чествуемых в Елевсинских мистериях.

Ст. 320. *Диагор*. — См. «Облака», комм. к ст. 829.

Ст. 338. *Как сладостно пахнуло поросятиной!* — Поросенок — традиционная жертва на мистериях.

Ст. 354. *Кратин*. — См. «Всадники», комм. к ст. 398. Аристофан высмеивал его при жизни и неизменно прославлял после смерти. «Бычья сила» и необузданный размах — характернейшие черты стиля Кратина.

Ст. 362 сл. Снова чередование серьезных и балаганно-шуточных строк. *Эгина* — остров, принадлежавший Афинам, но соседний с враждебным Пелопоннесом и поэтому удобный для контрабандистов. *Форикион* — некий контрабандист, современник Аристофана. *Эпидавр* — порт на севере Пелопоннеса, т. е. во вражеской стране. Все это — отголоски жестокой Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой, во время которой блокируемые неприятелем Афины были вынуждены к решительным мерам борьбы против военной контрабанды, вывоза продовольствия и т. д.

Ст. 368. ...*Кто в отместку за шутку на играх святых...*— Выпад против политических деятелей демократии, пытавшихся бороться со своеволием комедии. Закон об уменьшении вознаграждения поэтам и актерам комедии был предложен Агиррием в конце V в. до н. э.

Ст. 393. ...*Дай победить на славу!*— Победить — в состязании комедий. Хор мистов в комедии — это прежде всего хор вод граждан — участников комедийного праздника.

Ст. 400. ...*К богине в дом!*— Важной частью Елевсинских торжеств было праздничное шествие из Афин по «священной дороге» за двадцать километров в пригородный Елевсин. Во время пути этого в обычае были шутки, пляски. Пренебрежение к внешнему приличию было также традиционным для Елевсинских празднеств.

Ст. 417 сл. *Хотите, будем вместе шутить над Архидемом!*— Эти коротенькие песенки-частушки — образчик тех шуток, которыми обменивались участники в праздничном шествии к Елевсину. *Архидем* — государственный деятель, представитель радикального крыла демократической партии, которого комедия, верная своему политическому консерватизму, обвиняла как «безродного» и «пришельца». *Калмий* — представитель легкомысленной «золотой молодежи», сын Гиппоблуда (Гиппоника). Городская молва утверждала, что он вышел в Аргинусское сражение (406 г.) наряженный, как Геракл, в львиную шкуру.

Ст. 438 сл. *Возьми поклажу...*— Это напоминание звучит для Ксанфия так же надоедливо и однообразно, как хвастовство коринфян, известных в Греции лгунов и бахвалов.

Ст. 450 сл. *Мойры* — богини судьбы. Они благосклонны к мистам («посвященным»), которых в награду за праведную жизнь ждет загробное блаженство. Этот догмат — центральный в древнегреческих мистических учениях.

Ст. 462. *Ах, мерзкий, ах, треклятый, ах, негоднейший!*— Эак — грозный судья в царстве мертвых — в комедии выступает в балаганной роли привратника-раба.

Ст. 470 сл. ...*И псы Кокита резвые...*— Угрозы Эака составлены из пародийно-преувеличенных отрывков из еврипидовских трагедий. *Стикс* (река печали), *Ахеронт*, *Кокит* (река слез) — таинственно-мрачные потоки преисподней. *Ехидна* — сказочное стоголовое существо. Наоборот, в «тартесской мурене» (слово «тартесская» напоминает Тартар — ад) нет ничего сказочного:

это любимое лакомство афинских обжор. Та же игра противоречий и далее: мифические Горгоны оказываются родом из афинского пригорода Тифры, поставлявшего рыбу на афинский рынок, и становятся рыночными торговками.

Ст. 501. *Мелитта* — местность по соседству с Афинами, где находилось славное святилище Геракла. Тем неожиданнее звучит: «из Мелитты каторжник».

Ст. 520. *Привет мой передай танцовщицам.* — Ксанфий, как человек невоспитанный, шлет привет не хозяйке дома (как велел обычай), а танцовщицам.

Ст. 531. *Алкмена* — мифическая мать героя Геракла, одна из жен Зевса.

Ст. 536. *Это лучше, чем стоять // Разрисованной статуей.* — Разрисованная статуя прикреплялась к носу корабля и вместе с ним поворачивалась по ветру.

Ст. 540. *Ферамен* — один из крупнейших афинских государственных деятелей последних лет Пелопоннесской войны, слыл у древних примером изворотливого, но беспринципного политика. Его звали «Ферамен-вертушка».

Ст. 563. *И вынул нож, прикинулся помешанным.* — Вся эта сцена пародирует представление о Геракле, созданное трагедией. Оттуда же почерпнут образ «безумного Геракла».

Ст. 569—570. *Клеон и Гипербол.* — См. предисловие и «Всадники», комм. к ст. 739.

Ст. 588. *...Пускай погибну с корнем...* — Пародируя обычные причитания просителей, Дионис вспоминает и о жене и о сиротках-детках, а заодно и об Архидеме, которому выше посвящена насмешливая песенка (ст. 417).

Ст. 618. *Бери его, пытай его!* — Судебные показания рабов давались, по жестокому обычаю древних судов, под пыткой. Предложения Ксанфия комичны своей перевернутостью. Он согласен на членодробительные пытки по отношению к своему рабу, но запрещает «удары былинкой». Он «благородно» отказывается от платы за увечье раба.

Ст. 651. *Диомии* — пригород Афин, где, по обычаю, справлялись буйно-веселые празднества в честь Геракла. Война заставила прекратить эти празднества.

Ст. 661. *Гиллонакт* — древний лирический и сатирический поэт.

Ст. 681. *Клеофонт* — один из вождей радикального крыла

демократов, сторонник «войны до конца». Его, как и многих других своих политических противников, комедия обвиняла в «чужеродстве», т. е. в иноземном происхождении. Вот почему у него на губах «варварскую песню поет фракийская ласточка». Клеофонт был одним из виднейших участников свержения олигархического правительства, недаром ему посвящена ответственной частью комедии — песня парабасы.

Ст. 688 сл. *Дело праздничного хора — город добродушью...* — Хор призывает граждан к политической амнистии. Следует помнить, что незадолго до представления «Лягушек» в Афинах было свергнуто олигархическое правительство «четырехсот», одним из главарей которого был стратег *Фриних*. Приверженцы Фриниха попали в опалу и частью были лишены гражданских прав. Комедия стремится снискать им пощаду. По пути — осторожные выпады против демократических мероприятий по отношению к рабам, явившихся следствием затнувшейся войны. *Платейцы* — союзники Афин — получили право афинского гражданства после того, как их город был разрушен спартацами (428 г.).

Ст. 710. *Клиген* — по-видимому, еще один деятель демократической партии, сторонник войны и, следовательно, политический противник комедии. Как и Клеон, и Гипербол, и другие вожди радикалов, он происходил из ремесленников, почему комедия и делает его «банщиком». *Кимол* — остров, где добывалась немза, употреблявшаяся древними в качестве мыла.

Ст. 736. *А на дереве хорошем...* — Поговорка. Смысл: «На миру и смерть красна».

Ст. 791. *Кладемид* — если верить древним комментаторам, актер Софокла. *Очередным* (эфедром) звался в состязаниях партнер, обязанный вступить в борьбу с победителем.

Ст. 811. *Он знаток художества.* — Отсюда начинается комедийно резкое и немотивированное превращение балаганного шута Диониса в Диониса-бога, покровителя зрелищ.

Ст. 815 сл. *Желью чудовищной здесь изойдет...* — Песня хора содержит метафорически образную, но крайне точную характеристику двух враждебных поэтических стилей: «конно-вздыбленного» пафоса Эсхила и «расчетливой», софистической манеры Еврипида.

Ст. 840. *Богини огородной порождение...* — Комедия постоян-

по намекает на то, что Еврипид был якобы сыном зеленщицы. «Попрошайкой» и «властителем тряпичников и лоскутьев» Еврипид назван потому, что, стремясь к сниженному стилю, выводил в своих трагедиях героев-нищих в рубищах и дерюге. Одним из ярчайших образцов этого сниженного стиля была трагедия «Телеф», постоянная мишень комедийных насмешек, героем которой Еврипид сделал «нищего царя».

Ст. 847. *Овцу, овцу, рабы, ведите черную!* — Гнев Эсхила сравнивается с ураганом-тифоном, при приближении которого древние приносили в жертву черную овцу.

Ст. 850. *Любови развратной выдумщик...* — Еврипид назван так за свою трагедию «Ипполит», где была изображена любовь мачехи к пасынку, и за трагедию «Эол», где была изображена страсть брата и сестры.

Ст. 863—864. «*Эол*», «*Пелей*», «*Мелеагр*», «*Телеф*». — Перечисляются названия не дошедших до нас трагедий Еврипида. Перечень этот лишний раз доказывает, как случаен список уцелевших до наших дней еврипидовских трагедий, бесспорно, далеко не наилучших в наследии поэта.

Ст. 883 сл. *Деметра матерь, разум мой вскормившая...* — Молитвы обоих поэтов чрезвычайно характерны для них. Эсхил, родом из Елевсина, призывает богиню Деметру, мистерии которой, без сомнения, оказали глубочайшее влияние на его трагическое творчество. Еврипид молится своим, новым богам — отвлеченным понятиям софистической философии.

Ст. 910. *Фриних.* — Здесь имеется в виду старший современный Эсхила (ок. 540 — ок. 470 г. до н. э.), один из основателей трагического искусства, автор «Финикиянок», «Взятия Милета» и др. Устами Еврипида дается любопытное описание древнейшей формы трагедии. В ней выступает еще только один актер, и притом почти без слов. Главная роль принадлежит хору, поющему песни, по композиции своей кратные четырем, а может быть, разделенному на четыре группы.

Ст. 927. *Скамандры всё...* — Еврипид издевается здесь над возвышенно-мифологическим, героическим стилем Эсхила и его пристрастием к метафорам из области войны и вооружения. Скамандр — река в сказочной гомеровской Трое, часто упоминавшаяся Эсхилом, который недаром называл свои трагедии «объедками с пышного стола Гомера». Крылатые грифоны и прочее — геральдические эмблемы, характерные и для стиля

Эсхила, и для восточного искусства, в значительной мере питавшего эсхилловскую поэзию.

Ст. 938. *...на завесах мидийских.*— Здесь дается ясное указание на близость Эсхила к искусству восточной страны Мидии (Персии).

Ст. 944. *Кефисофонт* — композитор в трагедии Еврипида и его ближайший помощник.

Ст. 949. *...и женщинам, и слугам...*— Перечень реалистических бытовых персонажей, введенных Еврипидом в трагедию в противовес героически отвлеченным фигурам «царей и полководцев» в трагедиях Эсхила.

Ст. 964. *Кикн и Мемнон* — мифические цари, персонажи трагедий Эсхила.

Ст. 967. *Клизофонт* — афинский аристократ; о *Ферамене* — см. комм. к ст. 540.

Ст. 992. *Это видит твой взор, блестящий Ахилл...*— Стих, которым начиналась (не сохранный нам) трагедия Эсхила «Мирмидоняне».

Ст. 1022. *«Семь полководцев».*— Имеется в виду «Семеро против Фив» — одна из семи дошедших до нас трагедий Эсхила. Она была знаменита и в древности как ярчайший образец военной героики.

Ст. 1026 сл. *«Персы»* — знаменитая в древности трагедия Эсхила, также до нас дошедшая, была поставлена в 472 г. до н. э. Она посвящена прославлению морской победы афинян над персами при Саламине. Но действие трагедии (единственной «исторической», а не «мифологической» среди сохранных нам) происходило не среди победоносных греков, а в стране побежденных и оплакивающих свое поражение персов.

Ст. 1032. *Мусей* — легендарный лирический поэт.

Ст. 1037. *Пантаклей* — дифирамбический поэт, современник Аристофана.

Ст. 1039. *Ламах* — полководец, погибший в дни несчастной Сицилийской экспедиции. Аристофан при жизни относился к нему с дружеской насмешкой (см. «Тишина», комм. к ст. 304). После смерти Ламаха он неоднократно упоминал о нем с почтительным благоговением.

Ст. 1041. *Патрокл* и *Тевкр* — герои «Илиады» и трагедии Эсхила.

Ст. 1043. *Сфенебей*, влюбленная в гостя своего Беллеронфонта, и *Федра*, пылающая страстью к пасынку Ипполиту,— героини трагедий Еврипида. Образ влюбленной женщины действительно совершенно чужд героическому творчеству Эсхила.

Ст. 1048. *Оттого-то навеки ушиблен ты ей.*— Комедия любила объяснять образы злых жен в трагедиях Еврипида неудачами поэта в его собственной семейной жизни.

Ст. 1057. *Ликабет* и *Парнеф* — холмы в окрестностях Афин.

Ст. 1080 сл. *...Как в священнейших храмах младенцев рожать...*— Царевна Авга из одноименной трагедии Еврипида родила младенца в храме. Изречения относительно «жизни, равнозначашей смерти», почерпнуты из трагедии «Полид».

Ст. 1128. *«Бог недр, Гермес...»* — Пролог из трагедии Эсхила «Евмениды», нам сохранный (третья часть трилогии «Орестея»). Его произносит Орест на могиле убитого отца своего Агамемнона.

Ст. 1182. *«Счастливейшим из смертных был Эдип сперва...»*— Пролог из трагедии Еврипида «Антигона», нам не сохранный.

Ст. 1196. *Эрасинид* — злополучный полководец, казненный в числе других после морского сражения при Аргинусских островах, незадолго до постановки «Лягушек».

Ст. 1206. *«Египт, который, славясь многочадием...»* — Пролог из не сохранный нам трагедии Еврипида «Архелай».

Ст. 1211. *«Бог Дионис, который, тирс в руке подъяв...»* — Пролог из несохранный трагедии Еврипида «Иппсила».

Ст. 1217. *«Не может смертный быть во всем удачливим...»* — Начало несохранный трагедии «Сфенебей».

Ст. 1225. *«Могучий Кадм...»* — Пролог из несохранный трагедии «Фрикс».

Ст. 1232. *«Пелоп, дитя Тантала...»* — Из трагедии «Ифигения в Тавриде». Эта пьеса, говорящая о проклятии, тяготеющем над родом Пелопа, отдаленной правнучкой которого была несчастная царевна Ифигения, сохранена нам в числе семнадцати трагедий Еврипида.

Ст. 1240. *«Эней однажды...»* — Пролог из несохранный трагедии «Мелеагр».

Ст. 1244. *«Бессмертный Зевс, как говорят поистине...»* — Начало пролога из несохраненной трагедии «Меланиппа». Дионис вовремя прерывает Еврипида, так как построение этого пролога (нам известны отрывки из него) отлично от шаблона, на котором идет вся игра этого эпизода.

Ст. 1308. Остров *Лесбос*, родина Сафо и Алкея — колыбель древнегреческой лирической поэзии. Реалистически сниженная поэзия Еврипида не имеет, по суждению Аристофана, ничего общего с лирической лесбосской традицией.

Ст. 1309. *«Чайки, над вечно подвижными волнами...»* — Пародия на изысканную манерность в музыкальной композиции хоровых песен Еврипида.

Ст. 1330. *...песнь твою одноголосную.* — Насмешка над монодиями, одноголосными ариями, которые, по примеру дифирамбической музыки, Еврипид ввел в трагедиях. В этом наборе заведомой чепухи любопытно постоянное сочетание условно-патетического и буффонно-комедийного стиля.

Ст. 1378. *Эй, становитесь оба у весов!* — Вся следующая сцена построена на приеме материализованной метафоры. Поэты «взвешивают» стихи по их тяжести, по весу. Ниже цитируются стихи из разных трагедий Эсхила и Еврипида.

Ст. 1424. *Алкивиад* — афинский политический деятель, одна из самых ярких фигур тогдашнего полного смут и волнений времени. Блестящий полководец, он не раз изменял свои политические позиции, покидал Афины, персбегал на сторону врагов, воевал на стороне спартанцев, затем снова возвратился в Афины. Он был убит вскоре после представления «Лягушек». Характеристика, даваемая здесь Алкивиаду, очень ценна для определения отношения к нему современников.

Ст. 1452. *Паламед* — мифический изобретатель, имя нарицательное для хитрого и изворотливого человека.

Ст. 1471. *Не я, язык поклялся.* — И здесь и в дальнейшем — пародия на стихи Еврипида. По закону комедии, безбожные и безнравственные изречения Еврипида обращаются в конечном счете против него самого.

Ст. 1491. *Не сидеть у ног Сократа...* — С упоминанием Сократа в конце комедии замыкается нащупывающаяся уже ранее цепь между Еврипидом — представителем рационалистической

поэзии и Сократом — представителем рационалистической философии.

Ст. 1504. *Клеофонт*.— См. комм. к ст. 681. *Никомах* — крупный деятель демократии, принимавший участие в реформе законов после свержения олигархии четырехсот. Об *Археноме* и *Мирмеке* ничего не известно.

Ст. 1529. *Песней напутственной, радостной*...— Заключительная песня хора носит явные следы подражания Эсхилу, однако и сюда включен конкретный политический выпад — все против того же Клеофонта.

*Адр. Пиотровский,
В. Ярхо*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>В. Ярхо. Аристофан и его комедии</i>	5
---	----------

ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ

Всадники	29
Облака	109
Тишина (Мир)	195
Лисистрата	271
Лягушки	347
Комментарии <i>Адр. Пиотровского и В. Ярхо</i>	441

Аристофан.

А 81 Избранные комедии. Пер. с древнегреческого
Адр. Пиотровского. Предисл. В. Ярхо. Комментар.
Адр. Пиотровского и В. Ярхо. Худ. Д. Митрохин. М.,
«Худож. лит.», 1974.

496 с. («Б-ка античной литературы»).

В настоящий том «Библиотеки античной литературы» входят избранные комедии великого древнегреческого драматурга V в. до н. э. Аристофана: «Всадники», «Облака», «Лягушки» и др. Все они написаны на злобу дня, неисчерпаемы по изобретательности комических ситуаций, отличаются яркостью и блестящим остроумием. Особенности драматургии Аристофана удачно переданы в переводах Адр. Пиотровского.

А $\frac{70304-148}{028 (01)-74}$ 171—74

А

Аристофан
ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ

Редактор *Е. Маркович*
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор *Л. Титова*
Корректор *В. Фадеева*

Сдано в набор 19/X 1973 г. Подписано
в печать 5/IV 1974 г. Бумага типогр.
№ 1. Формат 60×84¹/₈. 31 печ. л.
28,92 усл. печ. л. 18,84 уч.-изд. л.
Тираж 40 000 экз. Заказ 1611.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в Ордена
Трудового Красного Знамени Пер-
вой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной тор-
говли, Москва, М-54, Валовая, 28,
отпечатано в Ордена Трудового Крас-
ного Знамени Ленинградском произ-
водственно-техническом объединении
«Печатный Двор» имени А. М. Горь-
кого Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете Совета Мини-
стров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Гатчин-
ская ул., 26.

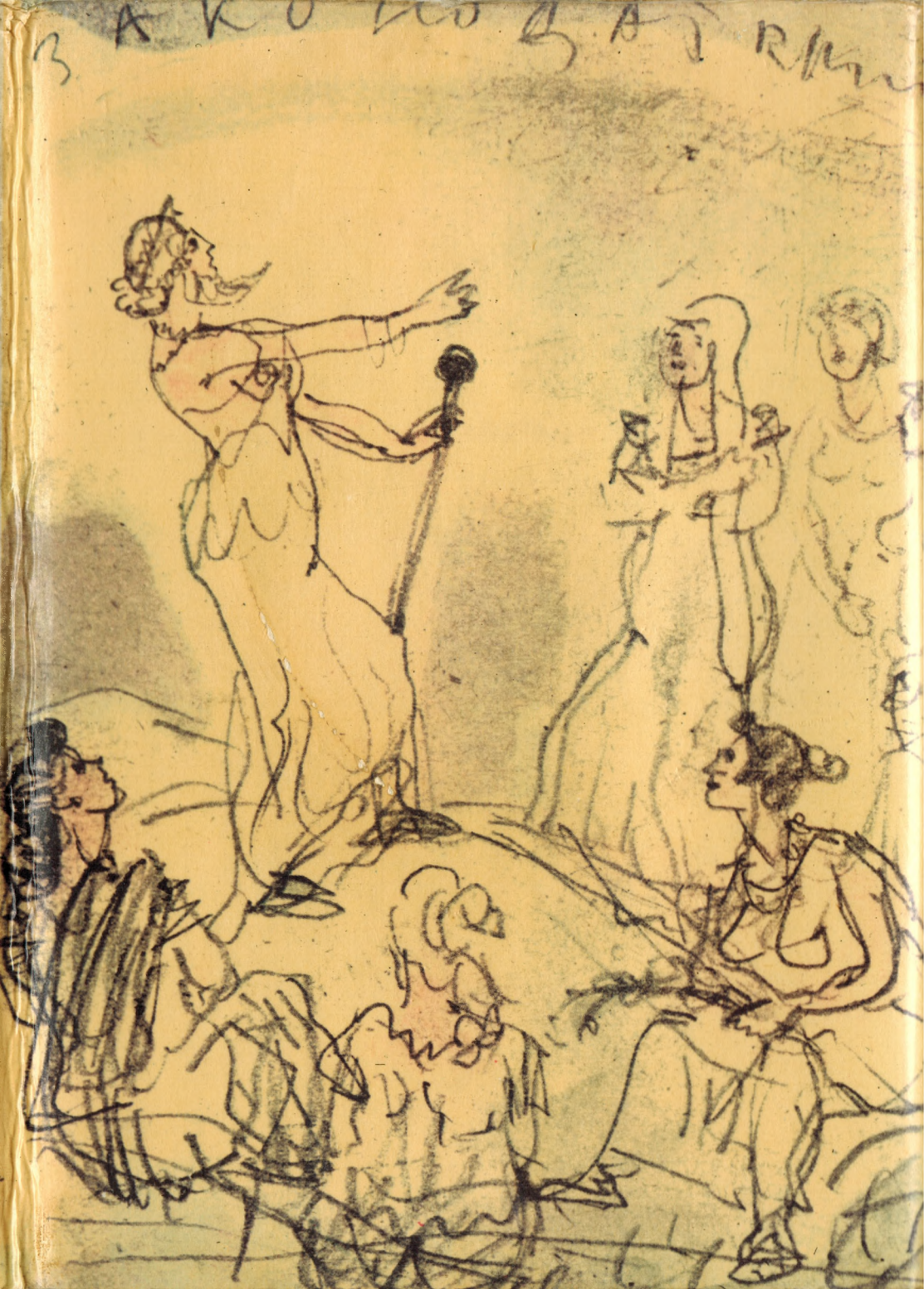

АРИСТОФАН ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ

АРИСТОФАН

ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ

АРИСТОФАН ИЗБРАННЫЕ КОМЕДИИ